

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 5, №2 2019

Издательство Амурского государственного университета

ТиПЛ

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_2

Выпуск 5, № 2 2019

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Галф Бриз, Флорида, США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартровский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

email: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_2

Volume 5, Issue 2, 2019

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (Gulf Breeze, Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code

675027; website: lingua.amursu.ru

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81.1
UDC 81.1

Ерофеева Тамара Ивановна, Черноусова Анастасия Степановна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Tamara I. Erofeeva, Anastasija S. Chernousova
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
nastyia-chernous@mail.ru

**ПРОЦЕСС ЗАПОМИНАНИЯ СЛОВА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
(АНАЛИЗ ДВУХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ)**
**WORD MEMORIZATION PROCESS: LINGUISTIC
INTERPRETATION (ANALYSIS OF TWO EXPERIMENTS)**

Аннотация

В работе исследуется процесс запоминания слова, традиционный для психологической науки, с точки зрения лингвистического и социолингвистического подходов. В центре внимания находится запоминание слова как лингвистического знака, представляющего собой сочетание семантической, фонетической и прагматической структур. Авторы соотносят психологические аспекты с лингвистическими, обращаются к проблеме взаимодействия мыслительной и языковой деятельности, реализации их друг в друге и выявляют, какое влияние на запоминание оказывает само слово, какие его параметры становятся «сигналами» (условиями) для лучшего запоминания. В ходе анализа двух экспериментов, разделённых временем, проверяется гипотеза, что необычные по лингвистическим факторам слова, вызывая ориентировочные действия, направленные на их запоминание, лучше запоминаются и воспроизводятся. Необычные слова среди обычных становятся сигнальными для испытуемого, поскольку они не согласуются с уже сложившейся функциональной системой («рабочей корреляцией») нервных структур, вследствие чего происходит их первоочередное выделение и запоминание. Делается вывод о влиянии четырёх основных факторов на процесс запоминания слова как лингвистической единицы, представляющей собой единство фонетической формы, значения и прагматической информации.

Abstract

This paper examines the process of memorizing words that are traditional for psychological science from the point of view of linguistic and sociolinguistic approaches. The focus is on memorizing a word as a linguistic symbol, which is a combination of semantic, phonetic and pragmatic structures. We correlate psychological aspects with linguistic ones, address the problem of interaction between mental and linguistic activities, and the way they are manifested in each other; we also determine what effect the word itself has on memorization, and which parameters become “signals” (conditions) for better memorization. During the analysis of two experiments separated by time, the hypothesis is tested that words that are unusual in terms of linguistic factors, causing coordinative actions aimed at memorizing them,

are better remembered and reproduced. Unusual words among ordinary ones become signal for the subject, since they do not agree with the already established functional system (“working correlation”) of the nervous structures, as a result of which their primary selection and memorization take place. The conclusion is made about the influence of four main factors on the process of memorizing a word as a linguistic unit, which is a unity of phonetic form, meaning and pragmatic information.

Ключевые слова: критерии памяти, запоминание слова, фонетическая и семантическая маркированность, прагматические факторы, зоны запоминания.

Keywords: memory criteria, memorization of words, phonetic and semantic marking, pragmatic factors, memorization zones.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_5_17

1. Введение

Исследование базируется на теории памяти. В психологии память рассматривается как «психический процесс запоминания, сохранения и последующего воспроизведения поступающей информации... Являясь сложным психическим процессом, память позволяет накапливать, сохранять и постоянно использовать личный опыт, закреплять теоретические знания, практические навыки и умения» [Большой психологический словарь, 2007, с. 316].

У истоков создания первых концепций памяти в отечественной науке стояли П. П. Блонский [Блонский, 1964, 1979], Л. С. Выготский [Выготский, 2008], П. И. и Т. П. Зинченко [Зинченко П. И., 1939, 1996; Зинченко Т. П., 2002], А. Н. и А. А. Леонтьевы [Леонтьев А. Н., 1977; Леонтьев А. А., 1971, 2001]. При изучении памяти во главу угла был поставлен её качественный анализ, – основной принцип исследования – который осуществлялся исходя из содержания и структуры конкретных видов деятельности, в которых задействована память. При этом приоритетными становятся генетический и социальный аспекты памяти.

Существуют три основных критерия, в соответствии с которыми дифференцируются виды памяти:

1) тип запоминаемого материала и характер психической активности, преобладающей в деятельности (виды памяти: двигательная, эмоциональная, образная и словесно-логическая);

2) характер целей деятельности (виды памяти: произвольная и непроизвольная память);

3) время закрепления и сохранения материала (виды памяти: сверхкратковременная, кратковременная и долговременная).

Психологов давно интересует вопрос о зависимости запоминания вербального материала от его употребительности в речи. Так, еще П. П. Блонский отмечал, что при прочих равных условиях закрепляются лучше слова с ординарным значением [Блонский, 1979]. В последние годы установлены новые факты, характеризующие различные аспекты влияния употребительности слов на их запечатление, позволяющие сделать вывод о том, что в ис-

следованиях по вербальной памяти важно учитывать частоту использования в речи тех слов, которые применяются как материал для запоминания.

Многие исследователи, в том числе Э. Мейман [Мейман, 1913]; Р. Гаупп [Гаупп, 1926]; Г. фон Ресторфф [Restorff, 1933]; Я. В. Большунов, и В. М. Соловьёв [Большунов, 1968] отмечали факт преимущественного запоминания изолированных, то есть особо заметных, странно звучащих или редких символов среди однородных членов ряда. Так, Ресторфф [1933] на основании своих экспериментальных данных пришла к выводу, что какой бы ни была природа материала, разнородные элементы между большим числом однородных элементов лучше удерживаются в памяти, чем однородные («эффект Ресторффа»).

Выдвигается гипотеза, что «редкие» слова, вызывая ориентировочные действия, направленные на лучшее их воспроизведение и запоминание, способствуют возникновению сильных очагов возбуждения, вызывающих отрицательную индукцию, то есть тормозные процессы в функциональных системах мозга, соответствующих восприятию «частых» слов.

Подобные результаты были получены в исследовании Я. В. Большунова и М. В. Соловьёва при предъявлении информантам рядов для запоминания с разным соотношением «частых» и «редких» слов внутри одного ряда [Большунов, 1968]. Отвечая на вопрос, каким образом можно объяснить лучшее запоминание и воспроизведение редко употребляемых слов при предъявлении с «частыми», вышеназванные исследователи объясняют эту тенденцию ориентировочным рефлексом на новизну или неожиданность ситуации. Ориентировочная реакция вызывается несовпадением уже сложившейся нервной модели и применённого слова другой группы. Ориентировочная реакция, возникающая при предъявлении «редких» слов совместно со словами большой вероятности употребления в речи, влечёт за собой ориентировочные действия, что, в свою очередь, ведёт к лучшей рецепции, восприятию и осмыслению этих слов. «Редкие» слова среди «частых» как бы вычлняются, ярче выступают, становятся изолированными, собственно сигнальными; они не согласуются с уже сложившейся функциональной системой («рабочей корреляцией») нервных структур. Они становятся более значимыми для испытуемого, вследствие чего происходит их первоочередное выделение и запоминание. Часто же употребляемые слова, когда они в смешанном ряду находятся в большем количестве, в силу своей большей знакомости «теряются в общей массе».

Результаты исследования лингвистической памяти показали, что последовательность, состоящая из слов с более высокой частотностью, характеризуется и более высокими показателями заучивания; указанные слова проще связать между собой, объединить в смысловые группы; при воспроизведении такого ряда сравнительно высокочастотных слов «принцип края»¹ будет обладать большей силой влияния, чем при заучивании низкочастотных слов.

¹ «Принцип края» («эффект края», «эффект начала – конца», позиционный эффект) – явление, заключающееся в том, что элементы, находящиеся в начале и в конце заучиваемого материала, запоминаются быстрее, чем элементы, находящиеся в середине.

Современные исследования организации лексикона человека связаны с моделированием процесса опознания слов. В работе Д. Сандра [Sandra, 1994] указывается на роль морфологической структуры в усвоении нового слова. Гипотеза исследователя о том, что опора на морфологические составляющие облегчает запоминание слова, была выдвинута на основании экспериментального исследования особенностей владения молодыми людьми лексикой иностранного языка.

2. Методика исследования

Предмет нашего исследования – процесс запоминания слова как лингвистического знака. Представляется интересным выявить, что влияет на запоминание ряда слов в объёме произвольной кратковременной памяти (количество слов, воспроизведённых после первого предъявления ряда) и обнаружить те лингвистические факторы, которые актуализируются при запоминании вербального материала.

Эта задача решается нами с помощью экспериментов, проведённых в 1991 и 2002 гг. Информантами в каждом эксперименте выступили 20 человек: в 1991 году – школьники 13–14 лет (подростки); в 2002 г. – студенты 18–19 лет (юношество). Им предлагалось прослушать 20 слов и по окончании чтения записать те, которые запомнились. Время на воспроизведение не ограничивалось.

Список слов (см. табл. 1) в обоих случаях подобран таким образом, что в нём были представлены:

- 1) слова с «семантической неординарностью» (например, *мировоззрение* и *похороны*);
- 2) слова с конкретной и абстрактной семантикой (*учебник* – *диффузность*);
- 3) слова с нестандартной для русского язык фонетической оформленностью (*пирсинг*, *пассия*)²;
- 4) слова, близкие к основной деятельности испытуемых (*оценки*, *шпаргалка*, *свидание*);
- 5) группа, состоящая из слов нейтральной фонетической оформленности, нейтральных по семантическому параметру, слов обиходной тематики (*капуста*, *дождь*, *стена*);
- 6) слово, не совпадающее с нормированным в литературном языке вариантом (*столовка*).

Как известно, между объёмом памяти при запоминании смыслового материала и количеством информации, которую предстоит запомнить, существует обратная корреляция: с увеличением количества информации уменьшается объём единиц, осевших в «сите» памяти. Поэтому для «чистоты» эксперимента было дано 20 слов – то количество, которое сводит к минимуму случайное запоминание и позволяет выделять только особо значимые слова.

² Назовём их фонетически маркированными – слова с иностранным звучанием. Остальные слова будем считать фонетически немаркированными.

Т а б л и ц а 1. Стимульный материал для эксперимента

Эксперимент 1991 г.	Эксперимент 2002 г.
<i>спичка, идеал, аплодисменты, школа, кочегарка, кувшин, мыло, дружба, учитель, похороны, стена, капуста, шпаргалка, любовь, учебник, самоубийство, дождь, ассоциация, свидание, память.</i>	<i>Стол, абсолютизм, диффузность, книга, абстракционизм, пирсинг, веселье, столовка, саркофаг, мировоззрение, пассива, тарантелла, поцелуй, нахлебник, дискомфорт, предметы, оценки, поминки, брифинг, развлечение</i>

При обработке полученных данных применялась стандартная формула определения процента запоминаемости: если число информантов принять за 100%, то, подсчитав количество воспроизведений каждого конкретного слова, мы вычислим процент его запоминания. Исходя из постулата об избирательном характере памяти и её объёме, который равен «магическому числу Миллера 7+2», можно было предположить, что не все слова запомнятся одинаково хорошо. Если слово воспроизведено всеми испытуемыми, то процент его запоминания 100, если половиной информантов, то запоминаемость слова составляет 50%.

Расположение слов в порядке убывания их запоминания в каждом эксперименте дано в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Запоминание слов в порядке убывания их процентов

Зоны запоминания	Показатели запоминания слов в порядке убывания, %	Слово	
		Эксперимент 1991 г.	Эксперимент 2002 г.
Зона 1. (100–70%)	100	спичка	стол
	95	–	–
	90	–	развлечение
	85	–	–
	80	любовь	–
	75	идеал, школа	–
	70	кочегарка, свидание	диффузность, брифинг
Зона 2. (65–35%)	65	–	абсолютизм
	60	учитель, похороны, самоубийство, ассоциация	–
	55	шпаргалка	веселье
	50	память	пирсинг, поминки
	45	–	–
	40	–	столовка, поцелуй
	35	аплодисменты	–

Окончание таблицы 2

Зоны запоминания	Показатели запоминания слов в порядке убывания, %	Слово	
		Эксперимент 1991 г.	Эксперимент 2002 г.
Зона 3. (30–0%)	30	капуста, дружба	книга, саркофаг, тарантелла
	25	стена, кувшин, учебник	абстракционизм, мировоззрение
	20	мыло, дождь	пассия, нахлебник
	15	–	предметы, оценки, дискомфорт
	10	–	–
	5	–	–
	0	–	–

Как показывает табл. 2 (колонка 3), первое слово *спичка* запомнилось всеми участниками эксперимента 1991 г. без исключения, что и было ожидаемо согласно упомянутому ранее «эффекту края». После слова *спичка* самый высокий уровень запоминания оказался у слова *любовь* – 80%. Как и предполагалось, актуальность семантики должна была вызвать подобный эффект. Кроме этого, данное слово наверняка хорошо бы запомнилось в любом эксперименте по причине семантической не-нейтральности, эмоциональности этой лексемы и значимости процесса, называемого данным словом (проявление прагматики), для школьников 13–14 лет. Эти два слова в обоих экспериментах имеют самые высокие проценты запоминаемости.

Третье место по запоминаемости в эксперименте 1991 г. занимает слово *идеал* (представлена в 75% работ). Достаточно высокий показатель запоминания получен за счёт того, что в ряду слов эта единица была второй, а значит, на неё распространяется «эффект края». Кроме этого, слово *идеал* обладает особой семантической отмеченностью среди семантически нейтральных прочих слов (очень многие вольно или невольно стремятся достигнуть идеала), следовательно, имеет по этому параметру дополнительный стимул к запоминанию. Высокий процент запоминания (75%) приходится на слово *школа*. Проявляется действие фактора близости лексики к основной деятельности испытуемых (школьная тематика автоматически запечатлевается в сознании). Слово *учебник*, несмотря на то, что его семантика удовлетворяет условию «близости к деятельности», в эксперименте имеет низкий процент запоминания (25%). Предполагается, что лингвистические параметры (слово, не имеющее ни фонетической, ни семантической маркированности) не выделили его среди других.

Высокий процент запоминания слова *учитель* (60%) объясняется тем, что оно несёт в себе определённый эмоциональный заряд для школь-

ников (он может быть положительным, а может быть и отрицательным), что и служит стимулом к выделению и запоминанию. Убедительным фактором для объяснения хорошей запоминаемости этого слова является и фактор близости лексики к основной деятельности испытуемых.

При запоминании слов *школа, учитель, учебник* важна не семантика, а та часть содержания, которую А. А. Потебня [Потебня, 1958] называл «внеязычным», или экстралингвистическим содержанием. Это индивидуальные ассоциации, связанные со словом в сознании говорящего.

Слово с разговорной окрашенностью *кочегарка* отразили 70% испытуемых. Слово принадлежит к социально окрашенной тематической группе; в основном встречается в литературе, не распространено в обиходной речи, что, возможно, послужило дополнительным стимулом к его запоминанию (стилистическая окрашенность и низкая частотность).

Слово *свидание* имеет 70% запоминания, вероятно, благодаря актуальности его семантики для данного возраста. Кроме того, на его запоминаемость повлиял «эффект края» (что слово стояло предпоследним в ряду слов).

Слова *учитель, похороны, самоубийство*, ассоциация имеют одинаковый процент запоминания – 60%. В эту группу с достаточно высоким уровнем запоминаемости входят слова с неординарной семантикой (*похороны, самоубийство*), с уже известной нам школьной тематикой (*учитель*), а также с фонетической маркированностью (*ассоциация* – слово, опознаваемое по фонетическому облику как заимствованное). Вышеперечисленные факторы способствуют выделению этих слов из ряда нейтральных по указанным параметрам, что ведёт к их приоритетному запоминанию.

Более половины информантов – 55% – воспроизвели слово *шпаргалка*, которое относится к разговорному стилю. На высокую запоминаемость лексической единицы *шпаргалка* мог повлиять уже известный нам фактор «близости к деятельности». Как в случае со словами *школа, учитель*, проявляется влияние прагматического аспекта.

Слово *память* зафиксировали 50% информантов. Слово было последним в ряду и должно было запомниться достаточно хорошо, но «затерялось» для информантов, т. к. не имеет актуальных для запоминания лингвистических признаков.

Только 35% участников эксперимента отразили в своих работах слово с неординарным фонетическим оформлением *аплодисменты*. Кроме того, слово не является частотным. Однако оно было третьим в ряду, а запоминаются, как правило, последние две-три единицы и первые одна-две, что и сыграло главную роль в снижении запоминаемости.

Рассматривая слова третьей группы (с запоминаемостью от 30 до 0%) отметим, что все они имеют нейтральные лексико-семантические и фонетические характеристики. Очевидно, это и определяет невысокий уровень их запоминания: *кувшин* – 25%, *мыло* – 20%, *дружба* – 30% (снова видим влияние социального фактора: для испытуемых данного возраста значимее становится *любовь*, чем *дружба*), *стена* – 25%, *капуста* – 30%, *дождь* – 20%.

Результаты эксперимента 1991 года дают возможность сделать следующие выводы об особенностях запоминания стимульного ряда слов.

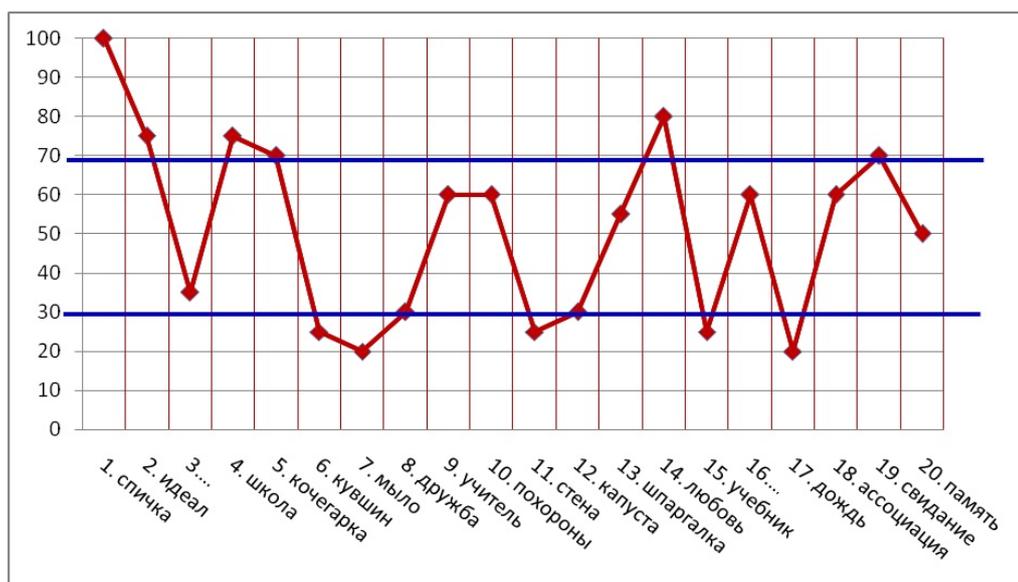
1. Слова *капуста, дождь, стена, мыло* нейтральны, ничем не выделяются в ряду других лексем, поэтому имеют низкий процент запоминания.

2. Более высоким процентом запоминания характеризовались слова *любовь, идеал* (не-нейтральные по лексико-семантическим либо фонетическим характеристикам). Причём ведущим фактором, способствующим приоритетному запоминанию, является маркированность семантики.

3. При запоминании проявляется социальный фактор: действенным оказался фактор «близости к основной деятельности испытуемых» (*учебник, школа, учитель*).

Обобщая экспериментальные данные 1991 г., можно наблюдать неоднородность запоминания слов с идентичными параметрами. Так, невелика разница показателей запоминания в группе слов с «неординарной» семантикой – 80%, 60%, 60% – причём показатели запоминания слов с эмоциональной семантикой явно выше. Немного различаются результаты в группе лексем с не-нейтральной лексической окраской – 70% и 55%. С другой стороны, существенное расхождение уровней запоминания присутствует в разряде слов «школьной» лексики – 75%, 60%, 25% – и «неординарной» фонетической оформленности (фонетически маркированных слов – заимствований) – 60% и 35%. В зависимости от показателей запоминаемости лексических единиц выделяются три зоны: Зона 1 включает слова с высоким процентом запоминания (от 100 до 70), зона 2 – в пределах от 65% до 35%, и зона 3 – от 30% до 15%.

Для наглядности полученные результаты представим графически (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Зоны запоминания стимульного ряда слов в эксперименте 1991 г.

Проанализируем результаты запоминания ряда слов эксперимента 2002 г. В соответствии с «эффектом края» слово стол запомнилось стопроцентно. После данного слова (90% запоминания) имеет лексическая единица – *развлечение*. Слово было последним в ряду, поэтому оно так хорошо запомнилось.

Слова *диффузность* и *брифинг* представлены в 70% анкет. Высокий показатель объясняется тем, что не все информанты знали значения этих слов, однако их привлекла необычная фонетическая форма. Кроме того, *диффузность* было третьим, а *брифинг* – предпоследним словом в ряду, а значит на них распространился «эффект края».

Слово *абсолютизм* имеет 65% запоминания. Оно было вторым в ряду, значит на него также мог распространиться «эффект края».

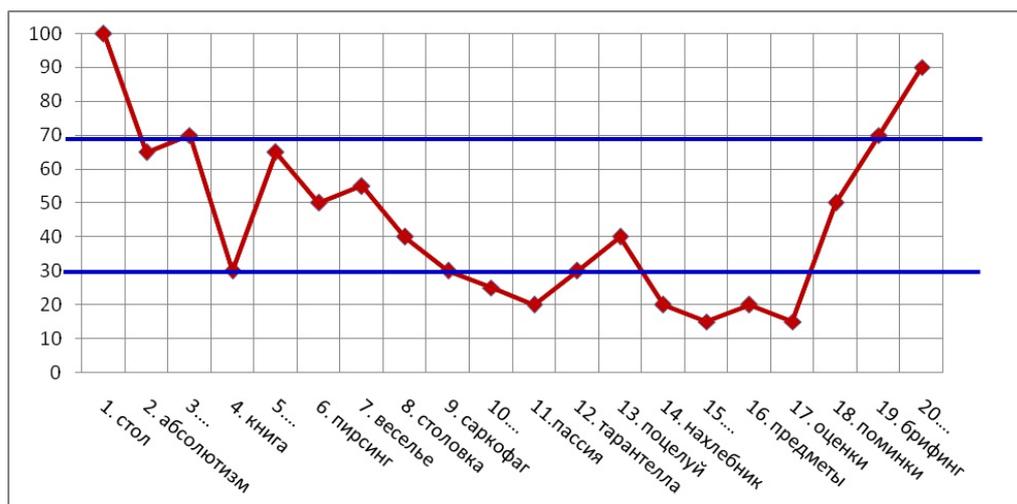
Рассмотрим группу слов, которые имеют средние показатели запоминания. Слово *веселье* (седьмое в ряду), которое имеет 55% запоминания. По-видимому, эта лексическая единица характеризуется определённой эмоциональностью и поэтому на неё обращают внимание информанты.

Слова *пирсинг* и *поминки* запомнились половине испытуемых. Слово *поминки* было семнадцатым в ряду и подверглось «эффекту края»; заимствование *пирсинг* привлекло внимание своей фонетической маркированностью (на момент проведения эксперимента слово ещё не получило того распространения, которое оно имеет сейчас и звучало явно необычно).

Слова *столовка* и *поцелуй* зафиксировали 40% информантов. С одной стороны, невысокий процент объясняется отсутствием ярких лингвистических признаков для запоминания, с другой – слова не полностью затерялись в ряду, поскольку ощущается разговорный характер первого и актуальность значения второго для данной группы испытуемых.

Обратимся к третьей группе – словам с низким процентом запоминания. Сюда вошли *книга*, *саркофаг*, *тарантелла* – 30%; *абстракционизм*, *мировоззрение* – 25%; *пассия*, *предметы*, *оценки* – 20%; *нахлебник*, *дискомфорт* – 15%. Мы видим в этой группе слова, которые находились в середине ряда, чем и объясняется низкий процент их запоминания. Представим результаты эксперимента 2002 г. на графике (см. рис. 2).

Как показывает рисунок 2, первые два-три слова имеют высокие проценты запоминания в силу действия «эффекта края» (в предыдущем эксперименте – первые два). Далее, несмотря на присутствие лингвистических факторов, способствующих приоритетному запоминанию, показатели снижаются. Самые низкие проценты имеют слова, находящиеся в середине ряда и в начале последней трети ряда. По мере приближения в конце ряда (на последних трёх словах) наблюдается тенденция к постепенному росту уровня запоминания. Последние два-три слова имеют довольно высокие показатели запоминания. У данной группы испытуемых «эффект края» выражен более последовательно, чем в предыдущем эксперименте, а роль других факторов в целом снижена. Не исключено, что указанная разница объясняется возрастными различиями групп респондентов.

Р и с у н о к 2. Зоны запоминания стимульного ряда слов в эксперименте 2002 г.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. При запоминании лексических единиц в экспериментах, разделённых временем, проведённых на разных группах участников и при том, что слова предъявлялись разные (хотя и отобранные по одним и тем же критериям), оказалось, что имеют значение одни и те же факторы, работают одни и те же механизмы запоминания вербального материала.

Изучая слово как лингвистический знак в качестве объекта запоминания, отметим: на приоритетное запоминание оказывает влияние нетипичная для русского языка форма лексемы, а также маркированность семантики. Слова, предлагаемые испытуемым для запоминания, были упорядочены и различались по 2 критериям – конкретность / абстрактность семантики и типичность / нетипичность для русского языка фонетической формы. Для информантов слова, нейтральные по обозначенным параметрам, не имеют оснований для выделения и запоминания и поэтому имеют низкие проценты запоминаемости. Более успешными при запоминании оказываются не-нейтральные по лексико-семантическим, либо фонетическим характеристикам единицы. Причём ведущим фактором, способствующим приоритетному запоминанию, является маркированность семантики. Этот факт доказывается экспериментальными данными, полученными в исследованиях, разделённых временем. Также при запоминании проявляется социальный фактор: действенными оказались факторы близости к основной деятельности испытуемых и актуальности семантики лексемы, связанной с возрастом. Вербализованные знания, которые хранятся в голове человека, представляют собой сложную структуру с множеством горизонтальных и вертикальных связей. На запоминание слова как языковой единицы влияет грамматическая, семантическая, прагматическая и другая информация, заключенная в нем.

Проведённый анализ позволяет говорить о влиянии 4-х основных факторов: 1) «эффект края» (явление, заключающееся в том, что элементы, находящиеся в начале и в конце экспериментального материала, запоминаются быстрее, чем элементы, находящиеся в середине); 2) фонетически маркированная форма; 3) семантическая неординарность; 4) прагматическая информация, связанная с биосоциальными характеристиками запоминающих.

Процесс запоминания, традиционно являвшийся предметом изучения представителями психологии, рассмотрен нами в лингвистическом и социолингвистическом аспектах: сквозь призму влияния материала и в связи с биологическими и социальными характеристиками запоминающих. Такое описание процесса запоминания актуально для разработки проблем соотношения мышления, языка, общества.

Перспектива дальнейшего исследования видится в более глубоком исследовании процесса запоминания с помощью математических методов, направленных на измерение силы значимости различных факторов, актуализирующихся при запоминании вербального материала.

Список литературы

1. Блонский, П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения [Текст] / П. П. Блонский. – В 2 т. – Т. 1. – М. : Педагогика, 1979. – 304 с.
2. Блонский, П. П. Память и мышление [Текст] / П. П. Блонский // Избранные психологические произведения. – М. : Просвещение, 1964. – С. 287–501.
3. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.] ; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2007. – 811 с.
4. Большунов, Я. В. Запоминание слов в зависимости от их употребительности в речи [Текст] / Я. В. Большунов, В. М. Соловьёв // Тезисы докладов III Всесоюзного съезда общества психологов. – М., 1968 – Т. 1. – С. 280–281.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : АСТ : Хранитель, 2008. – 668 с.
6. Гаупп Р. Психология ребенка [Текст] / Р. Гаупп. – Л. : ГИЗ, 1926. – 236 с.
7. Зинченко, П. И. Непроизвольное запоминание: Избр. психол. труды [Текст] / П. И. Зинченко / ред. : В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. – Воронеж : Модэк, 1996. – 544 с.
8. Зинченко, П. И. Проблема произвольного запоминания [Текст] / П. И. Зинченко // Научные записки Харьков. гос. пед. ин-та ин. яз. – Харьков, 1939. – Т. 1. – С. 145–187.
9. Зинченко, Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии [Текст] / Т. П. Зинченко. – СПб. : Питер, 2002. – 320 с.
10. Леонтьев, А. А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность) [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001. – 392 с.
11. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения [Текст] / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М. : Наука, 1971. – С. 46–73.

12. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Изд-во политич. Литературы, 1977. – 304 с.
13. Мейман, Э. Экономия и техника памяти: Эксперим. исслед. о запечатлении и запоминании [Текст] / Эрнст Мейман; пер. прив.-доц. Моск. ун-та Н. Самсонова. – М. : Космос, 1913. – 246 с.
14. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
15. Черноусова, А. С. Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Черноусова Анастасия Степановна ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 189 с.
16. Черноусова, А. С. Социолингвистическая обусловленность запоминания вербального материала [Текст] / А. С. Черноусова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. ; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Вып. 9 : Анализ языковых единиц в социолингвистическом аспекте. – С. 99–107.
17. Sandra, D. Morphology in the reader's mental lexicon [Text] / D. Sandra. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 1994. – 146 p.
18. Von Restorff, H. Über die Wirkung von Bereichsbildungen im Spurenfeld. – *Psychologie Forschung*. – 1933. – No 18. – S. 299–342.

References

1. Blonskiy, P. P. (1979). *Izbrannye pedagogicheskie i psikhologicheskie sochineniya* [Selected essays in pedagogy and psychology]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow : Pedagogika Press.
2. Blonskiy, P. P. (1964). *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected works in psychology]. M. : Prosveshchenie Press.
3. Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (eds.) (2007). *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Big psychological dictionary]. 4th edition. Moscow : AST Press ; Saint-Petersburg : Praym-Evroznak Press.
4. Bolshunov, Ya. V., Solovyev, V. M. (1968). Zapominanie slov v zavisimosti ot ikh upotrebitel'nosti v rechi [Memorizing words depending on their frequency of occurrence in speech]. *Tezisy dokladov III Vsesoyuznogo syezda obshchestva psihologov* [Proc. of the III all-Union Congress of the society of psychologists] (pp. 280–281).
5. Vygotskiy, L. S. (2008). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow : Khranitel' Press.
6. Gaupp, R. (1926). *Psikhologiya rebenka* [Child psychology]. L. : GIZ Press.
7. Zinchenko, P. I. (1996). *Neproizvol'noe zapominanie: Izbr. psihol. trudy* [Involuntary memorization: Selected works in psychology]. Voronezh : Modek Press.
8. Zinchenko, P. I. (1939). Problema neproizvol'nogo zapominaniya [The problem of involuntary memory]. *Nauchnye zapiski Har'kov. gos. ped. in-ta in. yaz.* [Scientific notes of Kharkiv State Pedagogical Institute of Foreign Languages] (Vol. 1, pp. 145–187). Kharkov.
9. Zinchenko, T. P. (2002). *Pamyat' v eksperimental'noy i kognitivnoy psikhologii* [Memory in experimental and cognitive psychology]. St-Petersburg : Piter Press.

10. Leontiev, A. A. (2001). *Deyatel'nostnyy um (Deyatel'nost'. Znak. Lichnost')* [Active mind (Activity. Symbol. Personality)]. Moscow : Smysl Press.
11. Leontiev, A. A. (1971). Psihologicheskaya struktura znacheniya [Psychological structure of meaning]. *Semanticheskaya struktura slova. Psiholingvisticheskie issledovaniya* [Semantic structure of the word. Psycholinguistic studies] (pp. 46–73). Moscow : Nauka Press.
12. Leontiev, A. N. (1977). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow : Politicheskaya Literatura Press.
13. Meumann, E. (1913). *The psychology of learning; an experimental investigation of the economy and technique of memory*. Moscow : Kosmos Press. (Russian translation from German).
14. Potebnya, A. A. (1958). *Iz zapisok po russkoy grammatike* [Notes on Russian grammar]. Moscow : Uchpedgiz Press.
15. Chernousova, A. S. (2008). *Leksicheskaya edinitsa i ee zapominanie: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Lexical unit and its memorization: Sociolinguistic study]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Perm : Perm. State University.
16. Chernousova, A. S. (2007). Sotsiolingvisticheskaya obuslovlennost' zapominaniya verbal'nogo materiala [Sociolinguistic factors determining verbal material memorization]. *Problemy sotsio- i psiholingvistiki* [Problems of socio-and psycholinguistics] (Vol. 9, pp. 99–107). Perm.
17. Sandra, D. (1994). *Morphology in the reader's mental lexicon*. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH.
18. Von Restorff, H. (1933). Über die Wirkung von Bereichsbildungen im Spurenfeld. *Psychologie Forschung*, 18, 299–342.

УДК 811.13
UDC 811.13

**Залавина Татьяна Юрьевна, Антропова Людмила Ильинична,
Полякова Лилия Сергеевна, Южакова Юлия Владимировна**
**Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова**
г. Магнитогорск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Zalavina, Ludmila I. Antropova,
Liliya S. Polyakova, Yulia V. Yuzhakova
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russian Federation
tania_mgn@rambler.ru

**СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОБЩЕЙ
ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**
**SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMMON
NEGATIVE CONNOTATION IN NATIONAL LANGUAGES
(BASED ON FRENCH)**

Аннотация

Настоящая работа посвящена изучению значения соматических фразеологизмов с общей отрицательной коннотацией во французском языке в рамках антропоцентрической парадигмы. Подчёркивается активный характер формирования соматических фразеологических единиц, отличающихся двуплановостью семантической структуры. Для сопоставления семантики переменного словосочетания и фразеологической единицы был применён анализ результатов первичной транспозиции, обычно используемый для этих целей, и метод аппликации фразеологизма на переменное словосочетание для определения степени семантической слитности компонентов и природы целостного значения исследуемых фразеологизмов. В результате анализа французских соматических фразеологизмов выделена совокупность слов семантического поля отрицания, которые выражают различные чувства и используются для характеристики действия или объекта.

Abstract

This work reports the results of the study of the meaning of somatic phraseological units with negative connotations in the French language within the anthropocentric paradigm. We emphasize active character of forming somatic phraseological units characterized by the two-dimensional semantic structure. To compare the semantics of variable word combinations and the corresponding phraseological units the analysis of primary transposition results was used to map the semantics of variable word combinations and phraseological units – a method typically applied for such a purpose; another method used was the application of an idiom onto the corresponding variable word combination to determine the degree of the components semantic merging to create coherent meaning of the studied idioms. As a result of the analysis of French somatic phraseological units, we singled out a set of words belonging to the

semantic field of negative meanings that express various feelings and are used to characterize actions or people.

Ключевые слова: соматический фразеологизм, отрицательная коннотация, переменное словосочетание, переносное значение, французский язык.

Keywords: somatic phraseological unit, negative connotation, variable word combination, figurative meaning, French language.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_18_27

1. Введение

Развиваясь в рамках антропоцентрической парадигмы, современные научные исследования подчёркивают, что их главным объектом остаётся человек [Социокультурные..., 2018, p. 455]. Его восприятие окружающего мира, этнические стереотипы отражается на языковом уровне [Yuzhakova et al., 2019, p. 464 ; Залавина, 2018, с. 40]. Особенно ярко это проявляется в национальной фразеологии [González-Rey, 2002, p. 9 ; Ziem et al., 2011, p. 195 ; Нассири, 2014, с. 67]. Значительное место в формировании фразеологических единиц национальных языков и французского языка, в частности, принадлежит словам-соматизмам, которые представляют собой универсальные лексические единицы и используются для описания жизни человека: его внешности, основных занятий, его переживаний, отношений с другими людьми, и, вызывающих ассоциации с жизнью, чувствами, физическим и умственным трудом человека. Такие слова, как *oeil (yeux)* – 'глаз (глаза)', *main, bras* – 'рука', *poing* – 'кулак', *nez* – 'нос', *tete* – 'голова', *piéd, jambe* – 'нога', *epaule* – 'плечо', *coeur* – 'сердце', *bouche* – 'рот', *langue* – 'язык', *dent* – 'зуб' и другие, во французском и русском языках образуют многочисленные фразеологизмы. Приведём только некоторые из них: *fermer les yeux (sur qch)* букв. 'закрывать глаза', перен. 'сознательно не замечать что-либо'; *mettre son nez* 'совать нос в чужие дела'; *avoir qn dans le nez* (груб.) 'не выносить, ненавидеть кого-либо'; *taper du piéd* букв. 'топать ногами', перен. 'сердиться'; *faire qch par-dessous la jambe* (разг.) 'делать что-либо спустя рукава'; *se salir les mains* букв. 'запачкать руки', перен. 'совершить неблагоприятный поступок, порочить, чернить кого-либо' [Французско-русский ..., 2019)]¹. Все эти единицы очень близки в обоих языках именно в силу общности свойств тех органов, названия которых являются основными компонентами фразеологизмов [Черданцева, 1977, с. 6].

Нужно отметить, что среди рассматриваемых фразеологизмов, возникших в результате образного переосмысления, выделяются фразеологизмы, для которых характерна двуплановость семантической структуры: они обладают переносным и буквальным значением. Формальным показателем образности этих единиц является противопоставления их

¹ Эти и другие примеры взяты из Французско-русского фразеологического словаря . URL : http://eocjzhexh.260mb.net/tid_nraytv_2/gmiehh_56.html?i=1

буквального и переносного (фразеологического) значений. Наиболее ярко противопоставление переносного и буквального значений фразеологизмов выражено в тех случаях, когда оба значения словосочетания реально и постоянно воспроизводимы в языке. Другими словами, существует формальная идентичность составляющих компонентов переменного сочетания (далее – ПС) и фразеологической единицы (далее – ФЕ) [Соколова, 1987, с. 14].

Возможность сопоставления семантики ПС и ФЕ возникает в результате первичной транспозиции. Механизм первичной транспозиции заключается в семантическом переоформлении исходного ПС, при котором новообразования сохраняют структуру исходных [Соколова, 1987, с. 17]. Например, на основе ПС *tendre la main* букв. 'протянуть руку' сформировалась ФЕ со значением 'просить милостыню'. Данная ФЕ несёт информацию о реальной жизненной ситуации: можно протянуть руку для рукопожатия. Полученная информация перерабатывается таким образом, что такие элементы ситуации, как 'просьба о помощи', 'состояние безысходности', акцентируются и выдвигаются на передний план.

На основе ПС *laver la tête à qn.* букв. 'мыть голову кому-либо' сформировалась ФЕ 'намылить голову кому-либо', 'отругать кого-либо'. Значение сформированной ФЕ включает такие элементы ситуации, как 'наведение порядка', 'активное воздействие на объект'.

Таким образом, основное отличие ПС от ФЕ проявляется в их семантике, а компонентный состав ПС не отличается от компонентного состава ФЕ. В процессе первичной транспозиции исходное переменное сочетание становится устойчивым образным сочетанием фразеологического характера в силу семантического преобразования ПС и формирования единого семантического целого.

Образность следует понимать как «совмещенное видение двух картин», возникающее у слов или словосочетаний с конкретным значением [Гак, 1977, с. 21]. Многие из таких образно употреблённых словосочетаний становятся общеупотребительными в определённом языковом коллективе и даже могут выйти в другие языки. Тогда такое словосочетание начинает функционировать как единое целое, и образ, выраженный им, ложится в основу обозначаемого данного словосочетания, приобретающего статус самостоятельной языковой единицы, то есть ФЕ.

Верным представляется замечание Т. З. Черданцевой относительно образности, согласно которому значение ФЕ возникает на основе образа или обозначения ситуации, отражением которого она является [Черданцева, 1977, с. 6, 34]. Во фразеологическом фонде французского языка преобладают образные ФЕ. Образность ПС лежит в основе ассоциативного принципа, используемого при изучении возможностей транспозиции ПС и возникновении ФЕ. Ассоциации часто вызываются как значением ПС, так и словами-компонентами ФЕ. ФЕ – это почти всегда яркие образные выражения. Возникновение подобных единиц в языке связано со стремлением более ярко выразить то, что уже было выражено другими средствами. Как подчёркивает И. И. Чернышева, «развитие ФЕ идёт по линии создания

устойчивых словосочетаний, выраженных эмоционально насыщенную характеристику качеств, свойств, действий субъекта фразеологическими средствами языка, то есть на основе переосмысления переменных словосочетаний с наиболее метким для данного понятия образом» [Чернышева, 1970, с. 73].

2. Семантический анализ соматических фразеологизмов во французском языке

В нашем случае слова-соматизмы входят в группу вербальных ФЕ, где выступают в роли знаменательного слова, которое в глагольных фразеологических сочетаниях обычно становится дополнением. Данные глагольные ФЕ характеризуют внутреннее (моральное) состояние человека, а их ПС представляют описания жестов или конкретные физические действия.

К соматическим ФЕ, которые выражают несогласие, неодобрение человека по отношению к чему-либо или кому-либо, можно отнести следующие: *hausser les épaules* букв. 'пожимать плечами', перен. 'не соглашаться, сомневаться'; *hocher la tête* букв. 'качать головой', перен. 'не соглашаться с чем-либо'.

Соматические ФЕ, выражающие недовольство, гнев, негодование, представлены, например, *serrer les dents* букв. 'стиснуть зубы', перен. 'сердиться'; *taper du pied* букв. 'топать ногами', перен. 'сердиться'; *serrer les poings* букв. 'сжимать кулаки', перен. 'злиться, негодовать'; *mordre la lèvre* букв. 'кусать губы', перен. 'злиться, негодовать'; *froncer (hausser) les sourcils* букв. 'сдвинуть (поднять) брови', перен. 'быть недовольным, сердиться'.

К соматическим ФЕ, выражающим чувства презрения, пренебрежения, равнодушия, безразличия, относятся, например, *détourner les yeux (de qn)* букв. 'отвести глаза, взгляд', перен. 'отвернуться от кого-либо'; *fermer les yeux (sur qch)* букв. 'закрывать глаза', перен. 'сознательно не замечать что-либо'; *tirer la langue* букв. 'показать язык', перен. 'насмехаться над кем-либо'; *se croiser les bras* букв. 'скрестить руки', перен. 'сидеть сложа руки, бездействовать'.

Соматические ФЕ, выражающие волнение, переживание, боязнь, трусость, представлены, например, *se laver les mains* букв. 'умыть (умывать) руки', перен. 'отстраниться от чего-либо, снять с себя ответственность за что-нибудь'; *se mordre les ongles* букв. 'кусать ногти', перен. 'сильно волноваться, переживать'.

Перечисленные выше ПС, передающие определённые жесты или конкретные физические действия, переосмысливаются в определённой ситуации (контексте) и формируют значение соматических ФЕ. Являясь важным экспрессивным средством языка, соматические ФЕ активно используются в художественных произведениях французских писателей. Обратимся к некоторым примерам, которые удалось выявить в ходе работы с языковым материалом словаря [Французско-русский ..., 2019].

(1) *La colère l'emportait, il restait immobile, les bras ballants, les yeux fermés, mordant sa lèvre inférieure et entrant ses ongles dans ses paumes.* –

Гнев брал над ним верх, он останавливался, неподвижный, с опущенными руками, с закрытыми глазами, кусая губы и вонзая ногти в ладони.

В приведённом примере автор передаёт момент негодования, гнева, переживания своего героя-врача, используя при этом не одно, а несколько ПС (на основе которых формируются ФЕ) со словами-соматизмами, таких как опустить руки, закрыть глаза, кусать губы, вонзать ногти в ладони. Автор показывает, насколько сильно герой охвачен этим чувством, которое перерастает в чувство неуверенности, безысходности ситуации, в которой он находится.

На другом примере видно, как автор использует наряду с ПС *hausser les sourcils* букв. 'нахмурить брови' (на основе которого формируется ФЕ со значением 'быть недовольным, сердиться') прилагательное *mécontent* 'недовольный' для усиления выразительности описания.

(2) *Antoine étant mécontent, haussait ses sourcils paumes.* – Недовольный Антуан хмурил брови.

Подобным образом можно рассмотреть и следующий отрывок:

(3) *Antoine se mordait fébrilement ses ongles.* – Антуан лихорадочно грыз ногти.

Наряду с вербальными соматическими ФЕ описательного характера существуют субстантивные ФЕ описательного характера с мотивированным значением. Мотивированность значения ФЕ следует понимать «как наличие связи, наличие корреляции, существующей между семантикой ФЕ и прямым значением ПС, лежащего в основе ФЕ» [Соколова, 1987, с. 4, 136]. Мотивированность рассматриваемых субстантивных ФЕ обусловлена содержанием целого. Например, существительные *tête, coeur, oeil, bouche, langue, bras, nez* в конструкции с прилагательным часто имеют значение 'человек, обладающий определёнными интеллектуальными способностями', например: *tête de bois* 'тупица'; *tête de chou* 'глупец'; *tête de mule* 'тупица, упрямец'; *tête dure* 'тупица, дырявая голова'; *nez de boeuf* 'тупица, упрямец'.

Данные конструкции имеют также значение 'моральная (внутренняя) характеристика человека', например: *tête chaude* 'вспыльчивый человек, горячая голова'; *mauvaise tête* 'легкомысленный, вздорный человек, сумасброд'; *tête de cochon* 'упрямец'; *tête de turc* 'козёл отпущения, предмет всеобщих насмешек'; *tête felée* 'сумасброд'; *tête brûlée* 'отпетый малый'; *tête de linotte* 'легкомысленный человек, вертопрах'; *coeur de poule* 'трус'; *coeur de tigre* 'жестокий человек'; *coeur double* 'лицемер'; *coeur de marbre* 'равнодушный человек'; *oeil sec* 'равнодушный человек'; *mauvaise bouche* 'сквернослов'; *langue de serpent* 'сквернослов', *mauvaise langue* 'сквернослов'; *bras croisés* 'бездейственный, пассивный человек'.

Значение соматической ФЕ *coeur de tigre* (букв. 'сердце тигра') формируется на основе сем, входящих в исходное ПС, и согласно формуле метонимии – часть / целое. При актуализации ФЕ, которая осуществляется в рамках фразеологического контекста, реализуется и становится архисемой ФЕ потенциальная сема ПС 'одушевленность', поскольку ПС опосредованно, через соматизм *coeur (de tigre)* соотносится не только с животным, но и

человеком. Архисема ПС 'сердце' (часть организма) и дифференциальная сема 'животное' (зооним) погашаются. Потенциальная сема 'отсутствие жалости' переходит в дифференциальную сему 'жестокость'. Взаимодействие и перегруппировка сем в рамках процесса метонимизации приводит к сдвигу денотативной соотнесенности: исходное ПС – обозначение соматизма животного указывает не только на действующее лицо, но и включает его отрицательную оценку – жестокость.

Рассмотрим ещё один пример: значение ФЕ *tête de mule* букв. 'голова мула' формируется также на основе сем, входящих в исходное ПС и согласно формуле метонимии – часть / целое. Потенциальная сема одушевленности ПС становится архисемой ФЕ. Через соматизм *tête (de mule)* ПС соотносится не только с животным, но и человеком. Архисема ПС 'голова' (часть тела) и дифференциальная сема 'животное' (зооним) погашаются. Потенциальная сема ПС 'отсутствие интеллекта' (мул не является символом ума) переходит в дифференциальную сему 'тупость'.

Итак, во французском языке сама мысль названия человека словом голова основана на выделении реального признака, фиксируемого исходным сочетанием. «Если ПС характеризуется только стилистической нейтральностью, то при образовании ФЕ актуализируется такой компонент коннотативного значения как ситуативная оценка» [Соколова, 1987, с. 4, 136]. В данных примерах при образовании соматических ФЕ со значением 'жестокый человек', 'тупица' актуализируется отрицательная оценка.

Таким образом, в формировании значения ФЕ участвуют два компонента коннотативного значения – стилистической и субъективной оценки. Во всех примерах соматических ФЕ с компонентами-соматизмами значение ФЕ – денотативное.

Немаловажен тот факт, что многие из рассматриваемых ФЕ могут реализоваться в речи с помощью глаголов, особенно таких, как *avoir, être, faire, mettre, prendre* и других, в силу чего последние становятся неотъемлемой частью этих единиц и на уровне языка. Подобный процесс «отглаголивания», естественно, также приводит к увеличению числа глагольных соматических ФЕ и их удельного веса [Назарян, 1981, с. 3, 159]. Всё это обусловило переход глагольных ФЕ от средней степени продуктивности в IX–XIV вв. к сверхвысокой степени в XX–XI вв. Таким образом, каждый второй фразеологизм в современном французском языке является глагольным. Если при этом все компоненты фразеологизма деактуализованы в семантическом отношении, то общее значение фразеологизма передается такими словами, которые не входят и не могут входить в состав исследуемого фразеологизма в качестве его компонентов [Жуков, 1978, с. 2, 12]. Например, значение ФЕ *avoir la main lourde* (букв. 'иметь тяжелую руку') может быть передано следующим образом: 'неловко делать что-либо'. Ни одно из этих слов, передающих семантический объём разбираемого фразеологизма, не входит в его компонентный состав. Это в свою очередь означает, что слова свободного словосочетания, подвергаемые метафоризации, и одноимённые компоненты фразеологизма, семантически несоизмеримы. Налицо равномерная деактуализация компонентов.

Возможны случаи, когда общее значение фразеологизма соотносится со значением того или иного слова свободного употребления, то есть фразеологизм одним из своих компонентов семантически взаимодействует с соответствующим словом прямого значения. Так, смысловый объём фразеологизма *se croiser les mains* (букв. 'скрестить руки') передаётся развернутым словосочетанием 'сидеть сложа руки, бездействовать'. Это означает, что при переводе на русский язык компоненты *mains* и *руки* семантически пересекаются, имеют общий элемент значения. И вновь налицо неравномерная деактуализация компонентов.

К подобным глагольным соматическим ФЕ с равномерной и неравномерной деактуализацией компонентов в семантическом отношении можно отнести, в качестве примеров, следующие: *être une tête brûlée* 'быть отпетым малым'; *avoir la tête dure* 'быть упрямым'; *avoir la tête felée* 'быть немного не в своём уме'; *avoir le coeur sec* 'быть бессердечным, сухим человеком, быть эгоистом'; *être sans coeur* (тж. *manquer le coeur*) 'быть бездушным, бессердечным'; *avoir la langue longue* 'быть болтливым'; *faire la mauvaise tête* 'дуться, упрямиться'; *faire un sale oeil* 'смотреть злыми глазами'; *mettre son nez* 'соватьсь в чьи-либо дела'.

Вот некоторые примеры из французской художественной прозы, где можно встретить подобные ФЕ.

(1) *J'ai la langue un peu trop longue; si l'on venait à m'entendre, je risque le fagot.* – Язык у меня длинноват; если бы иные меня слышали, могло бы запахнуть костром).

Автор берёт за основу традиционные фразеологизмы, в частности, *avoir la langue longue* со значением 'быть болтливым', образованный на основе ПС 'иметь длинный язык'. Герой, используя его в речи, признаётся в том, что болтлив. Согласно переводу ФЕ *avoir la langue longue* двумя своими компонентами семантически взаимодействует с соответствующими словами прямого значения. В данном случае это компоненты ФЕ *langue*, *longue* и слова, передающие прямое значение ПС – 'язык', 'длинный'. Такой перевод этой ФЕ указывает на неравномерную деактуализацию её компонентов.

Аналогичным способом можно проанализировать и другие примеры их художественной литературы.

(2) *Il appartenait à un certain Le Glen, ou Le Glerec, qui passait pour un excellent marin mais pour une tête chaude.* – Он принадлежал к некому роду Гленов или Глереков, слыл за отличного моряка, но вспыльчивого человека.

(3) *Annette avait la tête dure. Elle entendait ce qui lui plaisait.* – Аннет была упряма. Она слышала то, что ей нравилось.

(4) *Je vais lui froter les oreilles, à ton mari, dit M. Blampignon; c'est un galopin qui si l'on n'y prend garde, te mettra sur la paille.* – Уж я намылю голову твоему мужу, – сказал господин Блампиньон. – Это шалопай, дай ему волю, и он пустит тебя по миру.

(5) *Vous me l'avez déjà dit, et cela m'a surpris. C'était une tête brûlée.* – Вы мне об этом уже сказали, и это меня удивило. Он был отпетым малым.

(6) *Alors vous vous doutiez qu'on allait vous casser la gueule (tête)?* – Значит, вы догадывались, что вам собираются свернуть шею?

Выбранные фразеологизмы с семантическим полем отрицательной оценки включают общеупотребительную фразеологию, с которой можно встретиться как при чтении художественной литературы на французском языке, так и в живой разговорной речи. Проанализировав исследуемые соматические ФЕ можно выделить совокупность слов, относящихся к семантическому полю отрицания: неодобрение, несогласие, отказ, возмущение; досада, негодование, проклятие, угроза; презрение, пренебрежение, отвращение; боязнь, страх; отчаяние, уныние; равнодушие, безразличие и тому подобные. Все они выражают различные чувства и используются для характеристики действия или объекта.

3. Заключение

В заключение необходимо отметить, что при изучении формирования первичных ФЕ особого внимания заслуживает семантический аспект проблемы, поскольку результатом транспозиции ПС является создание единиц косвенной номинации, по форме идентичных между собой и представляющих их семантические производные.

Образование соматических ФЕ с общей отрицательной коннотацией может осуществляться в результате транспозиции переменных сочетаний или первичной транспозиции, которой присущи: а) формальная идентичность ПС и ФЕ; б) преимущественная отнесённость исходной и производной единиц к одному функциональному классу; в) отношение семантической производности. С другой стороны, образование исследованных соматических ФЕ осуществлялось в результате образного переосмысления их компонентов, метафорического или метонимического.

Поскольку многие фразеологизмы возникают из конкретных свободных словосочетаний, то при анализе значения соматических ФЕ рациональным и оправданным является метод аппликации (наложения) ФЕ на эквивалентное ПС: общее (целостное) значение ФЕ сравнивается, соотносится с лексическим значением слов ПС. Так определяется степень семантической слитности компонентов и природа целостного значения исследуемой ФЕ.

Семантические соотношения между ПС и ФЕ рассматриваются как соотношения между их смысловыми структурами и могут быть установлены, в частности, методом семно-сопоставительного анализа смысловых структур. Семантический механизм реализуется преимущественно в метафоре и в меньшей степени – метонимии, различия которых чётко прослеживаются при выделении различных видов сем и распределении их взаимозависимостей.

Изучение семантики первичных ФЕ предполагает возможность интерпретации их значения посредством ассоциативного принципа, в основе которого лежит образность ПС. То есть и на уровне лексической единицы, и на фразеологическом уровне переносное значение имеет ассоциативную

основу, на базе которой оно формируется. Так как именно ПС отражает связи языка с мышлением, то основой ассоциативного принципа является соотносимость компонентов ПС с определёнными устойчивыми ассоциациями. Применение ассоциативного принципа исследования значения соматической ФЕ вскрывает особенности формирования её значения.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Высшая школа, 1977. – 121 с.
2. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Залавина, Т. Ю. Фразеологическая синонимия как способ отражения реальной действительности в национальных языках [Текст] / Т. Ю. Залавина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 2. – С. 38–46.
4. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка [Текст] / А. Г. Назарян. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.
5. Нассири, М. Семантика фразеологических единиц с соматическим парным компонентом нога-рука [Текст] / М. Нассири // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 2. – С. 67–71.
6. Соколова, Г. Г. Фразеологизация во французском языке. [Текст] / Г. Г. Соколова. – М. : Просвещение, 1987. – 197 с.
7. Социокультурные условия языковой вариативности национальных языков [Текст] / Л. И. Антропова, Л. С. Полякова, Т. Ю. Залавина, Ю. В. Южакова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 455–456.
8. Французско-русский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL : http://eocjzhex.260mb.net/tid_nraugv_2/gmiehh_56.html?i=1 (дата обращения 14.02.2019).
9. Черданцева, Т. З. Язык и его образы [Текст] / Т. З. Черданцева. – М. : Просвещение, 1977. – 137 с.
10. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка. [Текст] / И. И. Чернышева. – М. : Высшая школа, 1970. – 173 с.
11. González-Rey, I. La phraséologie du français [Text] / I. González-Rey. – Toulouse : Presses Univ. du Midi. – 2002. – 268 p.
12. Peculiarities of ethnic stereotypes usage in English political discourse [Text] / Yu. V. Yuzhakova, L. S. Polyakova, N. V. Derina, T. Yu. Zalavina // Arab World English Journal. – 2018. – Vol. 9. – № 4. – С. 464–472.
13. Ziem, A. Compositional and embodied meanings of somatisms. A corpus-based approach to phraseologisms [Text] / A. Ziem, S. Staffeldt // Converging evidence. Methodological and theoretical issues for linguistic research. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2011. – P. 195–219.

References

1. Gak, V. G. (1977). *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.

2. Zhukov, V. P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow : Prosveshchenie Press.
3. Zalavina, T. Yu. (2018). Frazеologicheskaya sinonimiya kak sposob otrazheniya real'noy deistvitel'nosti v natsional'nyh yazykah [Phraseological synonymy as a way of reflecting reality in national languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (2), 38–46.
4. Nazaryan, A. G. (1987). *Frazeologiya sovremennogo francuzskogo yazyka* [Phraseology of modern French]. Moscow: Vysshaya Shkola Press.
5. Nassiri, M. (2014). Semantika frazeologicheskikh edinit s somaticheskim parnym komponentom noga-ruka [The semantics of phraseological units with a somatic component leg-arm]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [Russian Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2, 67–71.
6. Sokolova, G. G. (1987). *Frazeobrazovanie vo frantsuzskom yazyke* [Phrasing in French]. Moscow : Prosveshchenie Press.
7. Antropova, L. I., Polyakova, L. S., Zalavina, T. Yu., Yuzhakova, Yu. V. (2018). Sotsiokul'turnye usloviya yazykovoy variativnosti v natsional'nyh yazykah [Sociocultural conditions of languages variation in national languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture and education], 6 (73), 455–456.
8. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskii slovar' [French-Russian phraseological dictionary]. Retrieved February 14, 2019 from <http://eocjzhex.260mb.net/tid_nrayrv_2/gmiehh_56.html?i=1>.
9. Cherdanceva, T. Z. (1977). *Yazyk i ego obrazy* [Language and its images]. Moscow : Prosveshchenie Press.
10. Chernysheva, I. I. (1970). *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of modern German]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.
11. González, I. (2002). *La phraséologie du français. Interlangues*. Toulouse : Presses Univ. du Midi.
12. Yuzhakova, Yu. V., Polyakova, L. S., Derina, N. V., Zalavina, T. Yu. (2018). Peculiarities of ethnic stereotypes usage in English political discourse. *Arab World English Journal*, 9 (4), 464–472.
13. Ziem, A., Staffeldt, S. (2011). Compositional and embodied meanings of somatisms. A corpus-based approach to phraseologisms. *Converging evidence. Methodological and theoretical issues for linguistic research* (pp. 195–219). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

УДК 811.112.2
UDC 811.112.2

Кулакова Ксения Вадимовна
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Российская Федерация
Ksenia V. Kulakova
Volgograd State University
Volgograd, Russian Federation
xenia.kulakova@mail.ru

**ВЫРАЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА
НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ В ПЕРЕВОДЕ
EXPRESSIONS OF THE MODERN LANGUAGE
OF GERMAN YOUTH IN TRANSLATION**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности современного молодёжного сленга как предпосылки возникновения трудностей при их переводе. В качестве объекта исследования выбраны единицы современного молодёжного сленга немецкого языка. Цель статьи – выявить трудности, возникающие при устном и письменном видах перевода единиц молодёжного сленга, а также определить возможные способы перевода, позволяющие преодолеть данные трудности. Для выявления актуальности данного исследования, а также определения конкретных проблем, которые возникают у переводчиков при переводе сленгизмов немецкого языка, был проведён опрос среди интернациональных студентов, обучающихся по направлению «Переводоведение». В статье подробно анализируются 5 групп проблем, которые были выявлены в ходе опроса, а именно: сложность передачи экспрессивно-эмоциональной составляющей наряду со смыслом, непереводимость, быстро изменяющийся словарный состав сленга и невозможность фиксации всех сленгизмов в специальных словарях, многозначность, различия в сферах употребления сленга в разных языках и цензура. Для преодоления данных проблем предлагаются различные способы перевода молодёжного сленга, при этом учитываются основные особенности устного и письменного перевода. В зависимости от смыслового сообщения, составляющих коммуникативного акта, а также вида и характера конкретного сленгизма переводчик может выбрать наиболее подходящий способ перевода: подбор полного эквивалента, контекстуального соответствия (аналога) или адекватной замены. Устный переводчик при этом более свободен в выборе, так как ограничен временными рамками.

Abstract

This article considers the features of modern youth slang that are viewed as the factors creating a challenge for translation. The focus is made upon the units of modern German youth slang. The research is aimed to identify the difficulties encountered in the oral and written translation of youth slangisms, as well as to determine possible ways of translation to overcome these difficulties. To prove the necessity of this study, as well as to specify the problems that translators face while working with German slangisms, a survey was conducted

among international students studying translation as their major. As a result, 5 groups of problems were identified, their detailed analysis was performed, namely: a challenge to combine expressive and emotional components with meaning, untranslatability, quickly modifiable vocabulary of slang and the impossibility of fixing it all in special slang dictionaries, polysemy, differences in the areas of use of slang in different languages and censorship. To solve these problems, various ways of translating youth slang are proposed with reference to the main features of interpretation and translation. Depending on the semantic message, the components of the communicative act, as well as the type and nature of a particular slangism, a translator has enough time to choose the most appropriate method of translation whether selecting a full equivalent, a contextual analogue or an adequate substitute, while an interpreter is more free to choose as far as the time for interpreting is limited.

Ключевые слова: немецкий молодежный сленг, непереводаемость, экспрессивно-эмоциональная составляющая, изменчивость, многозначность, эквивалент, аналог, адекватная замена.

Keywords: German youth slang, untranslatability, expressive-emotional component, variability, polysemy, equivalent, analogue, adequate replacement.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_28_40

1. Введение

Современная наука различает два основных типа перевода: устный и письменный. Данные типы обладают своими трудностями и имеют ряд отличий, однако и у письменных, и у устных переводчиков в их работе нередко возникает необходимость переводить молодежный сленг, содержащий в себе огромное количество специфичных словообразований, распространенных среди самых разнообразных областей жизнедеятельности. Молодежный сленг не ограничивается ни возрастом, ни социальной средой; его употребляют в своей речи все категории людей. Больше всего молодежный сленг, конечно, встречается в речи молодежи в возрасте от 17 до 30 лет, где он зарождается, набирает популярность и затем распространяется среди других социальных групп.

На интернациональных молодежных слетах, проектах, универсиадах, олимпийских играх, конкурсах, кастингах, чтениях, при переводе интервью с представителями молодежи, молодежных теле- и радиопередач, статей молодежных журналов, комиксов, современной литературы и т. д. переводчики попадают в такие ситуации, в которых им необходимо перевести речь молодых людей, употребляющих сленговые единицы. Тогда перед переводчиком встает ряд вопросов: «Как переводить данные выражения? Необходимо ли сленгизм переводить его эквивалентом, или передавать смысл описательно? Должен ли переводчик знать все выражения молодежного сленга?». Самый опытный переводчик не всегда сможет ответить на данные вопросы, что обуславливает актуальность обращения к указанному аспекту исследования.

Молодёжный сленг представляет собой «универсалию», «интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определёнными возрастными рамками, <...> но и социальными, временными и пространственными рамками» [Береговская, 1996, с. 38, 32]. В связи с этим можно назвать основные характерные черты, присущие сленгу, а именно неустойчивость и переходящий характер, словотворчество, а также быстрый процесс ассимиляции сленговых единиц в литературном языке. Сленгу присущи оригинальность, краткость, новизна, образность и остроумие. Язык молодёжи помогает воспринимать многие вещи с юмором, получать эмоциональную разрядку.

Говоря о сленге как об отдельной подсистеме языка, необходимо обратиться к его составляющим. Согласно Р. З. Гинзбург и соавторам, к понятию сленг могут быть отнесены такие лексические единицы, как: 1) слова, входящие в состав воровского жаргона; 2) различные профессионализмы, в результате включения которых в состав сленга появляются отдельные его разновидности, например, военный, спортивный, театральный; 3) многие разговорные слова (коллоквиализмы), характеризующиеся нестабильностью семантических границ и многозначностью [A course ..., 1979, с. 214]. И. Р. Гальперин замечает, что различные словари в состав сленга включают также следующие единицы: 4) образные слова и выражения, включающие в себя образные профессионализмы и общеупотребительные образные слова; 5) иногда случайные образования, возникшие на основе литературных ассоциаций и связанные по смыслу с исходным понятием; 6) некоторые значения слов, обусловленные контекстуально и возникшие в результате применения того или иного стилистического приёма, например, использование слов в их эвфемистической функции; 7) слова, образованные путём конверсии; 8) иногда аббревиатуры [Гальперин, 1958, с. 86–88].

И. Р. Гальперин, таким образом, определил все возможные области лексического состава языка, единицы которых могут быть отнесены к сленгу. Главным источником формирования лексики молодёжного сленга, однако, является литературный язык. Несмотря на это сленгизмы понятны не каждому, так как литературные слова меняются до неузнаваемости: их значение переосмысливается, добавляются новые словообразовательные морфемы и т. д.

Зная, как образуются единицы молодёжного сленга, можно, не владея данной лексикой, догадаться о значении слов. В этой связи рассмотрим способы пополнения состава молодёжного сленга. Способы образования сленгизмов в разных языках различны, обычно выделяют создание абсолютного неологизма; изменение значения слова литературного языка; использование словообразовательных средств; заимствование из иностранных языков; использование одновременно двух и более из выше-названных способов.

2. Способы пополнения состава молодёжного сленга

Проведённый ранее анализ 463 единиц молодёжного сленга, отобранных из словарей языка молодёжи (Ein Lexikon der Jugendsprache

[Ehmann, 2001 a], Das neueste Lexikon der Jugendsprache [Ehmann, 2001 b] Wörterbuch der Jugendsprache [Pons ..., 2008]), показал, что состав молодёжного сленга немецкого языка пополняется 13 словообразовательными способами [Кулакова, 2018, с. 310]. 49% сленгизмов образовано вследствие развития полисемии, а также метафорического переосмысления; при этом 39% – в результате переосмысления общеупотребительных лексем национального языка. Например, глагол *ticken* (verstehen), прямое значение которого 'gleichmäßiger Aufeinanderfolge einen kurzen, hellen Ton hören lassen, meistens über die Uhr', на основе сравнения головы, мозга с часами (человек способен понимать что-либо только, когда его мозг хорошо функционирует, работает как часы, т. е. «тикает») в сленге приобретает значение 'понимать'. 10% лексических единиц языка немецкой молодёжи переосмысливают значение уже существующих единиц сленга. Так, *Abflug machen* – глагольное сочетание – появилось в молодёжном сленге со значением 'sterben', которое позже подверглось переосмыслению. Результатом стало употребление в значении 'davoneilen, weglaufen'. Подчеркнём, что метафоризации подвергались как именные части речи (существительные, прилагательные), так и глаголы. В целом, метафоризация оказалась самым продуктивным способом словообразования.

Более чем в половину меньше единиц – 22% сленгизмов – было образовано с помощью аффиксации, которая привела к пополнению активно используемого вокабуляра целым рядом однокоренных слов. При этом чаще всего – в 16% случаев из указанных 22% – сленгизмы возникали в результате присоединения к основе приставок, реже – в 6% случаев – суффиксов. В данном способе словообразования были задействованы вполне обычные аффиксы, используемые при образовании лексики из самых разных тематических областей. Три префикса – *ab-*, *an-* и *be-* – оказались наиболее частотными. В качестве примера можно привести глагол *besamen* (miteinander schlafen), образованный от существительного *der Samen* (Kern, Saat) с помощью префикса *be-*, который привносит значение передачи чего-либо. При образовании глагола *belöffeln* (Geld schnorren, betteln) от другого глагола *löffeln* (schöpfen) тот же префикс *be-* уже добавляет значение снабжённости чем-либо, желания обладать чем-либо: в указанном примере – денежными средствами. Самыми продуктивными для образования сленгизмов суффиксами оказались *-o* и *-er*. Приведём два примера. Существительное *Brutalo* (Fitnessfanatiker, Bodybuilder) образовано от основы *brutal-* (kräftiger Mann, Schlägertyp) присоединением суффикса *-o*, который участвует в образовании существительных, обозначающих и характеризующих личность мужского пола. Суффикс *-er* имеет значение лица, совершающего какое-либо действие. Образованная с его помощью лексема *Penner* (Lehrer, Repetent), в отличие от сленгизма *Penne* (Schule), благодаря суффиксу *-er*, обозначает лицо, проходящее обучение.

Немногим меньше сленгизмов, чем путём аффиксации, – 18% – было образовано посредством заимствования. Из них большая часть – 16% – были заимствованы из других языков (в основном из английского); остав-

шиеся 2% пришлось на внутриязыковые заимствования (из других социальных жаргонов и арго, профессиональной лексики и иных подсистем языка). Данный факт отражает многоуровневость самой молодёжной субкультуры. Заимствования подвергаются переосмыслению и приобретают новые семантические нюансы. Так, глагол *beamen* (*bewundernswert gelingen*) пришёл в немецкий молодёжный сленг из английского языка (слово *to beam* (*strahlen, glänzen*)), приобретя новый оттенок – 'чудесным образом удаваться'. Другое заимствование – *User* (*Drogenkonsument*) 'человек, употребляющий наркотики' пришло из английского языка, в котором есть существительное *user* (*Benutzer, Anwender, Verbraucher*), обладающее значительно более широким значением 'пользователь'. Сленгизмы, появившиеся посредством внутриязыковых заимствований, происходят из военного и джазового жаргонов, из языка радиосвязи, из языка картёжников, игроманов, проституток, заключённых, матросов, боксёров, рабочих и программистов. Так, глаголы *anbaggern* и *eindrücken* были заимствованы немецким молодёжным сленгом из языка рабочих и языка проституток соответственно. Однако если глагол *eindrücken* (*Geschlechtsverkehr ausüben*), вышедший из языка проституток, сохранился в языке молодёжи без изменений, то значение глагола *baggern* (*Schwerarbeit leisten*), первоначально употреблявшегося в языке рабочих, в молодёжном сленге изменилось: *anbaggern* = ein Mädchen ansprechen.

Состав немецкого молодёжного сленга нередко пополняется с помощью компрессии, на долю которой приходится 9,4%. Это сленгизмы, образованные сложением (6%), телескопией (0,2%), сокращением (0,8%), аббревиацией (0,4%) и стяжением (2%). Например, сленгизм *Plastikbomber* (*langsames Fahrzeug*) объединяет 2 корня: *Plastik* (*Kunststoff*) и *Bombe*, а *Bleifuß* (*großgewachsener bzw. schwergewichtiger Tölpel*) образовано от основ *Blei* (*Metall*) и *Fuß* (*Körperteil*). Сокращения среди сленгизмов встречаются довольно редко. Приёмы аббревиации используются в молодёжном сленге при образовании лексем, номинирующих те или иные явления действительности. При этом в номинации, как правило, участвуют больше двух слов, поэтому аббревиация служит средством экономии речевых усилий. Типичный пример: *Kiwi* для *Kirschwhisky* (*Kirschlikör mit Whisky*).

Ещё более редкой является антономазия, заключающаяся в использовании имён собственных в качестве нарицательных. Этим способом было образовано совсем небольшое количество немецких молодёжных сленгизмов – 1%. Существительное *Eumel* (*Dummkopf, Tolpatsch, Elefant im Porzellanladen*) изначально функционировало как имя собственное. Им был назван немного дурашливый герой детской радиопередачи. Постепенно молодёжь северной Германии, а позже и всей страны стала называть этим именем глупых людей, и имя собственное перешло в разряд нарицательных. Ещё один пример – женское имя *Marie*, которое в языке молодёжи употребляется для характеристики внутренних качеств человека. При помощи данной лексемы описывают закомплексованную девушку (*verklemmtes Mädchen*). Однако истоки и причины такого перехода существительного из разряда имён собственных в разряд нарицательных нам неизвестны.

Самым низкочастотным способом оказались фонетические приёмы (0,6%): фонетическая мимикрия, языковая игра, метатеза, эпентеза и ассимиляция. Так, существительное *Dodel/Dödel* (Tölpel, (kleiner) Dummkopf, Naivling) образовано от глагола *datteln, tatteln* (sich kindisch benehmen) в результате прогрессивной консонантной ассимиляции. Причастие же *beklotzt* (bekloppt, verrückt, durchgeknallt) образовано от другого причастия *bekloppt* (verrückt) при помощи языковой игры: простой подстановки «tz» вместо «pp».

Хотя все эти способы обладают разной степенью продуктивности, все они занимают важное место в системе словообразования. Кроме того в зависимости от языка, в котором рассматривается молодёжный сленг, могут преобладать или вовсе отсутствовать те или иные словообразовательные способы [Кулакова, 2018, с. 309].

Можно заметить, что источники и средства образования сленгизмов мало отличаются от словообразовательных способов общенационального языка. По мнению Э. М. Береговской, разница между образованием сленговых единиц и словообразованием в языке в целом заключается лишь в пропорциях и сочетаниях [Береговская, 1996, с. 33].

3. Трудности перевода сленгизмов: данные опроса

Для определения трудностей, с которыми сталкиваются переводчики при переводе сленгизмов, а также возможных способов перевода нами был проведён опрос среди 100 интернациональных студентов, обучающихся по направлению переводоведения в Институте переводоведения, прикладного языкознания и культурологии университета имени Й. Гутенберга (г. Гермерсхайм, Германия). В ходе опроса интервьюируемым было предложено описать проблему, с которой они сталкиваются при переводе молодёжного сленга, и попробовать подобрать возможный вариант ее решения. В результате мы выявили 5 основных проблем. Рассмотрим их подробнее.

1. Сложность передачи экспрессивно-эмоциональной составляющей наряду со смыслом. Язык молодёжи экспрессивен, поскольку продуцент, употребляющий сленгизмы в своей речи, получает эмоциональную разрядку, воздействует на реципиента, производит на него впечатление, оценивает его и реализует фатическую функцию. Благодаря экспрессивности можно определить не только эмоциональное состояние говорящего, но и его отношение к окружающему миру. Это делает возможным проведение параллели между планом выражения и планом содержания экспрессивного контекста: при условии, что план выражения экспрессивен, экспрессивно будет и содержание.

Художественный текст всегда экспрессивен, эмоционально выразителен. Н. К. Гей утверждает, что «художественный текст – это своеобразный квант – неразложимая порция объективного содержания, логической информации, эмоциональной выразительности, эстетического совершенства и многих других составляющих» [Гей, 1975, с. 450]. Чтобы придать тексту эмоциональности, автор использует различные средства.

Данная тенденция, но менее осознанная, проявляется в живой непринуждённой речи при производстве экспрессивных высказываний. Большинство слов и выражений молодёжного сленга содержит ярко выраженную экспрессию. Эмоционально-экспрессивная окраска бывает в основном иронической, шутливо-фамильярной, неодобрительной и угрожающей.

При переводе эмоционально-окрашенных сленгизмов у переводчика возникают некоторые сложности, поскольку ему необходимо не только передать смысл слова, но и его коннотативную составляющую. Подобрать полный эквивалент на языке перевода чаще всего невозможно. Например, для сленгизма *Komposti – Steigerung für* → *Grufti: sehr alter Mensch* очень сложно подобрать эквивалент, который передавал бы его смысловую и иронично-пренебрежительную составляющие. Также сложности возникают и при переводе сленгизма *Geierwally* (süddt.), образованного путём перехода имени собственного в разряд нарицательного. Эта лексема берёт своё начало из знаменитого романа немецкой писательницы В. Хиллерн «Geierwally», названное так в честь главной героини. В русском языке не существует полного эквивалента данному сленгизму, поэтому наиболее подходящим переводом будет словосочетание «ужасная (некрасивая) девушка», при этом, однако, теряется его экспрессивная составляющая.

2. Непереводаемость. Лео Вайсгербер утверждал, что каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке [Вайсгербер, 2004, с. 107]. А. А. Потебня также подчеркивал принципиальную асимметричность языков: остроты непереводаемы, исчезает «соль», мысли не совпадают [Потебня, 1976, с. 263]. Единицы молодёжного сленга в большинстве своём непереводаемы, так как принадлежат к особому слою языка, выражающему мировоззрение молодёжи, их идеи и эмоции.

В разных языках, ввиду разности мышления и менталитета, одна и та же эмоция выражается по-разному. Молодые люди используют различные словообразовательные способы, в результате чего сленгизмы приобретают некую художественность. Сленговая речь, как любая художественная речь, отличается целостностью, то есть «самодостаточностью, завершённостью, индивидуальной полнотой и неизбыточностью». Она представляет собой единство, и любое видоизменение слова влечёт за собой изменение вложенного в него смысла, поскольку «на частях предмета, обладающего целостностью, лежит печать его единства» [Хализев, 2004, с. 15]. Перевод таких сленговых единиц схож с переводом стихотворений, где звук и рифма имеют особый смысл, который необходимо очень тонко и корректно передать во избежание искажения уникальности первоисточника. Рассмотрим, например, *Alka-Sülzer – Person, die im alkoholisierten Zustand nicht gerade druckreifes Zeug* → *sülzt; lässt sich ableiten von den Alka-Seltzer* → *Tabletten, zu denen man vor allem nach Alkoholexzessen, zu greifen pflegt*, данное слово можно перевести на русский язык только описательно, так как оно образовано при помощи непереводаемой игры слов. Другим примером является *Assel – jene neureiche Spezies, die zuerst bis Mitte Dreißig studiert*,

dann als hochbezahlter Manager Untergebene rumscheucht und schließlich nach drei Jahren Berufstätigkeit als Frührentner (Burnout-Syndrom!) jahrzehntelang sozial abmattet und mit Aktienspekulationen zum Millionär aufsteigt, ohne sich jemals wirklich angestrengt haben zu müssen, которое также можно перевести только описательно, поскольку в русском языке нет слова или словосочетания, которым можно было передать значение данного сленгизма.

3. Быстро изменяемый словарный состав сленга и невозможность фиксации всех сленгизмов в специальных словарях. Молодёжный сленг обладает неустойчивым характером, часто обновляется и изменяется. Это связано с кратким периодом «молодости». Носители молодёжного сленга приходят из детства, привнося в язык молодёжи новые элементы и лексические единицы, затем они переходят во взрослую жизнь, перенося с собой и распространяя сленгизмы. При этом некоторые выражения молодёжного языка умирают, поскольку становятся не актуальными: они больше не выполняют свою функцию конспирации или денотат выходит из моды, из употребления и т. д. Такое обновление словарного состава сленга затрудняет работу переводчика, так как человек, не входящий в круг «молодёжи», общающейся на своём языке, не может знать значения и оттенки всех сленгизмов, используемых в речи молодёжи. Кроме того, хотя и существуют ежегодно обновляемые словари молодёжного сленга, в них нельзя найти значения всех существующих сленгизмов, так как они быстро появляются и также быстро исчезают. Однако сленговые единицы также быстро ассимилируются в литературном языке, что способствует распространению и узнаванию сленгизмов и облегчает работу переводчика. Так, некогда новое в молодёжном сленге слово *Trabbi* – *Kleinwagen, langsames Fahrzeug* в настоящее время не является сленгизмом, поскольку значение его общеизвестно носителям немецкого языка. Также *geil(o)* – *(sehr) gut, wunderbar, hervorragend* уже ассимилировано в литературном языке и не представляет собой трудности при переводе.

4. Многозначность сленгизмов. Лексическое значение сленгизмов иногда спорно, поскольку среди них большое количество многозначных слов, паронимов и синонимов. Как среди заимствований, так и среди исконных слов в языке молодёжи присутствует многозначность. Одно и то же слово в молодёжном языке может иметь разные значения. Например, *Ätz/ätzend* – als Nomen Ausdruck der Empörung: *Shit (= ätzend)!* – adjektivisch als Superlativ in total gegensätzlicher Semantik: 1. „beschissen“, *ganz schlecht, total abtörnend*; 2. *super, sehr gut, voll stark, echt klasse, hervorragend*. Или сленгизм *Glocke*, который может означать 'Kopf' или 'Aktivität' в зависимости от ситуации. При переводе подобных лексем очень сложно определить, что конкретно имеет в виду говорящий. В таких случаях помощь при переводе оказывает контекст, зная который, переводчик может определить, какое конкретное значение необходимо выбрать.

5. Различия в сферах употребления сленга в разных языках, цензура. Молодёжный сленг относится к нелитературному пласту языка. Бывают ситуации, когда использование сленгизмов неуместно. Кроме того, в

культуре одного языка употребление сленга может быть допустимо, а в культуре другого нет, поэтому переводчику необходимо исполнять также роль цензора, определяя, уместно ли будет использование того или иного слова в тексте перевода. Перед ним встаёт выбор: находить сленгизмы-эквиваленты в языке перевода или передавать их смысл описательными словами общепринятого языка. Для этого переводчик должен знать нормы поведения и речевого этикета в культурах исходного языка и языка перевода. Например, при переводе сленгизма *abschleppen – ein Mädchen erobern und (im Auto) zu sich nach Hause bringen* необходимо обращать внимание на контекст в исходном языке и языке перевода. В зависимости от контекста данное слово можно перевести, как 'склеить девчонку' или 'познакомиться'. Сложнее дело обстоит с переводом сленгизма *Stecher – Freund nur für Geschlechtsverkehr*, – поскольку само значение данного слова воспринимается представителями русской культуры, где традиционным считается заключение брака, очень остро в отличие от немцев, которые не видят ничего предосудительного в свободных отношениях. Поэтому при переводе на русский язык, его значение смягчается: 'парень', 'партнер', 'любовник'.

В некоторых случаях у переводчиков есть возможность уточнить значение слова или высказывания у автора исходного текста: письменные переводчики могут обратиться к авторам-современникам, а устные переводчики – заранее ознакомиться с речью выступления, прояснить некоторые вопросы у оратора, высказать возможные просьбы в отношении предстоящей речи (например, обычной просьбой является умеренный темп, логические ударения, паузы в высказываниях, также можно попросить стараться не употреблять в речи сленгизмы, всё зависит от ситуации и степени знакомства). Однако такая возможность есть не всегда, и переводчики нередко сталкиваются с проблемой перевода сленгизмов.

4. Алгоритм перевода сленговых единиц

Первым шагом при переводе сленговых единиц является их идентификация, то есть выявление лексической единицы на фоне текста. Иначе возникает опасность их восприятия как литературного слова с общепринятым значением, что может привести к переводческим ошибкам. Идентифицировав сленгизм, необходимо определить его составляющие: семантику и экспрессивно-стилистические функции. В своей двухкомпонентности лексические единицы молодёжного сленга схожи с фразеологизмами, при переводе которых важна степень их семантической спаянности, а также их функция в тексте. Эти признаки тесно связаны между собой.

При переводе сленгизмов мы предлагаем придерживаться скопос-теории К. Райс и Г. Вермера, согласно которой функции исходного текста и текста перевода не равны. Первостепенным является достижение цели [Reiß, 1995, с. 161–162]. Самое главное для переводчика – определить, для кого и с какой целью он переводит. Профессиональный переводчик должен уметь анализировать коммуникативную ситуацию: определять, что и почему сообщает говорящий, какую цель он при этом хочет достичь.

Переводчик должен знать, как в культуре получателя говорят о предмете перевода, какую эмоциональную окраску он несёт, какую лексику употребляют для его описания, как к нему относятся. После определения цели можно подбирать лексическую наполняемость сообщения.

Выбирая возможный способ перевода, переводчик прибегает к возможным соответствиям, которые Я. И. Рецкер объединил в 3 группы.

1. Эквиваленты – постоянные однозначные соответствия, не зависящие от контекста. Например, существительному *Penner – Lehrer, Repetent* в русском языке соответствует слово 'препод'. Сленгизм *Stich – Geschlechtsverkehr* переводится на русский язык как 'половой акт'.

2. Аналогии – варианты соответствия, зависящие от контекста и полученные с помощью выбора одного из синонимов. Так, слово *bringen* – 1. *sich lohnen*; 2. *etwas (nicht) können, zustande bringen, leisten* в зависимости от контекста можно перевести 'стоять чего-либо, позволить что-то, уметь что-то делать, иметь возможность'. При переводе сленгизма *kaputt(o)* – 'erledigt' выбирают наиболее подходящее слово из синонимов: 'выполненный, законченный, обговорённый, улаженный, сделанный'.

3. Адекватные замены – соответствия, созданные переводчиком самостоятельно исходя из целого: художественного, идейного и т. п., то есть все виды переводческих трансформаций [Рецкер, 2007, с. 11–19]. Например, сленгизм *Trip* – in der Drogensprache: *Rauschzustand – Reise* в русском языке можно перевести как 'наркотический вояж'. Для лексемы *Speicher (leerer) – ausgepowert, down* можно подобрать замену 'обессиленный, опустошённый'.

Подобрать полный эквивалент удаётся редко из-за разницы культур. Понятие эквивалентности в пределах скопос-теории занимает подчинённое положение («никакая концепция эквивалентности не поможет, если цель не достигнута»), а успех определяет адекватность, понимаемая как правильный выбор технологии перевода. К. Райс определяет адекватность как соразмерность выбора языковых средств и переводческого решения цели перевода [Reiß, 1995, с. 161]. Адекватность ориентирована на процесс и представляет собой отношение между целью и средством. Таким образом, при невозможности перевести сленговую единицу эквивалентом ей можно подобрать адекватную замену, исходя из цели высказывания, призыва, эмоциональной окраски, контекста, адресата, ситуации и т. д.

У устного переводчика нет необходимости и возможности долго и скрупулёзно выбирать более подходящий способ перевода, ведь главное для него – передать когнитивную информацию, и устный перевод всегда ограничен во времени. Переводчик может передать лишь лёгкую окраску молодёжного сленга в речи оратора.

Письменному переводчику, особенно при переводе художественных текстов, необходимо подобрать более точный вариант перевода, который передавал бы смысл и обладал теми же функциями, что и в исходном тексте, так как его задача заключается в передаче не только когнитивной информации, но и колорита, речевой характеристики персонажей, их эмо-

циональных состояний и т. д. В данной ситуации переводчику необходимо подобрать подходящую замену или же воспользоваться описательными выражениями. При письменном переводе можно также сделать сноски с необходимыми пояснениями и комментариями.

5. Заключение

Таким образом, у переводчика, устного или письменного, в работе возникают различные трудности при переводе сленгизмов. Молодёжный сленг представляет собой особый пласт языка, включающий в себя оригинальные, образные, остроумные, эмоциональные лексические единицы. Сленгизмы отличаются от единиц литературного языка своим распространением и употреблением среди определённого круга людей: молодёжи 17–30 лет. При этом социальный статус, род деятельности молодых людей не имеет большого значения, в то время как лексемы литературного языка доступны любому его носителю. Несмотря на то что большинство сленгизмов родом из литературного языка, они понятны не каждому, так как они меняются до неузнаваемости: их значение переосмысливается, добавляются новые словообразовательные морфемы и т. д. Со временем единицы молодёжного сленга распространяются среди большого количества людей и становятся часто употребляемыми.

Нами были выявлены следующие трудности, возникающие у переводчиков при переводе сленгизмов: непереводаемость, сложность передачи экспрессивно-эмоциональной составляющей наряду со смыслом, быстро изменяемый словарный состав сленга, невозможность фиксации всех сленгизмов в специальных словарях, незнание или непонимание значения слова, многозначность сленгизмов, различия в сферах употребления сленга в разных языках, цензура. Чтобы данные трудности не становились серьёзными проблемами для переводчика, нами предложены различные варианты перевода выражений молодёжного сленга.

В зависимости от смыслового сообщения, ситуации, контекста, цели, адресата, коммуникативной задачи перевода, вида и характера сленгизма и пр. переводчик может выбрать тот или иной способ. Устный переводчик ввиду ограниченного времени для перевода может не тратить много усилий на подбор наиболее полного подходящего эквивалента, а передать лишь его смысловую сторону или вовсе опустить его, если от этого смысл и цель высказывания не изменятся. Перед письменным переводчиком стоит иная задача – подобрать сленгизму наиболее точный эквивалент, чтобы передать колорит, социальную среду, речевую характеристику персонажей, эмоциональный настрой, цель высказываний. При этом переводчикам необходимо анализировать коммуникативный акт, определять целевую аудиторию и уместность употребления сленгизма в конкретной ситуации в конкретной культуре. Переводчик должен понимать цель, ради которой он переводит и достигать её соответствующими средствами.

Список литературы

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование [Текст] / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.
2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
4. Гей, Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль [Текст] / Н. К. Гей. – М. : Наука, 1975. – 471 с.
5. Кулакова, К. В. Проблемы изучения молодежного сленга как особого вида социолекта [Текст] / К. В. Кулакова // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики: материалы Международной научно-практической очно-заочной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, г. Уфа, 26 апреля 2018 г. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – С. 308–310.
6. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
7. Потебня, А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Вести Европы. – 1895. – Т. IX (Сентябрь). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml. – Загл. с экрана.
8. Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической [Текст] / Э. Прунч / пер. с нем. О. Боковой [и др.]. – М. : Р. Валент, 2015. – 512 с. (1-е изд. на нем. яз. – 2012).
9. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода [Текст] / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М. : «Р. Валент», 2007. – 244 с.
10. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2004. – 405 с.
11. A Course in Modern English Lexicology [Text] / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. – 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow : Vysšaja škola Press, 1979. – 269 p.
12. Reiß, K. Adäquatheit und Äquivalenz als Schlüsselbegriffe der Übersetzungstheorie und –praxis [Text] / K. Reiß // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen / in M. Snell-Hornby, M. Kadric. – Wien : WUV-Universitätsverlag, 1995. – S. 161–176.
13. Ehmann, H. Affengeil: Ein Lexikon der Jugendsprache (Beck'sche Reihe) [Text] / H. Ehmann. – C.H. Beck, 2001 a. – 156 S.
14. Ehmann, H. Voll konkret: das neueste Lexikon der Jugendsprache [Text] / H. Ehmann. – C.H. Beck, 2001 b. – 159 S.
15. PONS Wörterbuch der Jugendsprache 2008. Deutsch – Englisch/Französisch/ Spanisch [Text]. – Verlag : Klett, 2007. – 143 S.

References

1. Beregovskaya, E. M. (1996). Molodezhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie [The youth slang: formation and functioning]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 3, 32–41.
2. Weisgerber, J. L. (2004). *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native language and the formation of the spirit]. Translation from German, introductory article and comments by O. A. Radchenko. 2nd ed. revised and enlarged. Moscow : Editorial URSS Press.
3. Galperin, I. R. (1958). *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press.
4. Gey, N. K. (1975). *Khudozhestvennost literatury. Poetika. Stil* [Artistic value of Literature. Poetics. Style]. Moscow : Nauka Press.
5. Kulakova, K. V. (2018). Problemy izucheniya molodezhnogo slenga kak osobogo vida sotsiolekta [Problems of studying youth slang as a special type of sociolect]. *Aktualnye problemy sovremennoy filologii i zhurnalistiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy ochno-zaочноy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov* [Current issues of modern philology and journalism: Proceedings of the international scientific-practical conference of students, undergraduates and postgraduates] (pp. 308–310). Ufa : Bashkir State University Press.
6. Potebnya, A. A. (1976). *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow : Iskusstvo Press.
7. Potebnya, A. A. (1895). Yazyk i narodnost [Language and nationality]. *Vesti Evropy* [News of Europe]. IX (September). Retrieved from <http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml>.
8. Prunč, E. (2015). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Translation from German by O. Bokova [et al.]. Moscow : R. Valent (1st ed. in German – 2012).
9. Retsker, Y. I. (2007). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on linguistic theory of translation]. 3rd edition. Additions and comments by D. I. Ermolovich. Moscow : R. Valent.
10. Khalizev, V. E. (2004). *Teoriya literatury* [Theory of literature] : A coursebook. 4th ed. revised and enlarged. Moscow : Vysshaya shkola Press.
11. Ginzburg, R. Z., Khidekel, S. S., Knyazeva, G. Y., Sankin, A. A. (1979). *A Course in Modern English Lexicology*. Moscow : Vysšaja škola Press.
12. Reiß, K. (1995). Adäquatheit und Äquivalenz als Schlüsselbegriffe der Übersetzungstheorie und –praxis. In M. Snell-Hornby, M. Kadric, *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen* (pp. 161–176). Wien : WUV-Universitätsverlag.
13. Ehmann, H. (2001 a). *Affengeil: Ein Lexikon der Jugendsprache* (Beck'sche Reihe). C.H. Beck.
14. Ehmann, H. *Voll konkret: das neueste Lexikon der Jugendsprache*. C.H. Beck, 2001 b.
15. PONS Wörterbuch der Jugendsprache 2008. Deutsch – Englisch/Französisch/Spanisch. (2007). Verlag : Klett.

УДК 811.11-112
UDC 811.11-112

Ма Татьяна Юрьевна, Хлопова Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Ma, Tatyana V. Khloпова
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ БИБЛЕЙСКОГО ИСТОКА «DAVID»
В МАТЕРИАЛАХ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «TIME»
THE BIBLICAL PROPER NAME «DAVID» IN THE MATERIALS
OF THE ELECTRONIC JOURNAL «TIME»**

Аннотация

Прецедентные имена библейского истока являются сложными культурными знаками, которые обладают высокой когнитивной и эмоциональной ценностью для языковой личности в христианском социуме. Обращение к таким именам возобновляется неоднократно в разных видах дискурса, включая дискурс СМИ, свидетельством чему служат многочисленные и разнообразные контексты их употребления как денотативно, так и коннотативно. В статье представлены результаты лингвокультурологического анализа прецедентного имени библейского истока DAVID, апелляции к которому являются частотными в публикациях журнала «Time». На материале статей сетевой версии журнала проведено исследование имени собственного в его интенциональном употреблении, выявлены и систематизированы общие закономерности его функционирования в текстах периодического издания, особенности актуализации дифференциальных признаков и атрибутов.

Abstract

Biblical proper names are considered complex cultural symbols of high cognitive and emotive potential for language personality in the Christian community. These names are widely used in different types of discourse, including mass media one, in their denotational and connotational meanings in various contexts. This paper reports the results of linguocultural analysis of the biblical proper name DAVID which is frequently used as cultural phenomenon in the “Time” articles. The material for this research included articles from the electronic version of the journal. We focused upon the intentional use of this name to discover the general patterns of its functioning in a periodical edition and to determine the ways its relative features and attributes are manifested there.

Ключевые слова: прецедентное имя, библеизм, языковая личность, восприятие текста, СМИ.

Keywords: precedent name, biblical proper name, language personality, text perception, mass-media.

1. Введение

Необходимость обращения к проблеме правильного восприятия прецедентных имён библейского истока в дискурсе масс-медиа продиктована теми требованиями, которые образовательные стандарты предъявляют сегодня к специалистам в области лингвистики и межкультурной коммуникации, важностью формирования у обучающихся профессиональных компетенций, к числу которых относят умение правильно воспринимать, интерпретировать и переводить тексты СМИ на иностранном языке.

Интерес и, в отдельных случаях, сложность для восприятия и понимания представляют тексты средств массовой информации, в которых встречаются прецедентные имена библейского истока, не имеющие однозначного толкования в энциклопедиях и словарях, что затрудняет процесс перевода или реферирования сообщения новостного или аналитического характера.

Имена собственные библейского истока традиционно рассматриваются учёными как компоненты фразеологического фонда Священного Писания и, как следствие, анализируются в структурно-семантическом, типологическом или переводческом аспекте на материале русского и иностранных языков [см., напр., Бетехтина, 1995 ; Гак, 1997 ; Дубровина, 2010 и др.]. Библейский ономастикон как единая система культурных знаков, обладающих общими функциональными свойствами и схожей внутренней организацией, до настоящего времени изучен мало. Практически неразработанным остаётся вопрос описания этих языковых единиц как прецедентных феноменов, как способа апелляции к соответствующим ситуациям, символами которых они выступают в разных видах дискурса, а также особенностей актуализации их дифференциальных признаков и атрибутов [Ма, Хлопова, 2018]. Данный факт обуславливает новизну исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, и позволяет говорить о необходимости более тщательного изучения библейских имён собственных в их интенциональном употреблении как части проблемы восприятия и понимания текста.

2. Библия как прецедентный текст

Библия – одна из величайших книг на земле. Влияние библейского текста ощущается сегодня в самых разных сферах человеческой жизни: политической, экономической, духовной, социальной, а также в области межкультурной коммуникации и СМИ, которые всё чаще определяют отношения между людьми, народами и государствами.

О причинах, обеспечивающих «Книге Книг» статус самого цитируемого в мире источника, сказано достаточно много как российскими, так и зарубежными лингвистами. Существует большое количество научных школ и отдельных учёных в разных дисциплинарных областях, изучающих Библию, интерпретирующих её содержание, язык изложения, влияние на

культуры народов мира. Однако причина высокой популярности Библии как прецедентного феномена заключается не столько в сакральном характере текста, сколько в форме и содержании его изложения: ярких образах и символике, легко запоминающихся и в то же время глубоких по смыслу сюжетах притч, производящих неизгладимое впечатление на читателя, в разнообразии представленных человеческих типажей и жизненных ситуаций.

Практически невозможно найти человека, который не знает, что такое Библия. И если кто-то никогда не читал эту великую «Книгу Книг», они, безусловно, слышали что-то о ней и её персонажах. Библейские слова и фразы регулярно проникают в нашу речь через СМИ, художественную литературу, искусство, кинематограф и т. д. Они носят в большинстве своём транскультурный прецедентный характер, так как являются более и менее общими для всех народов, принявших христианство, а также знаковыми языковыми единицами для представителей других религий.

Несмотря на то что со временем изменились форма и содержание некоторых библеизмов, а объём значений варьирует в разных языках и разных временных периодах, знание библейской лексики является показателем культурной грамотности индивида, его принадлежности к современной эпохе, уровня формирования его языковой личности и включённости в глобальный коммуникативный контекст.

В то же время объём и глубина знаний, которыми владеет индивид, определяется не только его вероисповеданием, то есть принадлежностью к религиозному сообществу, но и общекультурной компетенцией как составляющей модели мира языковой личности. Культурная компетенция как основа восприятия речевого сообщения позволяет аккумулировать и дифференцировать по степени значимости коммуникативно-релевантную информацию, получаемую индивидом из разных источников: собственно текст Библии, его интерпретация в разных видах дискурса, дефиниции и толкование библеизмов в справочниках, словарях и энциклопедиях.

Существует мнение, что Ветхий Завет изображает жестокого Бога, и что христиане, у которых есть Новый Завет, в Ветхом Завете не нуждаются. Существует также мнение, что Ветхий Завет – это «орудие иудейского закабаления человечества». Однако первые страницы Ветхого Завета содержат важную информацию о процессе мироздания и появлении в человеческой культуре категорий добра и зла. История спасения для христианина, как считают религиоведы, начинается не с Рождества, а с момента грехопадения первых людей, когда возникает сама потребность в спасении. Сначала нужно понять, почему человечество оказалось отделено от Бога и утратило бессмертие, а потом показать путь к спасению, предложив образцы поведения отдельного индивида и общества в целом.

Ветхий Завет, несмотря на его неоднозначную оценку религиозным и научным сообществом, можно рассматривать как универсально-прецедентный текст, обеспечивающий современников удивительными историями-биографиями для вдохновения и назидания. Ветхозаветные герои и их поступки не утрачивают своей актуальности в повседневной жизни, поскольку оставляют яркие незабываемые образы в памяти индивида, фор-

мируя его представления об общечеловеческой системе ценностей и общепринятых, одобряемых в разных культурах моделях коммуникативного поведения.

3. Имена собственные библейского истока. DAVID

В Ветхом и Новом Заветах упоминается около 2800 библейских имён собственных, однако не все они являются именами библейских персонажей. Многие антропонимы лишь упоминаются в связи с каким-то событием, поэтому их едва ли следует причислять к действующим лицам Библейского повествования. Фактически, библейских персонажей несколько сотен, при этом важнейших – около ста. К ним можно отнести имена пророков, апостолов, а также имена героев наиболее известных притч, в первую очередь, ветхозаветных. При этом к одному и тому же имени могут восходить сразу несколько библейских образов, что необходимо учитывать в процессе восприятия и перевода текста. Например, *Mary* – Дева, которой надлежит стать матерью Христа, и новозаветный персонаж, сестра Марфы. Как повествуется в Священном Писании, в доме сестёр Лазаря из Вифании останавливался Иисус Христос. Характеры сестёр – практичной Марфы и созерцательной Марии – стали символами различных поведенческих установок в жизни христиан.

Несмотря на то что библейские прецедентные имена являются заимствованиями из одного источника, это не лишает их национально-культурной специфики и самобытности, поскольку в каждом языке они приобретают особые культурные смыслы, эмоционально-оценочные коннотации, часто являющиеся отражением исторического, духовного и нравственного пути становления и развития национального сообщества. В каждом языке можно найти отличия в содержании имён, в каждом виде дискурса – отличия в трактовке их дифференциальных признаков и атрибутов.

Дифференциальные признаки прецедентного имени, как известно, составляют систему характеристик, отличающих данный объект от других по внешнему виду, по поведенческим чертам, по специфическим для прецедентной ситуации особенностям. Атрибуты имени являются достаточными, но не необходимыми для его сигнификации [Красных, 2003], могут быть элементами структуры разных имён, варьировать в количественном и качественном отношении. Например, праведность как черта характера будет являться атрибутом большинства главных героев Библии, если говорить о тексте в целом. Если же речь идёт о противопоставлении добра и зла, положительных и отрицательных персонажей, то в этом случае праведность следует рассматривать как дифференциальный признак в структуре прецедентного имени.

В Ветхом Завете много важных персонажей, интересных и ярких личностей. Давид – одна из выдающихся фигур Книги Книг. Библия повествует о нём более подробно, чем о каком-либо другом герое, за исключением Моисея. Однако в словарях и энциклопедиях объём представленной информации существенно отличается в зависимости от ти-

па издания. Так, согласно определениям, данным в толковых словарях, можно выделить следующие дифференциальные признаки имени DAVID и его атрибуты:

1. «Longman Dictionary of English Language and Culture»

1) in the Old Testament of the Bible, one of the Kings of Israel, 2) believed to have written some of the Psalms, 3) his friendship with Jonathan is thought of an example of a perfect, loyal friendship, 4) killed the GIANT GOLIATH by hitting him on the head with a stone thrown from his SLING.

Важно отметить, что в словаре также приводится информация об особенностях употребления имён «Давид» и «Голиаф» в английском языке в переносном значении: *People sometimes use the names David and Goliath to describe a situation in which a small and less powerful person or group is fighting a much larger and more powerful person or group.*

Подобная ситуация сложилась и в русском языке, поскольку имена ветхозаветных персонажей «Давид» и «Голиаф» часто обозначают «противоборствующих мужчин, один из которых отличается огромным ростом и могучим телосложением; любые противоборствующие группировки, объединения, страны и т. п., не сопоставимые по силе и мощи» [Дубровина, 2010]. Данный факт облегчает восприятие текста, в котором встречаются апелляции к прецедентной ситуации битвы между юным Давидом и великаном, делая его доступным для восприятия и понимания вторичной языковой личностью.

2. «Merriam-Webster Online Dictionary»:

a Hebrew shepherd who became the second king of Israel.

3. «Oxford Learner's Dictionary» (только David and Goliath):

used to describe a situation in which a small or weak person or organization tries to defeat another much larger or stronger opponent.

В отличие от лингвострановедческих и толковых словарей, издания, аналогичные «King James Bible Dictionary» (конкорданс «Библии»), – в которых даны достаточно подробные жизнеописания важнейших персонажей «Книги Книг», – формируют у читателя иной образ Давида:

1) beloved, the eighth and youngest son of Jesse, a citizen of Bethlehem, 2) a shepherd, 3) slew a lion and also a bear, 4) the chosen of God, 5) killed giant Goliath, 6) king of Israel, 7) entered on a series of conquests which greatly extended and strengthened his kingdom, 8) the father of Solomon, 9) a poet and a hymnodist, 10) the author of the Psalms, 11) committed adultery with Bathsheba, 12) this crime, in the attempt to conceal it, led to another, 13) a murder of Uriah, 14) Bathsheba became his wife after Uriah's death, 15) their first-born son died, 16) Absalom rebelled against his father, 17) a true penitent, 18) bitterly bewailed his sins before God и некоторые другие характеристики.

Словари фиксируют в языковой форме наиболее значимые, воспроизводимые характеристики библейского образа, которые необходимы для правильного восприятия и интерпретации текста, в котором происходит апелляция к прецедентному феномену. Однако даже эти характеристики могут отличаться по релевантности в зависимости от вида дискурса и

типа языковой личности. Так, например, дифференциальными признаками прецедентного имени DAVID, учитывая представленную в словарях информацию, будут выступать поведенческие черты и поступки персонажа, которые отличают его от других героев Ветхого Завета и актуализируют соответствующие прецедентные ситуации: «битва Давида и Голиафа», «помазание божье на царство», «дружба Давида и Ионафана», «правление страной», «написание Псалмов», «прелюбодеяние», «физическое устранение соперника – Урии – с целью сокрытия факта грехопадения», «Вирсавия становится женой Давида после смерти Урии», «первенец Давида и Вирсавии умирает», «отец Соломона», «искреннее раскаяние, покаяние перед Богом». Атрибутами – нерелевантными для воспроизведения прецедентных ситуаций характеристики: «младший сын, самый любимый из восьми детей вифлеемского крестьянина Иессея», «житель Вифлеема», «пастух», «убил льва и медведя», и другие.

Характерной чертой жизнеописания Царя Давида в Библии является тот факт, что его заслуги как военачальника занимают буквально несколько строк, в то время как печальная и поучительная история грехопадения представлена в деталях: пытаюсь скрыть одно преступление, прелюбодеяние, Давид совершает другое, ещё более тяжкое – убийство. Поэтому данная прецедентная ситуация формирует важнейшие дифференциальные признаки в структуре имени, которые фиксируют не все словари, но которые неоднократно актуализируются в исследуемом материале.

С одной стороны, Давид – это помазанник божий, идеальный царь, талантливый военачальник, полководец, грамотный политик, поэт и музыкант. С другой стороны, перед нами предстаёт человек хитрый и властный, не брезгающий самыми сомнительными средствами для достижения своих целей, грешник. Стремясь скрыть факт прелюбодеяния, он совершает ещё более страшное преступление: отправляет на верную смерть человека. Позже он искренне раскаивается в содеянном и, тем самым, заслуживает прощение перед богом и людьми.

Столь сложный и неоднозначный комплекс признаков прецедентного имени говорит о противоречивости натуры Давида. Подобные противоречия, свойственные всем людям взлеты и падения, делают его одним из самых ярких персонажей Ветхого Завета, образ которого активно эксплуатируют авторы текстов СМИ, в частности, журналисты «Time». Общее количество статей, в которых встречается прецедентное имя библейского истока DAVID – более двухсот тысяч (данные, полученные при поисковом запросе до 2018 года включительно), в том числе в 33451 упоминается Царь Давид, в 182312 – используется высказывание «Давид и Голиаф». Однако особенности актуализации дифференциальных признаков и атрибутов, которые были выявлены методом случайной выборки в статьях, находящихся в открытом доступе, варьируют в зависимости от содержания публикации, авторского замысла, а также узкого контекста, который предопределяет специфику употребления имени: денотативного или коннотативного.

В статье «Religion: German Martyrs» (1940) повествуется о протестантском священнике Мартине Нимёллере, одном из самых известных в Германии противников нацизма, и его последователях. Будучи убеждённым националистом и ярким антикоммунистом, Нимёллер, как и многие пасторы-протестанты, вначале приветствовал приход Гитлера к власти и вступил в нацистскую партию. Но вскоре, разочаровавшись в политике Гитлера, утверждавшего главенство над церковью, стал открыто призывать к неповиновению рейхсканцлеру, за что и оказался в тюрьме, а затем в концлагере.

Избавиться от последователей неудобного пастора Гитлер решает так, как подсказывает ему сама «Книга Книг» – отправив их на фронт, на передовую, в места, где проходили самые ожесточённые бои, где существовала наибольшая вероятность погибнуть: *Taking a leaf from the Nazi-verboden Old Testament, where King David got rid of Bathsheba's husband by having him set "in the forefront of the hottest battle ... that he may be smitten and die" the Nazis mobilized over 55% of Germany's Protestant pastors for Army service, most of them as private* [Взяв за основу одну из притч Ветхого Завета, в которой Царь Давид избавляется от мужа Вирсавии, отправляя его в «самое яростное сражение», «чтоб он был поражен и умер», нацисты в Германии мобилизовали в качестве рядовых более 55% протестантских священников (прим. – перевод наш)].

Единственный признак прецедентного имени, который актуализируется в данной статье, – *guilty of murder*. Остальные дифференциальные признаки и атрибуты являются в этом контексте коммуникативно нерелевантными. Причём ситуация, к которой происходит апелляция в публикации посредством использования прецедентного имени, не имеет определённого названия в религиозном дискурсе. Речь идёт о том, что можно избавиться от соперника, отправив его под благовидным предлогом на смерть. Поэтому данный признак, предположительно, должен актуализироваться в процессе чтения текста и являться ценностно-значимым в процессе его интерпретации. Однако только в «King James Bible Dictionary», где очень подробно описана жизнь царя Давида, есть соответствующее толкование этой прецедентной ситуации. Словари, которыми, как правило, пользуются специалисты в области лингвистики и межкультурной коммуникации в процессе перевода, не включают эту важную для адекватного восприятия описываемого исторического момента информацию, ограничиваясь изложением героических поступков библейского персонажа. Журналист в данном случае предполагает, несомненно, у адресата хорошее знание первоисточника и уверен в том, что его замысел будет доступен пониманию искушенной в этом вопросе читательской аудитории. А образ царя Давида, совершившего смертный грех, – служить наиболее яркой иллюстрацией и реализацией приема сравнения.

Дифференциальные признаки *committed adultery with Bath-Sheba, a true penitent, bitterly bewailed his sins before God* актуализируются в статье «Time Essay: The Theology of Forgiveness», датируемой 1974 годом.

Вопросы морали и нравственности поднимаются автором в связи с вступлением в должность 38-го президента США Джеральда Форда. Спу-

стя месяц после инаугурации Форд даровал своему предшественнику Ричарду Никсону полное прощение за все преступления, выявленные и не выявленные, которые тот мог совершить за время президентства. Данное решение вызвало неоднозначную оценку в американском обществе, что и стало основанием для публикации материала: ... *Judaism, Christianity, Islam – have historically demanded that a wrongdoer, no matter how highly placed, repent before he is forgiven. King David of Israel, warned by the prophet Nathan of impending punishment for his crime in stealing Bathsheba, threw himself into days of fasting and prayer to avert divine wrath* [В иудаизме, христианстве, исламе традиционно утверждается, что грешник, – независимо от его социального статуса, – должен покаяться прежде, чем он будет прощен. Израильский Царь Давид, которого пророк Нафан предупредил о неминуемом наказании за совершенное преступление – похищение Вирсавии, – дни и ночи молился, чтобы отвлечь божественный гнев (прим. – перевод наш)].

Апелляция к имени DAVID, актуализирующему прецедентную ситуацию адюльтера и прощения, позволяет автору эксплицировать субъективную эмоциональную оценку поведения Никсона и поступка Форда. В Библии покаяние царя Давида шло от сердца. Осознав чудовищность своих поступков, он искренне покаялся перед богом и людьми. Об этом свидетельствуют написанные им впоследствии псалмы. В них царь Давид раскрывает перед читателем все муки совести, в них предостерегает от повторения подобных ошибок не только своих потомков, но и все человечество. Раскаяние Никсона, по мнению автора статьи, не слишком убедительно, а акция прощения Форда не выглядит целесообразной и уместной, если исходить из принципов морали и нравственности современного автору общества.

Эксплицитно выраженные дифференциальные признаки имени DAVID – *committed adultery with Bath-Sheba, a true penitent, bitterly bewailed his sins before God* – являются ключевыми в процессе восприятия и понимания текста и позиции автора, поскольку объективируют связь имени с прецедентной ситуацией, которая определяет этический канон поведения человека в обществе. Данному канону должны следовать все без исключения американцы, включая президентов, в противном случае ставится под сомнение само право человека находиться у власти. Отсутствие раскаяния, подчёркивает автор, делает прощение невозможным, особенно, когда речь идёт о главе государства.

Дифференциальные признаки *committed adultery with Bath-Sheba, a true penitent, bitterly bewailed his sins before God* также актуализируются в статье «Leave him alone» (1998), в которой проводится параллель между двумя ситуациями, библейской и реальной, имевшей место в жизни американской нации в 1998 году: *There was a moment during last week's emotion-filled White House reception for Nelson Mandela when I felt as if I had traveled back in time. It came when the Rev. Bernice King, who looks and sounds remarkably like her sainted father Martin Luther King Jr., likened Bill Clinton to the biblical King David, who kept his throne despite his sinful dalliance*

with Bathsheba because he atoned. Offering the President her understanding and her forgiveness, she intoned, "It's time, I think, for us to leave our President alone" [Неделю назад на приеме, который состоялся в Белом доме в память о Нельсоне Манделе, мне показалось, что я вернулся в прошлое. Произошло это в тот момент, когда Бернис Кинг, которая и внешне, и по голосу очень напоминает своего отца, преподобного Мартина Лютера Кинга, сравнила Билла Клинтона с библейским Царем Давидом. Давид сохранил свой трон, несмотря на греховный союз с Вирсавией, потому что покаялся. «Мне кажется, пора оставить президента в покое», – добавила она (прим. – перевод наш)]. Апелляция к библейскому тексту не предполагает отрицательную характеристику объекта оценки. Соположение библейской ситуации с реальной – скандалом вокруг 42 президента США Б. Клинтона и Моники Левински – призвано обратить внимание читателя на важность прощения как одну из важнейших христианских ценностей. Царю Давиду, несмотря на совершенный смертный грех, удалось не только сохранить свой трон, но и остаться в истории одним из величайших правителей. Имевший смелость покаяться в своих преступлениях Давид был прощён Богом и людьми. Инвариант этой прецедентной ситуации хранится в когнитивной базе представителей американского лингвокультурного сообщества, поэтому автор уверен, что читатель, следуя усвоенному алгоритму, простит раскаявшегося президента.

Способность задавать алгоритм поведения членов национального лингвокультурного сообщества является одной из важнейших особенностей прецедентных феноменов как сложных знаков, сумма значений которых не равна их смыслу. Прецедентные имена и их дифференциальные признаки в наибольшей степени задают ценностные ориентиры лингвокультурного сообщества, формируют набор «героев» и «злодеев», предлагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, что делать нельзя.

Примеры из статьи «What King David Could Teach Today's Presidential Candidates» (2016) наглядно иллюстрируют сказанное: *Great leaders own up to their mistakes. David committed adultery with Bathsheba. ... But it was a bungled attempt to cover up his adultery that led David to murder Batsheba's husband, Uriah. Unwilling to admit having committed one crime, David was led to a far greater one. In the end, David and Batsheba's newborn child died and his kingdom was shaken* [Давид совершил грех прелюбодеяния ... Однако именно попытка Давида скрыть связь с Вирсавией привела к убийству её мужа, Урии. Не желая признаваться в одном преступлении, Давид совершил другое, ещё более тяжкое. Печальным итогом стала смерть новорожденного ребенка Давида и Вирсавии, а также проблемы, которые начались в государстве (прим. – перевод наш)].

The inability to admit fault right away and the certainty that a crime is only as bad as its discovery leads to untold heartache. President Richard Nixon's cover-up of Watergate was one example, but there have been many others. ... [Неспособность сразу признать свою вину и уверенность в том, что преступление настолько плохо, насколько хорошо его раскрыли, приво-

дит к печальным последствиям. Одним из такого рода преступлений стал Уотергейтский скандал, который президент Ричард Никсон пытался замаскировать. И таких примеров немало (прим. – *перевод наш*).

They choose humility over hubris. When David was triumphant, he managed to alienate those around him, including his own children. In meeting with his son, Absalom, the Bible tells us “the King kissed Absalom.” (2 Samuel 14:33). Not as a father, but a king. That same son later rebelled against David. But when David was willing to humble himself, as he did by admitting his faults or by not letting his men sacrifice in his honor, the people loved David for these deeply human moments [Они предпочитают смирение высокомерию. Когда Давид достиг вершины власти, он настроил против себя всех, включая собственных детей. Как сказано в Библии, встретив своего сына Авессалома, «Царь поцеловал его» (2 Царствие, 14 : 33). Не как отец, а как царь. Позже именно Авессалом восстал против отца. Однако впоследствии за его смирение и истинно человеческие поступки, – когда Давид покаялся в своих грехах и запретил людям приносить жертвы в его честь, – народ Израиля вновь возлюбил его (прим. – *перевод наш*)].

When a leader seems overconfident, the slightest mistake is pounced on with glee. Genuine humility is not incompatible with a strong ego and self-confidence. President Franklin D. Roosevelt would sometimes deliberately display his disability to wounded veterans, showing his strength by not hiding his weakness [Когда президент кажется слишком самоуверенным, малейшая ошибка вызывает злорадство. Истинное смирение не исключает сильное эго и уверенность в себе. Президент Франклин Д. Рузвельт иногда сознательно выставлял напоказ свою инвалидность перед ранеными ветеранами, тем самым демонстрируя свою силу (прим. – *перевод наш*)].

... But from the first, we see in David that he had the courage born of the belief that his destiny and Israel’s mission were real. In other words, not only did David have faith in God, but he had faith in the possibilities of the people whom he led. In our own nation we saw that President Abraham Lincoln, who was humble and whose faith in God went through many permutations in his lifetime, had an unshakable faith in the importance of his task and the potential of America [Однако в первую очередь мы видим в Давиде мужество, рожденное верой в то, что его судьба и судьба Израиля неразделимы. Иными словами, Давид не только верил в Бога, он верил в возможности народа, которым правил. На примере нашей нации мы видим, что президент Авраам Линкольн, которому на протяжении всей жизни были свойственны смирение и праведность, также свято верил в важность собственной миссии как главы государства и силу духа американского народа (прим. – *перевод наш*)].

The presidents who have been most inspiring were those able to offer us some of their faith, and help us believe in ourselves. All of Israel felt more sure of their place in the world because David was their King. All of America felt more sure of its destiny when Roosevelt told us not to fear, and we knew his courage was born of experience and of faith [Президенты, которые могли поделиться частью своей веры, в первую очередь помогали нам поверить в собственные силы. Благодаря царю Давиду народ Израиля обрел уверен-

ность в будущем. Благодаря Рузвельту американский народ поверил в свою судьбу. Рузвельт призвал нас смело смотреть вперёд, и мы знали, что его уверенность была основана на жизненном опыте и вере (прим. – *перевод наши*)].

Данная аналитическая статья – уникальный пример использования прецедентного имени собственного как способа апелляции одновременно к нескольким познавательным и эмоционально ценностным для языковой личности ситуациям из Библии. Функция прецедентного имени DAVID как означающего данных ситуаций заключается в его способности задавать ценностную шкалу поведения для членов лингвокультурного сообщества, свод правил, которому нужно следовать неукоснительно.

В своих Псалмах, написанных как результат долгих размышлений над собственными поступками, Царь Давид изложил одиннадцать заповедей, в соответствии с которыми должен жить человек. Автор статьи предлагает рассматривать этот опыт как декларацию христианских нравственных ценностей, разделяемых всеми членами общества, в первую очередь – лидерами нации, которые, подобно древним правителям, могут быть и праведниками, как Линкольн, и грешниками, как Никсон. Дифференциальные признаки имени DAVID и его атрибуты, которые получают актуализацию в тексте, – *committed adultery with Bath-Sheba, the chosen of God, king of Israel, a murder of Uriah, a true penitent, bitterly bewailed his sins before God vs. Bathsheba became his wife after Uriah's death, their first-born son died, Absalom rebelled against his father* – формируют у читателя целостное представление о библейском персонаже, а прямое и косвенное цитирование «Книги Книг» способствует более точному восприятию авторского замысла, исключая вероятность его неправильной интерпретации.

В публикациях журнала встречается большое количество примеров апелляций к имени DAVID как актуализатору прецедентной ситуации «Давид и Голиаф», где обозначающим выступают оба антропонима. Однако ни в одной из статей, которые есть в открытом доступе, не выявлен такой дифференциальный признак имени, как *killed the GIANT GOLIATH*. Речь идёт, как правило, о противостоянии, о борьбе, о попытке героя защитить свои права, но не о победе над противником или, тем более, о его гибели. Дифференциальный признак, который является доминантным в ядре структуры прецедентного имени, перемещается на периферию и заменяется атрибутом *a situation in which a small or weak person or organization tries to defeat another much larger or stronger opponent* – то есть, когда меньшими силами пытаются сломить более сильного соперника.

Как сказано в Библии, юный Давид победил Голиафа, который превосходил его по росту и мощи, попав камнем в голову великана. Важным для представителей христианского социума является также тот факт, что Давид вышел против Голиафа только с пращой и победил, поскольку уверовал в помощь всевышнего. Однако сакральные коннотации, которые характерны для данной трактовки имени и ситуации, отсутствуют в толковых и лингвострановедческих словарях. Соответственно, они не актуализируются и в материалах журнала. Например, в заголовке статьи «The Nation: David Can Be a Goliath» (1977) – в сильной позиции в тексте – автор об-

ращает внимание читателя на тот факт, что Давид может оказаться на месте Голиафа, но не это не означает гибель героя.

Статья посвящена Дэвиду Фросту – одному из самых известных и высокооплачиваемых британских журналистов, прославившемуся на весь мир серией интервью с 37 президентом США Ричардом Никсоном.

Знаковая фигура в мире СМИ, уникальная творческая личность, Фрост, которого автор называет *King David*, к своим 38 годам ярко проявил себя в разных видах деятельности: телевизионные интервью, ток-шоу, продюсерские проекты в кино и на ТВ, поп-концерты, издательство книг, инвестиционные кампании. Однако, по мнению автора статьи, в жизни журналиста Дэвида Фроста всё не так хорошо, как может показаться на первый взгляд. Его не преследуют толпы поклонников, внешний вид свидетельствует о проблемах со здоровьем, а речь свидетельствует о принадлежности к рабочему среднему классу: *Stage-door groupies do not throng after Frost. He is sallow-skinned, pouchy-eyed. His suits are rumpled; the thin brown hair barely conceals a balding pate. He gulps pills to avert the double vision he gets from migraines. He gnaws his fingernails. His voice is flat and distinctly non-U* [У него серый цвет лица, слегка выпученные глаза. Костюм всегда помят, а редкие каштановые волосы едва скрывают лысеющую макушку. Он принимает препараты от головной боли. Грызёт ногти. В его речи присутствуют особенности произношения, характерные для представителя рабочего среднего класса (прим. – перевод наш)]. Но главное – его одна за другой постигают неудачи в личной жизни: *He seems unluckier in the bridal suite than in the board room, however*. Всё перечисленное, – понимает читатель, – превращает победителя в побеждённого, юного героя – в потрепанного жизнью великана, который уже, фактически, потерпел поражение в, казалось бы, предвещавшей головокружительный успех, борьбе за счастье.

Принимая во внимание заголовок, в котором используется библеизм *David and Goliath*, и содержание статьи, можно утверждать, что дифференциальный признак имени «Давид» *killed the GIANT GOLIATH* не актуализируется в тексте. Более того, элиминируется мелиоративная оценка, которая является ингерентной для этой прецедентной ситуации. Автор доказывает на примере жизни Фроста, что победить одного, даже самого сильного противника, не значит выиграть сражение, и даже самого успешного человека могут преследовать неудачи.

Изменение оценочного вектора инварианта восприятия прецедентной ситуации требует от реципиента не только хорошего знания основного содержания притчи, её персонажей, но и углубленного, вдумчивого чтения для правильного понимания авторского замысла. Несмотря на знаковый характер фигуры журналиста, его головокружительную карьеру и признание коллегами заслуг в профессиональной сфере, описанию которых посвящена большая часть материала, проблемы в личной жизни становятся фактором отрицательной оценки образа героя, его сравнения с библейским персонажем Голиафом.

В следующих примерах случаи апелляции к прецедентному имени DAVID также актуализируют ситуацию битвы с Голиафом, единственным дифференциальным признаком которой является факт противостояния не равных по силе противников.

1. «*Real-Life Davids vs. Goliaths*» (2001): *The concept was reworked to focus on the **David-and-Goliath** aspects of the competition. New gladiators with backgrounds as professional football players and Olympic competitors were hired. The costumes were redesigned for a sportier look. And, most important, both gladiators and contenders were directed to play for real. ... The authenticity of the competition is driven home by the injuries among gladiators as well as contenders* [Новая концепция шоу основана на идее противостояния Давида и Голиафа. Для её реализации мы наняли бывших профессиональных футболистов и олимпийских чемпионов. Придумали новые костюмы, напоминающие спортивное обмундирование. А самое главное – и гладиаторы, и их соперники теперь бьются по-настоящему и получают реальные травмы (прим. – перевод наш)].

2. «*Kanye West Just Stole Two Less Famous Designers' New York Fashion Week Slot*» (2015): *Kanye West may think of himself as the modern renaissance man, expanding his empire from music to fashion to even a possible run for President. However, his quest for world domination occasionally irks a few mortals en route – most lately a couple of up-and-coming designers who the rapper booted out of their scheduled time slots at New York Fashion Week. ... “We have been prepping for a year for this at considerable financial, labor- and commitment-cost to our company. ... “It’s like we are **David** and he is **Goliath**”* [Канье Уэст может считать себя современным человеком эпохи Возрождения, способным заниматься не только музыкой или модой, но даже политической деятельностью, включая возможное участие в президентской кампании. Однако его стремление к мировому господству мешает некоторым смертным, которые оказываются у него на пути. Совсем недавно двое молодых перспективных дизайнеров не смогли принять участие в неделе моды в Нью-Йорке, потому что рэпер занял предоставленное им на показе время. ... «Мы целый год готовились к этому мероприятию, потратили много сил и средств». ... «Как будто мы – Давид, а он – Голиаф» (прим. – перевод наш)].

3. «*A Billionaire Couple Was Found Dead Over the Weekend. Here's What We Know About Their Wealth*» (2018): *Barry created Apotex – a generic drugs maker – in 1974 after buying out his late uncle’s business, which was one of the largest drug manufacturers in Canada. That deal has been the subject of a heated fight between Barry and his uncle’s surviving family, who allege Sherman owes them money and a stake in the business. “Our story is truly a **David and Goliath** situation, except we’re up against two Goliaths,” Kerry Winter, one of Barry’s cousins, said in a 2011 interview about the legal battle* [В 1974 году Барри Шерман выкупил фармацевтический бизнес своего покойного дяди, который был одним из крупнейших производителей лекарств в Канаде, и создал собственную компанию по производству дженериков

«Apotex». Эта сделка стала предметом ожесточенной борьбы между Барри и семьей его дяди, которая считает, что Шерман должен им деньги и долю в бизнесе. «Наша история – это битва Давида и Голиафа, с тем лишь исключением, что нам приходится сражаться с двумя Голиафами», – заявила в интервью в 2011 году одна из племянниц Барри Керри Винтер, рассказывая о судебной тяжбе (прим. – *перевод наш*).

4. «The School Shooting Generation Has Had Enough» (2018): *Teens have always had a unique talent for humiliation, and social media only sharpens their knives. If the Parkland kids were targeting their classmates instead of powerful lobbyists or Senators, their taunts could be mistaken for bullying. But going up against the NRA, they're like **mouthy Davids slinging stones at Goliath*** [У подростков проявляется настоящий талант, когда речь идёт об унижении человека, и социальные медиа только ещё больше провоцируют их. Однако если бы ребята из Парклэнда избрали жертвой своих нападок одноклассников, а не могущественное лобби в Сенате, их насмешки можно было принять за издевательства. Но выступить против Американской национальной стрелковой ассоциации – это всё равно, что болтливые Давиды, бросающие камни в Голиафа (прим. – *перевод наш*)].

5. «Today's Oscar Nominations Prove the Academy Can Still Surprise Us – in a Good Way» (2018): *The 2018 awards season started out wide open. Way back in December, ... there were still a number of contenders, any one of which felt like a viable indie David to Steven Spielberg's Goliath* [Сезон присуждения премии Оскар в 2018 году был в полном разгаре. Однако ещё в декабре ... было несколько претендентов на получение премии, каждый из которых чувствовал себя Давидом, способным победить Голиафа – Стивена Спилберга (прим. – *перевод наш*)].

Прецедентные имена, выступая в роли ключевого концепта прецедентной ситуации, должны способствовать сохранению инварианта ее восприятия в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, важнейших дифференциальных признаков и атрибутов. Однако практика употребления антропонима DAVID как способа апелляции к прецедентной ситуации «Давид и Голиаф» в материалах журнала «Time» свидетельствует о сокращении объёма содержания ядра и периферии её структуры и нарушении характерного для библейского текста алгоритма воспроизведения в дискурсе масс-медиа.

Библеизм «Давид и Голиаф» – яркая иллюстрация того, как прецедентные имена утрачивают связь с породившим их текстом и присущие им изначально сакральные коннотации. Подтверждением таких процессов служит, прежде всего, кодификация соответствующего значения лексической единицы в толковых словарях как единственно возможного, а также фиксация изменений содержания имени, его структуры, дифференциальных признаков и атрибутов в материалах СМИ.

Высказывание *David and Goliath* воспринимается носителями языка как прецедентный феномен, к которому удобно апеллировать в самых разных коммуникативных контекстах, требующих актуализации прецедентной ситуации противостояния разных по силе соперников. При этом

отсутствует не только устойчивая ассоциативно-образная связь имён собственных с Библией как с сакральным текстом, но и связь имён *David* и *King David* как обозначающих одного ветхозаветного персонажа.

4. Заключение

В дискурсе американских СМИ имя собственное библейского истока DAVID имеет статус прецедентного. Основанием для данного вывода служит тот факт, что апелляции к нему в статьях журнала «Time» высокочастотны, контексты, в которых оно воспроизводится, достаточно разнообразны и эмоционально нагружены. В то же время можно с уверенностью говорить об утрате прецедентным именем сакральных коннотаций, поскольку только часть дифференциальных признаков, указывающих на важнейшие характеристики имени, его связь с текстом-источником, актуализируется в исследуемом материале.

Прецедентное имя, как и другие виды прецедентных феноменов, со временем претерпевает структурные и семантические трансформации, что находит отражение в перераспределении признаков ядра и периферии. Следствием таких изменений стала частичная утрата именем DAVID сакральных культурных коннотаций и отсутствие ассоциативно-образной связи имени с текстом-источником в высказывании *David and Goliath* в толковых словарях и в материалах СМИ.

В публикациях журнала «Time» параллельно развиваются две тенденции: сохранение инварианта восприятия прецедентного имени DAVID при его денотативном употреблении, как правило, в сочетании «King David», и коннотативном – при использовании высказывания *David and Goliath* как прецедентного феномена, связь которого с текстом Библии почти утрачена, а сакральные коннотации отсутствуют.

Использование библейских прецедентных имён в материалах СМИ предполагает у читателя знание библейского сюжета, положенного в основу информационного сообщения, а также умение анализировать интертекстуальные связи, определяющие алгоритм реализации авторского замысла. Печальная история грехопадения царя Давида является поучительной для всех членов американского лингвокультурного сообщества, поэтому авторы часто употребляют имя *David / King David* с целью актуализации этой прецедентной ситуации.

Коннотативное употребление прецедентных имён авторами текстов СМИ не всегда позволяет читателю, особенно если речь идёт о вторичной языковой личности, увидеть связь имён с породившим их текстом, в том числе Священным Писанием, даже если связь с прецедентной ситуацией установлена. Поэтому знание ветхозаветных притч и их персонажей должно являться важной частью когнитивной базы потребителей продукта СМИ, включая специалистов в области лингвистики и межкультурной коммуникации, в сферу профессиональной компетенции которых входит умение правильно воспринимать, интерпретировать и переводить тексты масс-медиа.

Список литературы

1. Бетехтина, Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках) [Текст] / Е. Н. Бетехтина / отв. ред. Г. А. Лилич. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 171 с.
2. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997 – № 5. – С. 55–65.
3. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов [Текст] / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта, 2010. – 808 с.
4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Ма, Т. Ю. Прецедентные имена «Noah» и «Noah's Ark» в материалах электронной версии журнала «Time» [Текст] / Т. Ю. Ма, Т. В. Хлопова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 7-2. – С. 181–121.
6. King James Bible Dictionary [Electronic Resource]. – URL : <http://kingjamesbibledictionary.com/Dictionary/david> (дата обращения: 12.12.2018).
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition [Text]. – Longman : Pearson Educational, 2005. – 1620 с.
8. Merriam-Webster Online Dictionary [Electronic Resource]. – URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 12.12.2018).
9. Oxford Learner's Dictionary [Electronic Resource]. – URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> – (дата обращения: 12.12.2018).
10. TIME [Electronic Resource] : офиц. сайт. – URL : <http://time.com/>. – (дата обращения: 12.12.2018).

References

1. Betehtina, Ye. N. (1999). *Frazeologizmy s bibleyskimi imenami (v russkom i angliyskom yazykakh)* [Phraseological units with biblical proper names (in the Russian and English languages)]. Saint Petersburg : St Petersburg University Press.
2. Gak, V. G. (1997). Osobennosti bibleyskikh frazeologizmov v russkom yazike (v sopostavlenii s frantzuzskimi bibleizmami) [Peculiarities of biblical phraseological units in the Russian language (in comparison with French biblical phraseological units)]. *Voprosy jazikoznaniya* [Topics in the Study of Language], 5, 55–65.
3. Dubrovina, K. N. (2010). *Enciklopedicheskiy slovar bibleyskih frazeologizmov* [Encyclopedia of biblical phraseological units]. Moscow : Flinta Press.
4. Krasnykh, V. V. (2003). «Svoy» sredi «chuzhih»: mif ili realnost [At home among strangers: myth or reality]. Moscow : «Gnosis» Press.
5. Ma, T. Yu., Khlöpova, T. V. (2018). Precedentnye imena «Noah» i «Noah's Ark» v materialah elektronnoy versii zhurnala «Time» [Precedent names «Noah» and «Noah's Ark» in the electronic version of «Time» magazine]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: actual problems of theory & practice. Series: Humanities], 7–2, 118–121.

6. King James Bible Dictionary. Retrieved December 12, 2018 from <<http://kingjamesbibledictionary.com/Dictionary/david>>.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. (2005). Longman : Pearson Educational.
8. Merriam-Webster Online Dictionary. Retrieved December 12, 2018 from <<https://www.merriam-webster.com/>>.
9. Oxford Learner's Dictionary. Retrieved December 12, 2018 from <<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>>.
10. TIME. Retrieved December 12, 2018 from <<http://time.com/>>.

УДК 811.133.1/811.134.2**UDC 811.133.1/811.134.2**

Макарова Александра Игоревна
Российский государственный университет туризма и сервиса
Московская область, Российская Федерация
Aleksandra I. Makarova
Russian State University of Tourism and Service
Moscow Region, Russian Federation
alexia90@rambler.ru

**ВЛИЯНИЕ ОТРИЦАНИЯ НА ВЫБОР НАКЛОНЕНИЯ
В ПРИДАТОЧНЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**
**THE EFFECT OF NEGATION ON MOOD CHOICE
IN SPANISH OBJECT CLAUSES**

Аннотация

Вопрос влияния отрицания на выбор наклонения остаётся малоизученным в рамках испанского языка. Анализ теоретических трудов в области генеративной грамматики, в которых затрагиваются вопросы семантики глагола, прагматического характера предложения, употребления элементов отрицательной полярности, аспекты теории переноса отрицания, убеждает в том, что рассматривать данную проблему исключительно в рамках структурного анализа нельзя. Большинство проблем, поднятых в рамках генеративных исследований, так и остаются нерешёнными и требуют дополнительного исследования. Анализ экспериментального материала позволил сделать несколько выводов. Во-первых, синтаксический перенос отрицания не влияет на выбор наклонения; будучи прагматически обусловленным, он вносит дополнительную семантику в предложение. Во-вторых, существование грамматического переноса отрицания не объясняется терминами негативной полярности и не зависит от их употребления. Явление прономинции не следует считать фактором, влияющим на выбор наклонения, поскольку имеется возможность употребления как сослагательного наклонения, так и изъявительного в рамках одного и того же с точки зрения синтаксиса и лексического состава предложения (исключая придаточное предложение, которое заменяется местоимением). Наличие отрицательной частицы в предложении также напрямую не определяет выбор наклонения: она даёт дополнительную смысловую нагрузку, для выделения которой и употребляется сослагательное наклонение. Таким образом, на выбор наклонения влияет не столько наличие отрицания в главном предложении, сколько семантика глагола и семантический посыл всего предложения.

Abstract

The problem of the negation influence on the choice of mood has not received enough attention in Spanish studies. An overview of theoretical works in the field of generative grammar where researchers touch upon the issues of verb semantics, pragmatic nature of the sentence, the use of elements of negative polarity, the aspects of the theory of negation shift

brings to the impossibility to consider this problem exclusively within the framework of structural analysis. Most problems raised within the framework of generative research remain unresolved and require further research. The analysis of the material enabled to draw several conclusions. First, negation syntactic shift does not impact the mood choice; being pragmatically determined, it introduces additional connotations into the original sentence. Second, the phenomenon of grammatical negation shift can not be explained by the term of negative polarity and is independent of their use. Pronomination phenomenon is not a factor influencing the choice of the mood, since there is a possibility of using both the subjunctive and the indicative mood within the same sentence in terms of its syntax and lexical composition (excluding the subordinate clause, which is replaced by a pronoun). The presence of the negative particle in the sentence does not directly determine the choice of the mood either: it gives additional meaning, and the subjunctive mood is used to point it out. To sum up, it is not much due to the negation presence in the main clause that the choice of the mood is determined by but due to the verb semantics and the meaning of the whole sentence.

Ключевые слова: испанский язык, придаточное дополнительное предложение, субхунтиво, отрицание, перенос отрицания.

Keywords: Spanish, object clause, subjunctive, negation, negation shift.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_58_72

1. Введение

Категория наклонения глагола относится к одной из самых широко обсуждаемых тем в испанской грамматике, а употребление сослагательного наклонения (далее – субхунтиво), безусловно, является основной проблемой этой глагольной категории. При изучении сослагательного наклонения в испанском языке возникает ряд теоретических вопросов, связанных с формальными признаками (как морфологическими, так и синтаксическими) и с семантикой наклонений. С употреблением сослагательного наклонения в придаточных дополнительных предложениях связан ряд проблем, таких как проблема семантики глагола, проблема отрицания, проблема вопросительности, влияние морфологических факторов [Макарова, 2018].

Традиционно испанские грамматики объясняют употребление субхунтиво в зависимости от синтаксических отношений между главным и придаточным предложениями, то есть некоторые виды сказуемого требуют после себя употребления придаточных предложений с субхунтиво, а некоторые – с индикативом. Данную точку зрения легко поставить под сомнение. Во-первых, она не учитывает семантические особенности того или иного наклонения, употреблённого в придаточном предложении. Во-вторых, в некоторых случаях допускается употребление и индикатива, и субхунтиво при одном и том же сказуемом в главном предложении.

Согласно другой точке зрения, употребление того или иного наклонения объясняется семантикой глаголов в главном предложении. Анализ

вариантов употребления субхунтиво и индикативо в зависимости от значения глагола в главном предложении широко представлен и у испанистов, например, у Састре Руано [Sastre Ruano, 2004, p. 101–104]. По мнению А. Ахерн, такой тип сказуемого занимает промежуточную позицию между сказуемым «неутвердительными» и сказуемыми «утвердительными». Все сказуемые исследователь делит на три типа по семантическому признаку и представляет в виде схемы [Ahern, 2008, p. 29], которая чётко определяет случаи употребления субхунтиво в испанском языке, а также демонстрирует существование случаев, которые допускают употребление сослагательного и изъявительного наклонений.

Проблема влияния отрицания на выбор наклонения в придаточном предложении является одной из самых актуальных и широко изучаемых в рамках синтаксиса испанского языка. В исследованиях современных испанистов (см., напр., [Ahern et al., 2014; Auwera, 2011; Potvin, 2004; Rooy, 2003; Sastre Ruano, 2004]) рассматривается как вопрос влияния отрицания в главном предложении, так и вопрос влияния отрицания в придаточном.

Большинство испанских исследователей (см., напр., [Alarcos Llorach, 2002; Ahern, 2008; Real Academia Española, 2009, p. 1886–1894]) считают, что не отрицание влияет на выбор наклонения, а наклонение даёт дополнительную стилистическую окраску и позволяет выделить необходимую информацию. Изъявительное наклонение указывает на то, что говорящий уверен в информации, которая содержится в предложении. Если употреблено сослагательное наклонение, то возможны два варианта интерпретации такого предложения: 1) говорящий не уверен в той информации, которую он сообщает; 2) ситуация известна для говорящего и слушателя, но говорящий хочет выделить информацию в придаточном предложении. Определить вариант интерпретации можно из контекста в письменной речи и по интонации – в устной.

Гипотеза настоящего исследования состояла в том, что не отрицание влияет на выбор наклонения, а наклонение влияет на выделение дополнительно введённой отрицанием информации. Для проверки данной гипотезы был проведён анализ теоретических трудов и экспериментального материала, а именно примеров из испанской художественной литературы XX–XXI веков.

Отечественными испанистами вопрос о влиянии отрицания на выбор наклонения практически не рассматривался, поэтому в настоящем исследовании предложен обзор только зарубежных работ по данной теме.

В качестве эмпирического материала было взято 200 примеров из произведений испанских авторов XX–XXI веков [Levy, 2011; Caso, 2003; Delgado, 1996; Zafón, 2017 и др.]. Была поставлена задача проиллюстрировать теоретические положения, предлагаемые анализируемыми испанистами, и снять либо, наоборот, вскрыть противоречия рассматриваемых концепций. Весь материал представляет кастильский вариант испанского языка, считающийся классическим.

2. Влияние отрицания на выбор наклонения: исследование теоретических трудов

В настоящей статье проводится подробный анализ теоретических трудов зарубежных лингвистов по генеративной грамматике испанского языка. Данное направление вызывает много споров среди исследователей в области когнитивной лингвистики, следовательно, обойти стороной эти разногласия нельзя. Такой анализ необходим для обработки эмпирического материала, а именно: для определения факторов, влияющих на употребление наклонения в придаточных дополнительных в рамках испанского языка (связаны ли эти факторы исключительно с синтаксическими, или морфологическими, или семантическими особенностями, или же следует говорить о комплексном влиянии). Выявив указанные факторы, мы сможем выделить критерии для последующей обработки материала и определить, на основании чего в том или ином случае употреблено сослагательное или изъявительное наклонение. Данный анализ поможет как в дальнейшем изучении употребления наклонения в рамках испанского языка на примере других типов придаточного предложения, так и для анализа употребления сослагательного наклонения в других романских языках, сравнительно-сопоставительного анализа употребления сослагательного наклонения в придаточных предложениях.

2.1. Теория переноса отрицания

М. Л. Риверо, исследуя данную проблему, полагает, что в конструкциях типа:

1) *Cree que no es inteligente* – Он считает, что он неумный;

2) *No cree que sea inteligente* – Он не думает, что он умный;

3) *No cree que es inteligente* – Он не думает, что он умный;

первые две являются синонимичными, тогда как третья, за исключением употребления наклонения, является по структуре идентичной второй, но не является синонимичной конструкцией, поскольку содержание главного и придаточного предложений конструкции 2 отличается от такового в конструкции 3. Конструкция 2, по мнению Риверо, является грамматическим переносом отрицания (*Transporte de la Negación*), свойственного грамматике испанского языка, отсюда вытекает синонимичность конструкций 1–2; конструкция 3 является грамматически неверной, что ведёт к изменению значения [Rivero, 1971].

Д. Болинджер, однако, отмечает, что в случаях 1–2 конструкции не будут синонимичными, поскольку степень отрицания во второй будет слабее, чем в первой. По мнению исследователя, ослабление происходит за счёт расстояния отрицательного элемента от компонента, с которым он связан [Bolinger, 1968].

Рассматривая семантику конструкций, представленных выше, Б. Парти указывает на логическую типологию. Таким образом, исследователь выделяет два типа конструкций:

1) *A cree que no O* – А думает, что не О;

2) *A no cree que O – A не думает, что O.*

В конструкции 2 присутствует двусмысленность. С одной стороны, конструкцию можно интерпретировать таким образом, что она будет синонимичной конструкции 1, а согласно другой интерпретации конструкция 2 будет иметь свою семантику, отличную от семантики конструкции 1. Таким образом конструкции отличаются друг от друга по своему содержанию. Конструкция 1 может отражать содержание конструкции 2, но если конструкция 2 не отражает содержание конструкции 1, это значит, что семантически конструкции отличны друг от друга. То есть, если «A cree que no O», вероятно, что «A no cree que O», но при этом «A no cree que O» не означает, что «A cree que no O» [Partee, 1973]. Парти приходит к выводу, что два типа конструкций нельзя считать синонимичными и, следовательно, нельзя приводить в качестве аргумента синонимичность для доказательства синтаксического переноса отрицания, о котором говорит Риверо.

2.2. Влияние употребление «элементов отрицательной полярности» на выбор наклонения

Риверо указывает на то, что употребление «элементов отрицательной полярности» («*términos de polaridad negativa*»), таких как *palabra de*, *gota de*, также не влияет на перенос отрицания в конструкциях типа:

1) *Mi hermano cree que no entiendes palabra de francés – Мой брат думает, что ты не понимаешь по-французски;*

2) *Mi hermano no cree que entiendas palabra de francés – Мой брат не думает, что ты понимаешь по-французски;*

3) *Mi hermano no cree que entiendes palabra de francés – Мой брат думает, что ты не понимаешь по-французски.*

Риверо полагает, что конструкции 1 и 2 являются синонимичными, конструкция 1 при этом является базовой, основной, а конструкция 2 образована при помощи переноса отрицания, отсюда и замена изъявительного наклонения на субхунтиво. В конструкции 3 переноса отрицания не будет, так как наклонение в придаточном предложении остается без изменений [Rivero, 1971].

Анализируя точку зрения Риверо о влиянии «элементов отрицательной полярности», следует отметить, что они усиливают отрицание глагола в придаточном предложении, если оно приобретает грамматически верную форму – форму субхунтиво. «Элементы отрицательной полярности» могут, однако, употребляться без отрицательной частицы *no*. Например:

1) *Te prohíbo que digas nada – Я запрещаю тебе что-либо говорить;*

2) *Dudo que hablara nada – Сомневаюсь, что он что-то говорил;*

3) *Ignoraba que Juan hubiera probado gota de vino – Он не знал, что Хуан попробовал вино;*

4) *Negó haber dicho media palabra sobre la situación – Он отрицал, что сказал хоть полслова о ситуации.*

Можно предположить, что глаголы в главном предложении данной группы, такие как *dudar*, *ignorar*, *prohibir*, *negar*, которые содержат в своём

значении скрытое отрицание (а именно: *dudar – no creer con certeza; negar – no afirmar* и т. д.), не являются «стабильными» при выборе наклонения.

И. Боске рассматривает проблему «элементов отрицательной полярности» на примере наречия *ya* 'уже, ещё' в конструкциях следующего типа:

- 1) *No creo que el tren haya llegado ya* – Не думаю, что поезд уже прибыл;
- 2) *Creo que el tren no ha llegado ya* – Думаю, поезд ещё не прибыл;
- 3) *Creo que el tren no haya llegado ya* – Думаю, поезд ещё не прибыл.

Исследователь полагает, что конструкция 1 не является базовой для других двух конструкции [Bosque, 1980]. Очевидно, что отрицание не исчезает, а *ya* при этом остаётся с глаголом.

Риверо также исследует «элементы отрицательной полярности» на примере *hasta* 'до', чтобы подтвердить свою теорию:

- 1) *No cree que se enterara hasta la mañana siguiente* – Она не верит, что он узнал бы об этом вплоть до следующего утра;
- 2) *No cree que se enteró hasta la mañana siguiente* – Она не верит, что до следующего утра он узнал об этом;
- 3) *Cree que no se enteró hasta la mañana siguiente.* – Она верит, что он не узнал об этом вплоть до следующего утра.

Исследователь предполагает, что конструкция 3 лежит в основе конструкций 1 и 2 [Rivero, 1971]. Однако употребление *hasta* предлагает ряд интересных исключений из этого правила. В испанском языке существуют диалекты, в которых употребление *hasta* без отрицательной частицы по будет грамматически верным [Kany, 1969]. Например: *Juan regresó hasta el mediodía*. В этом примере *hasta* связан с предельным глаголом. Употребление *hasta* возможно в классическом испанском языке лишь с глаголами неопределёнными, которые семантически выражают продолжительность действия в рамках временного интервала.

Следует однако отметить, что *hasta* в испанском языке имеет особенности в употреблении с индикативом и субхунтиво. Приведём несколько примеров, где *hasta* входит в состав союза *hasta que* [Fielding, 2008, p. 30]:

- 1) *No creo que la princesa se despertara hasta que el príncipe la besó* – Я не думаю, что принцесса проснулась, пока принц не поцеловал её;
- 2) *Creo que la princesa no se despertó hasta que el príncipe la besó* – Я думаю, что принцесса не проснулась, пока принц не поцеловал её.

Допустим перестановку конструкции с *hasta* в начало предложения:

- 1) *Hasta que el príncipe la besó, no creo que la princesa se despertara* – Пока принц не поцеловал её, я не думаю, что принцесса проснулась;
- 2) *Hasta que el príncipe la besó, no creo que la princesa se despertó* – Пока принц не поцеловал её, я не думаю, что принцесса проснулась.

Если бы *hasta* принадлежало к числу «элементов отрицательной полярности», согласно аргументам Риверо, то оно имело бы одинаковое с «элементами отрицательной полярности» синтаксическое поведение, то есть уточняло отрицание, но при этом не меняло положение в предложении. В предложении типа «*Creo que Juan (no) probó gota de vino*» невозможно переставить словосочетание «*gota de vino*», то есть невозможна

конструкция «*Gota de vino creo que no probó Juan*». Такое, однако, возможно с *hasta*. Это означает, что *hasta* не зависит от отрицания по. Если *hasta* не зависит от отрицательного элемента по или подобного ему элемента, это объясняет возможность его употребления с глаголами типа *regresar* и существование особенного типа связи, являющейся синтаксически сильнее по сравнению с предложениями, в которых есть отрицательная частица. Употребление *hasta* наводит на мысль, что существование грамматического переноса отрицания не объясняется терминами негативной полярности и не зависит от их употребления.

2.3. Влияние отрицательной частицы на выбор наклонения

Отрицательное содержание в большей степени исследуется в дискурсивной грамматике, чем в грамматике предложения. Данные предложения не имеют такого явного отрицательного элемента, который безоговорочно подтверждал бы синтаксическое отрицание. Невозможно подтвердить в рамках расширенной классической грамматики статус грамматической категории на основе скрытых, чётко не представленных явлений. Это своего рода прагматический компонент, согласно которому грамматика является лишь отдельной частью теории языка, в которой могут существовать разного рода противоречия [Chomsky, 1976]. Эти противоречия не всегда подтверждают отрицательную семантику в предложении. Например [Manteca Alonso-Cortés, 1981, p. 92]:

Si la gente no mueve un dedo por apagar el fuego, se quemarán nuestros montes. – Если люди не пошевелят и пальцем, чтобы потушить огонь, наши горы сгорят.

Говорящий в данном случае проявляет скорее нейтральное отношение, советует или хочет дать понять важность предложения.

Наряду с глаголами ментальной деятельности, с которыми предположительно допускается перенос отрицания, употребление терминов негативной полярности возможно в сложноподчинённых предложениях, которые не содержат отрицательного элемента в придаточном предложении. Например [Chomsky, 1976, p. 318]:

1) *No consiguieron que la Policía Nacional moviera un dedo por los ecologistas* – Они не смогли заставить Национальную полицию пошевелить и пальцем для экологов;

2) *No pudieron lograr que Lola probara gota de aguardiente* – Они не смогли заставить Лолу попробовать и капли алкоголя.

Глаголы в главном предложении не допускают употребление отрицания в придаточном предложении, которое сохраняет отрицательную семантику главного предложения. В данном случае следует говорить, что существуют глаголы, которые не допускают предложенного переноса отрицания.

1) *Consiguieron que la Policía Nacional no moviera un dedo por los ecologistas* – Они заставили Национальную полицию и пальцем не пошевелить для экологов;

2) *Pudieron lograr que Lola no probara gota de aguardiente* – Они смогли заставить Лолу и капли алкоголя не пробовать [Chomsky, 1976, p. 318].

Если отрицание перенести по предполагаемой теории, семантика предложения полностью изменится. Так, в конструкции 1 даётся понять, что некто добивался, чтобы полиция помогла экологам, но этого не произошло, а в конструкции 2 некто добивался, чтобы полиция не помогла экологам, и у него получилось.

Б. Корнульер [Cornulier, 1973] также приводит аргумент против теории переноса отрицания ссылаясь на случаи, в которых и в главном предложении, и в придаточном есть отрицательная частица:

- 1) *No creo que no venga* – Я не думаю, что он не придёт;
- 2) *No imagino que no lo haya hecho* – Не думаю, что он этого не сделал;
- 3) *No supongo que no haya aprobado* – Я не думаю, что я не одобрил (или Я не думаю, что я не сдал (экзамен)).

Если предположить, что глаголы в главном предложении теоретически допускают перенос отрицания, получаются конструкции:

- 1) *No no creo que venga* – Я думаю, что он придёт;
- 2) *No no imagino que lo haya hecho* – Думаю, что он это сделал;
- 3) *No no supongo que haya aprobado* – Я думаю, что я одобрил (или Я думаю, что я сдал (экзамен)).

Отрицательная частица, употреблённая в главном предложении дважды, может быть «опущена» при помощи метода отсечения или правила «поглощения отрицания», предложенного Е. Клима [Klíma, 1964], что вводит ещё одно условие для переноса отрицания. В данном случае Риверо предлагает способ выделения тех конструкций, которые в своей поверхностной структуре содержат отрицательное звено [Rivero, 1971, p. 43–62]. Поскольку перенос отрицания возможен исключительно в тех случаях, где в главном предложении нет отрицательного звена, предположение Корнульера доказывает, что невозможно образовать отрицание в глубинной структуре главного (ядерного) предложения, если отрицание содержится в придаточном предложении. При этом возможно образовать отрицание в глубинной структуре главного (ядерного) предложения, если отрицание не стоит на территории придаточного предложения.

Существование таких конструкций предполагает создание ряда дополнительных методов («опущение», «поглощение отрицания»), тем самым усложняя процесс унификации отрицательных предложений. Несмотря на это, можно утверждать, что конструкции типа «*No imagino que no lo haya hecho*» имеют отдельную структуру, в которых отрицание главного предложения отрицает отрицание придаточного, таким образом, при трансформации в придаточном предложении появляется двойное отрицание.

Такая структура не является, однако, обоснованной по ряду причин. Во-первых, если бы трансформация отрицания не была обязательным правилом, следовало бы избегать образования конструкций типа, «*yo creo que no Juan no viene*», которая, безусловно, является неприемлемой в употреблении. Во-вторых, употребление предлагаемой базовой структуры имеет нежелательные последствия, так как семантически предложения с глагола-

ми ментальной деятельности могут иметь различные значения, которые зависят от того, появляется ли отрицание в подчинённом или главном предложении. Дж. Лакофф отмечает, что эта разница имеет в большей степени прагматический характер, чем строго семантический. Отрицая придаточное предложение, разница в употреблении наклонения означает мнение субъекта главного предложения о реальности или нереальности информации в придаточном. Однако когда глагол главного предложения отрицается, говорящий таким образом выражает своё несогласие с мнением другого собеседника [Lakoff, 1969]. Например [Manteca Alonso-Cortés, 1981, p. 94]: *Creo que el Valladolid no jugó bien* – Я думаю, что «Вальядолид» не сыграл хорошо. В этом предложении в рамках коммуникативной ситуации каждый собеседник выражает своё мнение, в то время как в предложении *No creo que el Valladolid jugara bien* – ‘Я не думаю, что «Вальядолид» сыграл хорошо’ говорящий проявляет несогласие с мнением другого собеседника, который сказал ему, что «Вальядолид» сыграл хорошо».

Боске указывает, что глагол, выделенный при помощи переноса отрицания, предлагает несколько грамматически верных вариантов в ситуациях общения, в которых подчёркивается какой-либо элемент предложения, такой как отрицание и/или субъектное местоимение. Таким образом, следует отметить некую нелогичность ответов на приведённый ниже вопрос:

–¿Crees que son las tres? – Yo creo que no / Yo no creo. – - Думаешь, уже три (часа)? – Я думаю, что нет / я не думаю.

Это доказывает «стилистические» особенности переноса отрицания, который, не нарушая первоначального значения, несколько изменяет семантику предложения. Правило переноса отрицания не имеет точной формулировки для авторов, которые пытались применить его к романским языкам, где существуют варианты в употреблении наклонения, которые мешают этому правилу. Некоторые исследователи утверждают, что сослагательное наклонение происходит от отрицания, но при этом не указывается, как именно наклонение связано с отрицанием [Rivero, 1977; Gross, 1976; Napoli, Nesper, 1976].

Правило не образует новый элемент; правило формируется, основываясь на точной форме, неся при этом определённую функцию. В данном случае правило переноса отрицания или указывает на последствия при перемещении элемента, который вносит особенности в семантическую интерпретацию, либо выполняет другие функции (копирование, вставка или удаление), но не вызывает появление новой категории. Поэтому очень важно чётко определить функцию переноса отрицания и выявить случаи употребления изъявительного и сослагательного наклонений [Manteca Alonso-Cortés, 1981, p. 87–109]; также неверным является суждение о том, что всякий раз отрицание «порождает» сослагательное наклонение. Например, в отрицательных предложениях глаголы с модальным значением не требуют обязательного употребления сослагательного наклонения.

Правило переноса отрицания, сформулированное Риверо, не является в полной мере правильным, поскольку оно может применяться ко всем

подчинённым предложениям без учёта особенностей грамматической формы глагола. Действительно, в примерах ниже (1–4) [Baron A. Deschauer, 2018, p. 65] глагол имеет форму как субхунтиво, так и индикативо, при этом возможен перенос отрицания.

- 1) *Parece que Pepe no viniere* – Похоже, Пепе не пришёл;
- 2) *Parece que Pepe no vino* – Похоже, Пепе не пришел;
- 3) *No parece que Pepe viniere* – Не похоже, что Пепе пришёл;
- 4) *No parece que Pepe vino* – Не похоже, что Пепе пришёл.

Предположим, что не существует двух типов конструкций для одного глагола, основанных на употреблении наклонения в придаточном предложении. Чтобы объяснить грамматическую неверность конструкции 4, Риверо прибегает к двум схемам: одна – для субхунтиво, вторая – для индикативо.

В своей гипотезе Риверо не рассматривает те предложения в современном испанском языке, в которых отрицание появляется в придаточном предложении с глаголом в форме субхунтиво, а глагол в главном предложении является глаголом ментальной деятельности, например [Cox, 2018, p. 34, 57]:

- 1) *Creo que Pedro no haya venido* – Думаю, Педро не пришёл;
- 2) *Me ha dicho que cree que no haya problema* – Он мне сказал, что думает, что нет проблем.

Обходятся вниманием и случаи, в которых субхунтиво употребляется без отрицания, например [Pareja, 2012, p. 23]:

Creo que esté ahí el libro que buscas – Я думаю, что книга, которую ты ищешь, там.

Эти факты помогают опровергнуть предположение о том, что субхунтиво в этих контекстах является способом, обусловленным предполагаемым преобразованием с переносом отрицания. Субхунтиво не является производным или основным залогом, который может вступать в чередующиеся (или оппозиционные) отношения с индикативо.

Ещё один синтаксический аргумент, который мы рассмотрим, касается прономинализации. Проанализируем предложения следующего типа [Rivero, 1971, p. 180]:

- 1) *Juan cree que María es guapa, pero no está seguro de ello* – Хуан считает Марию красивой, но не уверен в этом;
- 2) *Juan cree que María es guapa, pero no está seguro de que María sea guapa* – Хуан считает, что Мария красивая, но он не уверен, что Мария красивая;
- 3) *Juan cree que María no es guapa, pero no está seguro de ello* – Хуан считает, что Мария некрасива, но он не уверен в этом;
- 4) *Juan cree que María no es guapa, pero no está seguro de que María no sea guapa* – Хуан считает, что Мария некрасива, но он не уверен, что Мария некрасива;

5) *Juan no cree que María sea guapa, pero no está seguro de ello* – Хуан не считает Марию красивой, но не уверен в этом;

6) *Juan no cree que María sea guapa, pero no está seguro que María no sea guapa* – *Хуан не думает, что Мария красива, но он не уверен, что Мария не красива.*

Местоимение *ello* является анафорическим и выступает в конструкции в качестве антецедента (в примерах 1, 3, 5). В последнем примере местоимение *ello* заменяет целое предложение, «*que María no sea guapa*», но следует отметить, что для того, чтобы не потерять смысловую идентичность в предложениях, отрицание предшествующего предложения должно сохраниться. Это создаёт парадокс в упорядочивании преобразований прономинализации и переноса отрицания. Предположим, что перенос отрицания является циклическим правилом, как видно из следующих примеров [Chomsky, 1976, p. 320]:

1) *Creo que suele no ir al cine en domingo* – *Я думаю, что он часто не ходит в кино в воскресенье;*

2) *Creo que no suele ir al cine en domingo* – *Я думаю, что он не часто ходит в кино в воскресенье;*

3) *No creo que suele ir al cine en domingo* – *Я не думаю, что он может пойти в кино в воскресенье.*

Фразовая прономинализация также является циклическим правилом, Риверо разделяет эти два правила, сначала выделяя прономинализацию, а затем перенос отрицания. Тем не менее, эта ситуация нарушает общий принцип грамматики (строгая цикличность), согласно которому, если предложение было учтено в одном цикле, это предложение не проходит через другой цикл. Это обязательно приводит к мысли, что правило прономинализации является предциклическим или глобальным. Однако расширенная стандартная теория не допускает предциклических правил, которые возникли в версии генеративной семантики, выполняя лексическое разложение лексических частей. Другое решение – преобразовать правило прономинализации в глобальное правило. Это приводит нас к обогащению грамматики слишком мощными формальными устройствами и, следовательно, является нежелательным с теоретической точки зрения следствием.

Следует отметить также, что Риверо не уделяет внимание наклонению конструкции, которая подвергается прономинализации. Это может вызывать ряд семантических несоответствий.

В том же исследовании [Rivero, 1971, p. 200–210] Риверо приписывает различия в употреблении наклонения предположениям говорящего в зависимости от отношения говорящего к придаточному предложению: является ли информация в придаточном предложении правдой или нет. Так, изменение залога объясняется, по словам Риверо, отсутствием в первом предложении предположения по сравнению с наличием предположения – во втором. Такое можно наблюдать в предложениях типа [Rivero, 1971, p. 207]:

1) *Los corredores no creen que el belga ganara la carrera* – *Гонцики не верят, что бельгиец выиграл гонку;*

2) *Los corredores no creen que el belga ganó la carrera – Гонщики не верят, что бельгиец выиграл гонку.*

В первом случае не существует никаких домыслов или предположений со стороны говорящего относительно правдивости придаточного предложения. Говорящий показывает нейтральное отношение к информации и просто отражает мнение брокеров. Во втором случае лишь предполагается, что придаточное предложение отражает реальную ситуацию, то есть что бельгиец действительно выиграл гонку.

Другими словами, в примере 2 говорящий догадывается о том, что действие, о котором идёт речь, фактически произошло. Эта интерпретация – вариант объяснений традиционной грамматики, которая позволяет понятиями реальности / нереальности объяснить различия в употреблении наклонений. На её основе можно также сделать обобщение конструкций.

Возможны случаи, когда модальное чередование не однозначно указывает на предполагаемое действие.

1) *Yo no creo que Miguel se estrelló, como me están contando – Я не думаю, что Мигель разбился, как мне говорят;*

2) *Yo no creo que Miguel se estrellara, como me estás contando – Я не думаю, что Мигель разбился, как ты мне рассказываешь;*

3) *Supongo que Juan viene – Я думаю, что Хуан придёт;*

4) *Supongo que Juan venga – Я думаю, Хуан придёт* [Rivero, 1971, p. 210].

Такие предложения могут быть и синонимичными, когда для говорящего информация в придаточном предложении не является в полной мере истинной или ложной, (в первом случае глагол придаточного предложения употребляется в индикативе, во втором – в субхунтиво).

Следует также отметить, что в примерах, которые приводит Риверо, ни в коем случае с позиции говорящего невозможно предположение того, что «бельгийцы выиграла гонку». Говорящий только описывает отношение субъекта действия в главном предложении к правдивой информации в придаточном. В обоих случаях мы могли бы продолжить:

Los corredores no creen que el belga ganara la carrera, y yo tampoco. – Гонщики не верят, что бельгиец выиграл гонку, и я тоже. Однако это та же концепция предположения, которая не имеет пояснительной обоснованности в синтаксическом описании.

По мнению Р. Лакоффа, говорящий может думать одно, а предполагать другое; это предположение, объясняющее использование того или иного наклонения, имеет прагматичный характер [Lakoff, 1969, p. 152–154]. Дж. Морган [Morgan, 1969] указал, что прагматическое предположение с точки зрения синтаксиса не может выполнять функцию наклонения.

Л. Картунен и С. Петерс высказали более категоричное суждение о том, что существование варианта в употреблении наклонения в придаточном предложении может быть языковой ошибкой. И в этих случаях будет ошибкой перейти от наблюдения за особенностями в употреблении языковых норм говорящими к выводу о том, что эти особенности должны быть зафиксированы в грамматике [Karttunen, Peters, 1977]. Действитель-

но, противоречия, последствия, предположения среди других отношений, связанных с языком, относятся к использованию языка, а именно к тому, что называют прагматической конкуренцией [Manteca Alonso-Cortes 1981].

3. Заключение

Обзор теоретических трудов нескольких десятилетий показал с одной стороны, что концепция предположения используется нечётко; с другой стороны, эта концепция включает в себя неоднородный набор логических, семантических и прагматических явлений экстрасинтаксического характера. Само предположение означает логическую взаимосвязь между предложениями.

Использование языка принадлежит прагматической теории, а не синтаксическому описанию. В нашем случае это касается отношения противоречия и предположения, которые выражаются в ходе общения, когда говорящий чередует наклонения.

Формальные трудности переноса отрицания, а также слабость аргументов, выдвигаемых теми, кто поддерживает такую трансформацию, заставляют задуматься о её функциональности. Фактически, отрицание глагола ментальной деятельности не является полным отрицанием, так как не отрицается объективный характер предложения, а появляется дополнительная семантика – предположение той информации, которая содержится в придаточном предложении.

Перенос отрицания – это трансформация, которая с трудом может реализовываться без последствий. Дальнейшее исследование могло бы выявить прагматическую обусловленность указанной трансформации.

Независимо от этого решения, проанализированные синтаксические факты заставляют нас думать, что изменение наклонения в синтаксических структурах с глаголами, которые поддерживают предполагаемую трансформацию, не является следствием переноса отрицания, то есть перенос отрицания и субхунтиво не имеют причинно-следственной связи, и, тем более, не являются взаимопорождающими явлениями. Трудности, возникающие в связи с переносом отрицания, частично устраняются, если мы применим базовую структуру, в которой отрицание появляется в придаточном предложении с глаголом в субхунтиво.

Таким образом, ставится под сомнение продуктивность исследования отрицания в рамках генеративной грамматики, поскольку она не учитывает в должной мере прагматический характер предложения и семантику глагола. Отрицание и его влияние на употребление наклонения следует рассматривать с позиций общей семантики предложения и отдельного глагола в главном предложении.

Список литературы {References}

1. Макарова, А. И. Сравнительный анализ употребления сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках [Текст] / А. И. Макарова // Эволюция романских языков: от языка народности

- к языку нации: материалы международной научной конференции / отв. ред. И. В. Скуратов; МГОУ. – Москва: МГОУ. – 2018. – С. 118–122. {Makarova, A. I. (2018). *Sravnitelnyy analiz upotrebleniya soslagatel'nogo nakloneniya v pridatochnykh dopolnitelnykh vo frantsuzskom i ispanskom yazykakh* [Comparative analysis of using subjunctive mood in noun clauses in French and Spanish]. In I. V. Skuratov (ed.), *Evolyutsiya romanskikh yazykov ot yazyka narodnosti k yazyku natsii materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Evolution of Romance languages: From the language of the population to the language of the nation. Proc. of the International Scientific Conference] (pp. 118–122); Moscow State Regional University. Moscow: MSRU Press}.
2. Ahern, A. (2008). *El subjuntivo: contextos y efectos*. Madrid: Arco Libros, S.L.
 3. Ahern, A., Aménos-Pons, J., Guijarro-Fuentes, P. (2014). Interfaces in the interpretation of mood alternation in L2 Spanish morpho-phonology, semantics and pragmatics. *EUROSLA Yearbook*, 14, 173–200.
 4. Alarcos Llorach, E. (2002). *Gramática de la lengua española*, Madrid: Espasa Calpe.
 5. Auwera, J. (2011). On the Diachrony of Negation. In L. R. Horn (ed.), *The Expression of Negation* (pp. 73–109). Nueva York: Walter de Gruyter.
 6. Bosque, I. (1980). *Sobre la negación*. Madrid: Cátedra.
 7. Bolinger, D. (1968). Postposed Main Phrases. *Canadian Journal of Romance Linguistics*, 10, 125–197.
 8. Chomsky, N. (1976). Conditions on rules of grammar. *Linguistic Analysis*, 2, 303–351.
 9. Cornulier, B. (1973). Sur une règle de déplacement de la négation. *Le Français Moderne*, 41, 43–57.
 10. Gross, M. (1975). *Méthodes en syntaxe: régime des constructions complétives*. Paris: Hermann.
 11. Kany, C. (1969). *Sintaxis hispanoamericana*. Madrid: Editorial Gredos.
 12. Karttunen, L., Peters, S. (1977). Requiem for presupposition. *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*, 3 (3), 360–371.
 13. Klima, E. (1964). Negation in English. *The structure of language: Readings in the Philosophy of Language* (pp. 246–323). New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs.
 14. Lakoff, R. (1969). A syntactic argumentation for neg transportation. *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* (pp. 149–157). Chicago: ChLS.
 15. Manteca Alonso-Cortés, A. (1981). *Gramática del subjuntivo*. Madrid: Ediciones Cátedra, S.A.
 16. Morgan, J. L. (1969). On the treatment of presupposition in transformational grammar. *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* (pp. 167–177). Chicago: ChLS.
 17. Napoli, D. J., Nesper, M. (1976). Negatives in comparatives. *Language*, 52, 811–838.
 18. Partee, B. H. (1973). The semantics of belief sentences. In K. J. J. Hintikka, J. M. E. Moravcsik, P. Suppes (eds.), *Approaches to Natural Languages* (pp. 309–336). Dordrecht: Reidel.
 19. Potvin, C. (2004). *Estudio de la distribución del subjuntivo y del indicativo en las proposiciones subordinadas completivas en español de acuerdo con el concepto de*

- monotonicidad en el marco de la Teoría de los mundos posibles*, Memoria, Université Laval.
20. Real Academia Española (2009). *Nueva gramática de la lengua Española*. 2 tomes. T. 1. Morfología. Madrid : Espasa Libros, S.L.U.
 21. Rivero, M. L. (1977). *Estudios de gramática generativa del español*. Cátedra.
 22. Rivero, M. L. (1971). *La Negación en español. Los fundamentos de la gramática transformacional*. Mexico: Siglo Veintiuno.
 23. Rivero, M. L. (1971). Mood and presupposition in Spanish. *Foundations of language*, 7, 305–336.
 24. Rooy, R. (2003). Negative polarity items in questions: Strength as relevance. *Journal of Semantics*, 20, 239–273.
 25. Sastre Ruano, M. Á. (2004). *El subjuntivo en español*. Salamanca : Colegio de España.

Источники иллюстративного материала {Illustration material sources}

1. Caso, Á. (2003). *El peso de las sombras*. Barcelona : Planeta Pub. Corp.
2. Cox, M. (2018). *Intercambio de favores*. Madrid : Harlequin Ibérica, S.A.
3. Deschauer, B. A. (2018). *Revelación a Baron A. Deschauer*. Babelcube Inc.
4. Delgado, F. G. (1996). *La mirada del otro*. Barcelona : Planeta.
5. Fielding, L. (2008). *La prometida inadecuada*. Madrid : Harlequin Ibérica, S.A.
6. Levy, M. (2011). *La primera noche*. Barcelona : Planeta.
7. Pareja, R. (2012). *¿Por Qué Creo en lo Que Creo?* Bloomington : Palibrio.
8. Zafón, C. R. (2017). *El Juego Del Ángel*. Barcelona : Planeta.

УДК 81'36, 81'34
UDC 81'36, 81'34

Макарова Елена Николаевна
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
Elena N. Makarova
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russian Federation
makarovayn@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕСТА
В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
ADVERBIAL MODIFIERS OF PLACE AND THEIR COMMUNICATIVE
STATUS IN LANGUAGES THAT ARE NOT CLOSELY-RELATED**

Аннотация

Статья посвящена средствам выделения обстоятельств места, имеющим различный коммуникативный статус, в английском и русском языках. Описаны основные способы маркировки этих членов предложения, а именно позиция в предложении и степень акцентной выделенности. Приведены результаты экспериментов по реализации английских предложений с обстоятельствами места в их составе носителями русского языка. Выявлены и описаны ненормативные варианты, зафиксированные в чтении информантов. Представлены данные по переводу английских предложений с обстоятельствами места в финальной позиции на русский язык. Выявлены трудности их перевода, возникшие у русских информантов в ходе эксперимента. Перспективу исследования составит обращение к обстоятельствам других видов в двух изучаемых языках, а также сравнительный анализ указанных членов предложения в других языках.

Abstract

The article examines the means of adverbial modifiers' of place actualization in English and Russian. The major means of their signaling, namely their position in a sentence and the degree of their prominence, are described. Results of experiments with participation of the Russian subjects are presented. Typical mistakes registered in the English sentences with adverbial modifiers of place read by the Russian learners of English are classified. Data on sentences translation with adverbial modifiers of place in final position from English into Russian are provided. Furthermore, this paper analyzes translation difficulties that Russian learners of English experienced while performing the task. The outlook for further research will include other adverbial modifiers in the two languages as well as in other languages.

Ключевые слова: обстоятельства места, перевод, порядок слов, ударение.

Keywords: adverbial modifiers of place, translation, word order, accent.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_73_83

1. Введение

Определение коммуникативной значимости разных членов предложения и анализ способов, используемых для их маркировки, представляет сложную и важную задачу. Её решение актуально как для развития теории коммуникативного синтаксиса, так и теории интонации, поскольку основными средствами выражения коммуникативной структуры являются фразовое ударение и порядок слов. Несмотря на относительную разработанность данного лингвистического аспекта, интерес к коммуникативному статусу как главных, так и второстепенных членов предложения не ослабевает.

Особую значимость решение этой проблемы приобретает в условиях необходимости владения неродным языком. Потребность в эффективном общении в многоязычной среде способствует сопоставлению языковых средств в целях как поиска языковых универсалий, так и специфических черт, присущих тому или иному языку. Поскольку коммуникативная нагрузка членов предложения определяет его смысл, владение средствами его передачи на неродном языке представляется необходимым как для эффективной коммуникации, так и создания эквивалентного перевода. Наибольший интерес с этой точки зрения представляют неблизкородственные языки, различия в структуре которых могут служить причиной трудностей в их освоении носителями других языков. В связи с тем, что средства выражения коммуникативной организации высказывания в английском и русском языках различны, анализ распределения коммуникативной нагрузки членов предложения в английской устной и письменной речи русскоязычных информантов представляется обоснованным.

Обзор литературных источников последних лет подтверждает актуальность данной проблематики. Авторы исследуют коммуникативную нагрузку разных членов предложения на материале разных языков и текстов, принадлежащих к различным функциональным стилям. Интересны работы по изучению интонационных характеристик компонентов коммуникативного членения на материале неподготовленной речи. Так, Н. А. Коротаев проводит исследование интонационного оформления выражения значений темы и ремы на материале неподготовленного устного монологического дискурса [Коротаев, 2018]. Последние годы ознаменованы увеличением количества работ, выполненных в русле сопоставительной лингвистики. Е. В. Постникова проводит сопоставительный анализ средств выражения тема-рематического членения предложения в русском и испанском языках на материале общественно-политического текста. Автор подчёркивает не только теоретическую, но и практическую значимость сопоставительного изучения средств маркировки разных членов предложения, определяемых их коммуникативной значимостью. Особый акцент сделан на важности такого рода исследований для решения проблемы повышения качества перевода: «знание переводчиком данных средств как в языке оригинала, так и перевода, позволяет не только адекватно понимать оригинальный текст, но и правильно передавать его значения в переводном тексте» [Постникова, 2013, с. 249]. Сравнительному изучению подлежат как порядок слов, так и просодические средства маркировки компонентов коммуникативного чле-

нения. В исследовании М. Соуадкиа, выполненном на материале английского и арабского языков, сопоставляется порядок слов в простом предложении [Souadkia, 2017]. В статье Б. Андреевой рассматриваются просодические средства выражения коммуникативной структуры в болгарском и немецком языках [Andreeva, 2017].

Сопоставительный анализ функций и характеристик обстоятельств различных видов позволяет выявить их универсальные и специфические черты. Структура, значение и место обстоятельств в английском предложении рассматриваются в статье О. Э. Раджаповой [Раджапова, 2015]. Работа И. Г. Мирзаевой выполнена на материале азербайджанского и английского языков и посвящена выявлению общих и отличительных характеристик обстоятельств образа действия в английской и азербайджанской фразе [Mirzayeva, 2017]. Особенности позиций наречий в английском и албанском предложениях рассмотрены в ходе контрастивного анализа в работе М. Нухиу и С. Эюпи [Nuhiu & Ejupi, 2017]. Появляются работы, выполненные в русле лингводидактики. Работа Дж. Рутледжа и З. Фиттон направлена на обучение иностранных учащихся использованию правильной позиции в предложении английских наречий (в том числе в функции обстоятельств образа действия, времени и места) для повышения эффективности публичной речи [Rutledge, Fitton, 2015].

Несмотря на то, что «обстоятельства места и времени отличаются от всех остальных типов обстоятельств по своей роли в коммуникативной структуре предложения» [Агельярова, 2016, с. 361], их характеристики с этой точки зрения в сопоставительном аспекте остаются малоизученными.

Обстоятельства места, как правило, относятся ко всему предложению. В этой функции чаще всего выступают существительные с предлогами или наречия. В английском языке «нормой считается положение обстоятельства места в конце предложения после подлежащего и сказуемого». Но при выражении «лексического подлежащего» оно может выноситься в начало фразы [Смирницкий, 1957, с. 228]. Е. Дворакова, анализируя переводы с чешского на английский язык, подчёркивает влияние на позицию английских обстоятельств места грамматического принципа: в английской фразе устойчивый словопорядок требует инициальной позиции подлежащего. Автор считает, что позиция обстоятельств места может не соответствовать требованиям семантического словопорядка с нарастанием коммуникативной нагрузки к концу фразы. Именно поэтому обстоятельства места в английском высказывании, относящиеся в теме или «старому», в финальной позиции часто безударны. Вместе с тем, принадлежность к «новому» чаще всего обеспечивает этим членам предложения не только конечную позицию, но и наибольшую фонетическую выделенность [Dvoracova, 1964].

Е. В. Викулова, анализируя коммуникативные функции обстоятельств в научно-популярном тексте, подтверждает, что позиция обстоятельства места в английском предложении зависит от степени его коммуникативной нагрузки [Викулова, 2012, с. 512]. Примеры с инвертированным порядком слов демонстрируют возможность переноса обстоятельства места в инициальную позицию даже в языке с жестким типом

словопорядка: *John rolled down the hill* и *Down the hill rolled John* [Bailyn, 2004, с. 9]. Однако предложения такого типа с инвертированным порядком слова нетипичны для нейтральной речи.

В русском языке с относительно свободным порядком слов обстоятельства места отличает бóльшая подвижность. Эти члены предложения довольно часто занимают инициальную фразовую позицию, особенно в том случае, когда определяют содержание всего предложения. Характерно для них и место в середине фразы, что для английского языка является довольно редким. Принадлежность к коммуникативному центру служит основанием для вынесения обстоятельства места в конец фразы. Как пишет О. Б. Сиротинина, анализирующая позицию обстоятельств места как в устной, так и письменной речи, «в письменной речи... обстоятельства места в абсолютной постпозиции всегда собственно новые» [Сиротинина, 1965, с. 71]. В устной речи эти члены предложения, как правило, препозитивны, даже если относятся к «новому».

Разницу между английским и русским языками в этой области можно продемонстрировать на примере сопоставления предложений с английской конструкцией *There is / There are* и их переводов на русский язык. Обстоятельство места в английских предложениях этого типа, как правило, занимает финальную позицию:

There are five students in the room.

There are two schools in this area.

Обстоятельства места в данном случае, несмотря на конечную фразовую позицию, безударны. Соответствующие этому коммуникативному членению русские эквиваленты, где обстоятельство места выражает тему, имеют иной словопорядок:

В комнате пять студентов.

В этом районе две школы.

В случае изменения коммуникативного намерения говорящего и выделения в качестве коммуникативного центра обстоятельства места, изменится и порядок слов: *Five students are in the room. Two schools are in this area.* Как в английском, так и в русском вариантах, обстоятельство в этих случаях будет выступать в роли носителя фразового ударения.

Различия в структуре английского и русского языков позволяют предположить, что как реализация, так и перевод английских предложений с обстоятельствами места в их составе, могут составлять трудность для русских студентов, изучающих английский язык в качестве иностранного в условиях аудиторного билингвизма.

В целях изучения и выявления потенциальных трудностей такого рода, было решено провести два эксперимента.

2. Эксперименты

2.1. Материал и методика исследования

В качестве материала для экспериментов были отобраны изолированные английские предложения с конструкцией *There is/There are* с финаль-

ной позицией обстоятельства места, а также контекстно-зависимые высказывания с обстоятельством места, выступающим в роли «данного», например: *Who often comes to this restaurant? – Maria comes to this restaurant. Maria often comes here.* В последних примерах, являющихся ответом на вопрос к подлежащему, обстоятельства места, выраженные как наречиями, так и существительными, в английском варианте занимают финальную позицию и не выделяются фразовым акцентом. Для экспериментального анализа было отобрано 80 предложений, из них 30, содержащих конструкцию *There is / There are*, и 50 ответов на вопрос к подлежащему или сказуемому с обстоятельствами места, выраженными как именем существительным, так и наречием.

Участниками эксперимента стали 30 студентов первого курса неязыковых специальностей (направление «Менеджмент») со вторым уровнем знания языка по общеевропейской системе CEFR (A2). Выбор информантов с этим уровнем владения английским языком обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, подобранные для экспериментов примеры соответствуют уровню A2 и не должны были вызвать сложности в понимании у участников эксперимента. В рамках этого уровня знания английского языка учащийся способен осуществлять коммуникацию на бытовые темы в пределах ежедневных задач, а также обмениваться информацией. Изучающий английский язык может также описать отдельные аспекты своего прошлого и настоящего. Второй причиной выбора для проведения эксперимента участников с базовым уровнем владения английским языком является необходимость выявления трудностей у большей части студентов. Выпускники школ с уровнем владения английским языком A2 составляют абсолютное большинство студентов I курса, выбравших в качестве своей специальности направление «Менеджмент».

На первом этапе (эксперимент 1) информантам было предложено прочитать экспериментальные фразы. Примеры, включённые в контекст, были реализованы участниками эксперимента в форме диалога. Перед началом чтения им было дано время для ознакомления с материалом. Вопросы по его лексическому наполнению информантами задано не было.

2.2. Обсуждение результатов

2.2.1. Эксперимент 1

Анализ полученных реализаций позволяет сделать следующие выводы. Английские предложения с конструкцией *There is / There are* с финальной позицией обстоятельства места в 80% случаев были прочитаны информантами ошибочно с выделением фразовым ударением именно обстоятельства места, например:

*There are a lot of people in the **bank*** или

*There are seven mistakes in your **dictation*** (главноударное слово выделено полужирным курсивом).

По мнению лингвиста-эксперта, носителя британского варианта английского языка, привлечённого к эксперименту по восприятию 900 реали-

заций английских предложений русскими информантами, фонетическое выделение обстоятельств места в нейтральной речи является необоснованным. Подчёркивание места, где происходит действие, в рамках предложений с конструкцией *There is/There are*, по мнению эксперта, ненормативно. Принадлежность обстоятельств места к теме, подкреплённая в примерах определённым артиклем или личным местоимением, делает реализацию на них фразового ударения неуместной и неверной. Эксперт охарактеризовал эти варианты прочтения как ошибочные, указав, что они позволяют слушающему понять смысл сказанного, однако звучат странно. Причинами такого прочтения английских фраз информантами могут быть следующие. В соответствующих русских примерах с инициальной позицией обстоятельства места главным ударением будет выделен именно финальный фразовый элемент. Возможно, эта модель, наиболее частотная в нейтральной речи, и реализована русскими студентами. Они не знакомы с исключениями из правила главноударности последнего слова фразы в английском языке. Обстоятельства места находятся в списке такого рода исключений, поскольку чаще всего не получают фонетической выделенности. На результат мог повлиять и формат эксперимента. Чтение может усиливать тенденцию к реализации «классической» акцентной модели с реализацией главного ударения в финальной позиции.

Примеры, представляющие собой ответы на вопрос к подлежащему или сказуемому, были также включены в эксперимент по восприятию и оценке их лингвистом-экспертом. Анализ полученных реализаций позволяет говорить о несформированности у русских учащихся обследованной группы навыка распределения фразовых акцентов при чтении предложений с обстоятельством места в финальной позиции. Вновь подавляющее большинство информантов (85%) выделили главным фразовым ударением обстоятельство места, несмотря на то, что оно принадлежит к категории «данное» и предупомянуто в ближайшем контексте:

– *What did you do near the **library**?*

– *I live near the library.*

Пример с обстоятельством места, выраженным наречием:

– *Who works **here**?*

– *My cousins work **here**.*

Ошибочные варианты интонирования, приведённые выше, подтверждают, что русские студенты, изучающие английский язык в качестве иностранного, не владеют основами правил выбора позиции главноударного слова. Фразовый акцент на обстоятельствах места в примерах с чётким разграничением «новой» и «старой» информации, по оценке эксперта, не разрушают смысл высказывания полностью, однако могут затруднять акт коммуникации. Фонетическое выделение финального элемента в примерах, приведённых выше, уместно в случаях противопоставления библиотеки другому месту расположения, например:

– *Do you live near the **Opera House**?*

– *I live near the **library**.*

В этом случае, однако, наличие отрицания *No* в реплике-ответе эксперт назвал обязательным:

– *No, I live near the library.*

Важно отметить, что распределение ошибочных реализаций примеров с обстоятельством места, выраженным именами существительными с предлогом и наречиями, различно: бóльшую часть ненормативных вариантов (90% от количества всех ошибочных вариантов ответов на вопрос к подлежащему или сказуемому) составляют предложения, содержащие имена существительные. Объяснением этому может быть тот факт, что существительные принадлежат к классу наиболее часто акцентируемых частей речи. Наречия же, в свою очередь, достаточно редко являются носителями главного фразового ударения. Интуитивно чувствуя это, русские студенты выделяют имена существительные, занимающие сильную финальную позицию даже в тех случаях, когда контекст препятствует этому.

2.2.2. Эксперимент 2

Наряду с анализом чтения русскими учащимися исследуемых фраз, был проведен эксперимент по их переводу на русский язык. Он был направлен на выявление стратегий, используемых русскоязычными информантами, в процессе перевода. Относительная свобода порядка слов в русском языке в сравнении с английским, позволяет использовать перестановки в процессе выражения коммуникативных значений. Целью этого этапа работы также явилось определение возможных трудностей, с которыми столкнулись русские участники эксперимента при переводе. В качестве информантов выступили 20 студентов первого курса неязыковых специальностей с уровнем владения английским языком А2. Время выполнения ими задания (перевода примеров, использованных на первом этапе работы) не ограничивалось.

Первую группу переводов составили предложения с конструкцией *There is/are*. Хорошо известно, что она не переводится на русский язык, поскольку создает грамматический оборот и не имеет самостоятельного значения. Анализ полученных от информантов ответов позволяет говорить о сформированности у русских студентов навыка перевода фраз этого типа. В 90% случаев они были переведены с вынесением обстоятельства места в инициальную позицию. 10% составили ошибочные варианты, большинство из которых начинаются с русских наречий *здесь, тут или там*:

There is a piece of cheese in the fridge.

Здесь кусочек сыра в холодильнике.

There are a lot of books in the library.

Там много книг в библиотеке.

Имеется много книг в библиотеке.

There were so many people in the theatre!

Здесь было так много людей в театре!

Однако бóльшая часть предложений была переведена с обстоятельствами места в инициальной позиции, что в данном случае, соответствует норме перевода.

Для группы примеров, представленных для перевода в контексте и являющихся ответами на вопросы к подлежащему или сказуемому, были получены следующие результаты. В 30% случаев обстоятельство места получило нулевой перевод. Это является абсолютно оправданным, поскольку его прямое повторение придает фразе неестественность даже в английских вариантах, намеренно составленных для эксперимента:

- *Who plays in this room?*
- *My brother plays in this room.*
- *Кто играет в этой комнате?*
- *Мой брат.*

Или:

- *Who often comes to this restaurant?*
- *Maria often comes here.*
- *Кто часто приходит в этот ресторан?*
- *Мария.*

В оставшихся случаях английские предложения были переведены на русский язык с сохранением порядка следования элементов:

- *Who works here?*
- *Bill works here.*
- *Кто работает здесь?*
- *Билл работает здесь.*

Или:

- *What did you do in this shop?*
- *I bought some bread in this shop.*
- *Что ты делал в этом магазине?*
- *Я купил хлеб в этом магазине.*

Случаи переноса обстоятельства места в срединную или инициальную позицию единичны:

- *Я купил в этом магазине хлеб.*
- *В этом магазине я купил хлеб.*

В любом варианте перевода, в рамках данного контекста, существительное хлеб будет выделено фразовым ударением. Английский вариант не допускает вариаций словоупотребления. Русские информанты не использовали возможности перестановок при переводе английских примеров (за исключением единичных случаев) и предпочли калькирование синтаксической структуры английского экспериментального материала.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. По первому эксперименту чтение предложений с обстоятельствами места в финальной позиции демонстрирует несформированность навыка расстановки фразовых акцентов в неродном языке у русских информантов. Устойчивая тенденция к наиболее сильному фонетическому выделению финального элемента, неоправданная в рамках предложенного контекста или противоречащая правилам выбора главноударного слова в английских

фразах определённого типа (с конструкцией *There is/are*), приводит к нарушению акцентной структуры высказывания и не способствует полноценному эффективному общению на иностранном языке. Выявленная просодическая ошибка может быть связана как с незнанием русскими учащимися базовых правил интонирования неродной английской речи, так и интерферирующим влиянием родного языка. Тенденция к главноударности финального лексического элемента в родном языке может проявляться в чтении на иностранном языке, даже если фразовое ударение ошибочно реализовано не на эквивалентном лексическом элементе (*There are some apples on the table. На столе лежит несколько яблок. There are some apples on the table* (ошибочный вариант).

По второму эксперименту было выявлено, что русскоязычные информанты с уровнем владения английским языком А2 успешно справились с переводом английских предложений с обстоятельствами места в их составе на русский язык. Ненормативные варианты перевода были зафиксированы в случаях перевода английских примеров с конструкцией *There is/are*. Эти случаи, однако, составляют только 10% от всех полученных переводов и зафиксированы в листах ответов лишь отдельных информантов. Вместе с тем, нельзя не отметить ограниченное использование участниками эксперимента вариаций порядка слов с переносом обстоятельств места в срединную и инициальную позицию. Полученный в результате перевода материал представляет, в основном, калькирование синтаксического состава английского предложения.

Дальнейшее сопоставительное изучение стратегий интонационного оформления и перевода фраз, содержащих разные типы обстоятельств, представляется важным. Высокая частотность использования этих членов предложения, выраженных разными частями речи, в устных речевых произведениях, относящихся к разнообразным стилям, определяет актуальность их исследования на материале разных языков. Полученные результаты могут найти практическое применение в процессе обучения устной неродной речи, а также в преподавании практики перевода с одного языка на другой.

Список литературы

1. Агельярова, А. С. Роль обособленного обстоятельства в коммуникативной структуре текста [Текст] / А. С. Агельярова // Преподаватель XXI века. – 2016. – № 3. – Ч. 2. – С. 358–364.
2. Викулова, Е. А. Коммуникативные функции обстоятельств в английском научно-популярном тексте [Текст] / Е. А. Викулова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – Вып. 12. – С. 509–515.
3. Коротаев, Н. А. Интонационная структура устного рассказа в контексте незавершенности [Текст] / Н. А. Коротаев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – Вып. 17 (24). – М., 2018. – С. 342–355.

4. Постникова, Е. В. Особенности передачи средств коммуникативного синтаксиса при переводе общественно-политического текста [Текст] / Е. В. Постникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 98–105.
5. Раджапова, О. Э. The adverbial modifier as a part of the sentence [Text] / О. Э. Раджапова // Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф., г. Уфа, март 2015 г. – Уфа, 2015. – С. 79–81.
6. Сиротинина, О. Б. Порядок слов в русском языке [Текст] / О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 172 с.
7. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 284 с.
8. Andreeva, V. Prosodic Encoding of Phrasal Prominence and Information Structure in a Second Language: When Bulgarian and German Prosody Meet [Text] / V. Andreeva // Съпоставително езикознание. – 2017. – Vol. XLII. – P. 59–83.
9. Bailyn, J. F. Generalized Inversion [Text] / J. F. Bailyn // Natural Language & Linguistic Theory. – 2004. – Vol. 22. – Iss. 1. – P. 1–50.
10. Dvorakova, E. On the English and Czech situational adverbs in functional sentence perspective [Text] / E. Dvorakova // Brno Studies in English. – 1964. – Vol. 4. – P. 129–142.
11. Nuhiu, M. Adverbs and their Place in English and Albanian Sentences [Text] / M. Nuhiu, S. Ejupi // Proc. of ISER 89th International Conference. – Berlin, 2017. – P. 13–17.
12. Mirzayeva, I. On Distributional Features of Adverbial Modifier of Manner in Typologically Different Languages: A Case Study [Text] / I. Mirzayeva // Advances in Language and Literary Studies. – 2017. – Vol. 8, Iss. 6. – P. 126–131.
13. Rutledge, J. Teaching ESL Students Adverb Position to Develop Rhetorical Emphasis [Text] / J. Rutledge, Z. Fitton // Linguistic Portfolios. – 2015. – Vol. 4. – P. 122–129.
14. Souadkia, M. Comparative study of word-order patterns of simple sentences in English and Arabic [Text] / M. Souadkia // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 485–492.

References

1. Ageliarova, A. S. (2016). Rol' obosoblennogo obstoyatel'stva v kommunikativnoy strukture teksta [The Role of a Detached Adverbial Modifier in the Communicative Structure of the Text]. *Prepodavatel XXI veka* [Teacher of the XXI Century], 3 (2), 358–364.
2. Vikulova, E. A. (2012). Kommunikativnye funktsii obstoyatel'stv v angliyskom nauchno-populyarnom tekste [Communicative functions of adverbials in English popular science texts]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 12, 509–515.
3. Korotaev, N. (2018). Intonatsionnaya struktura ustnogo rasskaza v kontekste nezavershennosti [How Intonation Structures Spoken narratives: Non-final phase

- contexts. Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”] (Vol. 17, pp. 342–355). Moscow.
4. Postnikova, E. V. (2013). Osobennosti peredachi sredstv kommunikativnogo sintaksisa pri perevode obshchestvenno-politicheskogo teksta [Peculiarities of communicative syntax representation in the translation of a social and political text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 1 (292), 98–105.
 5. Radzhapova, O. (2015). The adverbial modifier as a part of the sentence. *Sovremennaya filologiya* [Modern Philology]: Proc. of the IV International Scientific Conference (pp. 79–81). Ufa.
 6. Sirotinina, O. (1965). *Poryadok slov v russkom yazyke* [Word Order in the Russian Language]. Saratov : Saratov University Press.
 7. Smirnitsky, A. (1957). *Sintaksis angliyskogo yazyka* [Syntax of the English language]. Moscow.
 8. Andreeva, B. (2017). Prosodic Encoding of Phrasal Prominence and Information Structure in a Second Language: When Bulgarian and German Prosody Meet. *Sopostavitelno yezikoznaie* [Contrastive Linguistics], XLII, 59–83.
 9. Bailyn, J. F. (2004). Generalized Inversion. *Natural Language & Linguistic Theory*, 22 (1), 1–50.
 10. Dvorakova, E. (1964). On the English and Czech situational adverbs in functional sentence perspective. *Brno Studies in English*, 4, 129–142.
 11. Nuhiu, M., Ejupi, S. (2017). Adverbs and their Place in English and Albanian Sentences. *Proc. of ISER 89th International Conference* (pp. 13–17). Berlin.
 12. Mirzayeva, I. (2017). On Distributional Features of Adverbial Modifier of Manner in Typologically Different Languages: A Case Study. *Advances in Language and Literary Studies*, 8 (6), 126–131.
 13. Rutledge, J., Fitton, Z. (2015). Teaching ESL Students Adverb Position to Develop Rhetorical Emphasis. *Linguistic Portfolios*, 4, 122–129.
 14. Souadkia, M. (2017). Comparative Study of Word-Order Patterns of Simple Sentences in English and Arabic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (2), 485–492.

УДК 81.42 (410); 81'27
UDC 81.42 (410); 81'27

Меграбова Эмма Грайровна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Emma G. Megrabova
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
megrabova.yeg@dvfu.ru

Пинчукова Наталья Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Natalya V. Pinchukova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
pinnat12@mail.ru

**РОЛЬ ЗАГОЛОВКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ЕВРОПЫ В
МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**
**THE IMPORTANCE OF HEADLINES IN IMAGE-BUILDING
OF EUROPE IN MASS MEDIA DISCOURSE
OF THE USA AND GREAT BRITAIN**

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты сопоставительного исследования роли заголовков в формировании языкового образа Европы в масс-медийном дискурсе США и Великобритании. Рассматриваются роль и функции заголовков на современном коммуникационно-информационном рынке; анализируются их лингвистические особенности, а также образ Европы, который они создают в СМИ США и Великобритании. В результате проведённого исследования авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, заголовки ряда крупнейших американских и британских газет и журналов направлены на формирование отрицательного образа Европы. Во-вторых, языковой образ Европы в американской прессе отличается большей яркостью и эмоциональностью по сравнению с таковым в британской прессе вследствие того, что британские журналисты используют значительно меньше лингвистических и стилистических средств по сравнению с американскими авторами.

Abstract

This article reports the results of a contrastive study of the impact that headlines have on the image-building of Europe in mass media discourse of the USA and Great Britain. The role and functions of headlines are considered in communication and information exchange; their linguistic peculiarities are analyzed in connection with the image of Europe that they create in American and British mass media. The obtained results enables to draw the following conclusions. First, the headlines of certain largest American and British newspapers and

magazines are aimed at forming the negative image of Europe. Second, the linguistic image of Europe in the American press is more vivid and emotional than that in the British one due to the fact that British journalists use much less linguistic and stylistic means than their American colleagues.

Ключевые слова: отрицательный образ Европы, функции заголовков, коммуникативно-прагматические типы заголовков, лексико-грамматические и стилистические средства, совокупность лингвистических приёмов.

Keywords: the negative image of Europe, headline functions, communicative and pragmatic types of headlines, lexical-grammatical and stylistic techniques, a complex of linguistic means.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_2_84_99

1. Введение

В современной лингвистике текста отмечается повышенный интерес к исследованию заголовков газетных статей. Немало лингвистов, среди которых Н. В. Леонова, С. В. Ляпун, Л. А. Коробова, И. В. Фоменко, Г. Г. Хазагеров, Э. А. Лазарева, посвятили свои труды роли заголовка и аспектам взаимодействия заголовка с текстом. Проблемами выразительности газетного заголовка занимались Э. Г. Ризель, И. С. Стам, Б. А. Зильберт, Л. А. Манькова, О. А. Ляпина.

Нельзя не согласиться с Т. Ван Дейком, что новости – это особый тип дискурса с точки зрения когнитивных процессов как производства журналистом, так и восприятия читателем, обладающий своей уникальной структурой, неотъемлемой частью которой является заголовок [Van Dijk, 2013, p. 52–58].

Заголовки изучаются на материале разных языков и с разных точек зрения. В частности, были рассмотрены синтаксические, семантические, коммуникативные особенности арабских и русских заголовков [Сабина 2017]; коммуникативные стратегии, структурные, лексико-семантические и стилистические приёмы создания заголовков британских газет (период 2000–2015 гг.) [Шостак, 2015]; особенности феномена метафоризации в английских газетных заголовках [Haiyan, 2013]; роль так называемых кликбейтов в привлечении внимания читающей аудитории к статье в электронных изданиях [Kuiken et al.]; разница в риторике и пресуппозиции заголовков отдельно взятых американской газеты и иранской газеты на английском языке [Bonyadi, Samuel, 2013].

Значение заголовков невозможно переоценить, поскольку именно они несут ценностные смыслы, которые формулирует адресант сообщения, поэтому неудивительно, что заголовки можно считать медиа-продуктом, спрос на который на современном информационном рынке особенно высок [Комаров 2003, с. 215]. Анализ литературных источников не только выявил непреходящий интерес к указанной лингвистической проблеме, но и необ-

ходимость её дальнейшего изучения: ведь целый ряд вопросов ещё не попадали в центр внимания исследователей и нуждаются в разработке, например то, как представлена Европа в неевропейских СМИ (США) и СМИ европейской страны, которая по некоторым параметрам дистанцируется от Евросоюза, будучи его полноправным членом (Великобритания).

Цель данной статьи – исследование роли заголовков в формировании языкового образа Европы в масс-медийном дискурсе США и Великобритании. Материалом для исследования послужили интернет-версии крупнейших (многотиражных) газет и журналов США и Великобритании за 2001–2015 годы: «Forbes», «The Washington Post», «Time», «The New York Times», «Newsweek», «USAToday», «The Guardian», «The Telegraph», «The Independent», «The Times».

2. Функции заголовков

В последние десятилетия внимание лингвистов сосредоточено на функциональном аспекте коммуникации, успех которой определяется адекватным выбором лингвистических средств, которые используются в речевом акте. В рамках функционального подхода языковые явления изучаются в их действии, первостепенное значение приобретает роль анализируемого объекта, «т. е. поведение в пределах системы, в зависимости от которой он находится» [Слюсарева, 1981, с. 4–8].

Заголовок – это начальный элемент любой газетной статьи, который играет важную роль в её структурной, функциональной и прагматической композиции. Такое его свойство, как семантическая выразительность, оказывает огромное влияние на адресата, формируя первоначальное впечатление о содержании публикации.

Типичной особенностью заголовка можно назвать сочетание двух противоположных черт: краткости и лаконичности с одной стороны, и информативной насыщенности – с другой. Схожим дуализмом характеризуется и взаимодействие заголовка с текстом статьи: подчиняя себе текст, он раскрывается в нём, и, тем самым, зависит от содержания текста самой статьи, которое накладывает ограничения на информативные возможности заголовка [Шевелева 2009, с. 88–89].

А. Н. Зеленов выделяет следующие функции заголовка как текстообразующего средства:

1) привлечение внимание читателя, а также ориентация его в материалах издания;

2) функция путеводителя, поскольку заголовок оказывается весьма информативным (в ряде случаев – информативно достаточным: читатель пытается лишь уточнить некоторые факты);

3) активизация фоновых знаний адресата;

4) обеспечение антиципации (упреждает восприятие и понимание текста);

5) пропаганда, агитация, формирование адекватного отношения читателя к предлагаемому материалу;

б) участие в создании интриги, посредством вовлечения читателя в языковую и речевую игру;

7) включение субъектов общения в виртуальный диалог, обусловленный особенностями языковой личности автора и потенциального читателя (пол, возраст, социальный статус, фоновые знания, возможные читательские предпочтения и др.) [Зеленов, 2009, с. 4].

Заголовок, в первую очередь, образно представляет главную тему статьи [Расторгуева, Чуркина, 1999, с. 194], иными словами, выражает прагматический фокус. Преследуя данную прагматическую цель, автор статьи реализует в заголовке информативность, экспрессивность и побудительность, чтобы привлечь внимание читательской аудитории к статье (см., напр., [Сорокина, 2007, с. 69]).

Помимо информативной функции, заголовок выполняет экспрессивно-оценочную функцию, поскольку он не только в сжатом виде передаёт информацию о проблематике статьи, но зачастую отражает авторскую оценку событий, о которых идёт речь в публикации. Например, после прочтения заголовка *Europe On The Rebound* (Forbes: 19.10.2009) читателю становится понятно, что статья посвящена экономическому спаду на территории Европы, из которого она постепенно выходит (лексема rebound «восстановление») – информативная функция в действии. В то же время, вопросительная форма заголовка *Is Europe On The Rebound?* (The Statistics Portal, Aug. 14, 2017) ещё и передаёт субъективную оценку – сомнения автора статьи (Esabel von Kessel) в том, что восстановление действительно происходит.

Заголовки могут также носить побудительный характер – выражать призыв к тому или иному действию и стремление автора изменить ход освещаемых событий. Заголовки *Open up, Europe! Let Migrants In.* (The Washington Post: 06.05.2015), *Europe and America must stand united* (The Times: 30.01.2003) выражают мнение авторов соответствующих статей о необходимости со стороны Европы предпринять определённые действия, которые, в свою очередь, могут повлиять на международную обстановку.

3. Коммуникативно-прагматические типы заголовков

Анализ газетных заголовков, заимствованных из американского и британского масс-медийного дискурса о Европе, позволил выделить несколько коммуникативно-прагматических типов заголовков.

1. Номинативные заголовки информируют читателя о событиях, изложенных в статье. Они лишены бесполезных, факультативных элементов, которые затрудняют восприятие текста. Их цель – дать как можно больше сведений в рамках предельно сжатой лексико-грамматической структуры. Заголовки данного типа характеризуются либо отсутствием тематической части, либо предпочтительным употреблением номинативного компонента над аксиологическим, что типично для номинативных заголовков:

The Integration Of Muslims In Europe (Forbes: 24.02.2009);

The Challenge in Europe (Newsweek: 31.12.2008);
Europe's top 20 places to invest in property (Telegraph: 23.03.2005);
Europe's Immigration Challenge (The Guardian: 24.07.2012).

Как правило, такие заголовки состоят из простых, главным образом, номинативных предложений, что обусловлено экспрессивностью и динамизмом газетного заголовка, который должен восприниматься читателем быстро и эффективно. Задача заголовков данного типа состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать его содержанием статьи и мотивировать прочитать её.

2. Информативные заголовки сообщают в развёрнутом виде основную мысль, которая остается неизменной в ходе доказательства в тексте газетной статьи. Эти заголовки обычно представляют собой синтаксические структуры, в центре которых находится глагольный предикат:

Europe Weighs Sending Congo Troops (The NYT: 01.11.2008);
Europe Misses Its Big Moment (Newsweek: 12.08.2002);
Europe opens its door to 75m Turks as price of migrant deal (The Times: 29.11.2015);

Gaddafi planned to flood Europe with migrants as final revenge (The Independent: 13.09.2011).

Принято считать, что такие заголовки более информативны по сравнению с номинативными благодаря наличию глагольного предиката, поскольку глагол обеспечивает появление большего количества второстепенных членов и более эффективное выражение функциональной перспективы предложения.

Использование этого типа заголовков довольно распространено. Они обычно используются, чтобы выразить основную тему сообщения и настроить читателя на восприятие предложенной информации. Читатель, заинтересовавшись заголовком статьи, хочет познакомиться с подробным освещением того или иного события.

Необходимо отметить, что структура информативных заголовков варьирует. Так, в качестве заголовков, выраженных повествовательными предложениями, фиксируются эллиптические предложения, которые представляют собой опущение слов, легко подразумеваемых или восстанавливаемых по контексту. Например:

U.S. and Europe Near Agreement on Private Data (The NYT: 28.06.2008).

Europe: Never too old to train (Telegraph: 15.05.2004).

Такие заголовки являются частотными; их использование выражает стремление автора к краткости изложения и выделению важнейшей лексемы в заголовке. Как правило, опущенные части предложения не влияют на изменение смысловой структуры предложения. Подобные заголовки направлены на концентрацию внимания читательской аудитории на самых значимых частях предложения. В этих случаях наиболее весомым компонентом эллиптического заголовка является само название описываемого политико-географического образования – Europe. Перераспределение информации в эллиптических заголовках неизменно привлекает внимание читателей.

3. Вопросы. В качестве заголовков статей о Европе фиксируются вопросительные предложения. Отмечая важность заголовка-вопроса, К. С. Муртада утверждает, что выступая в роли заголовков, вопросительные предложения способны в большей степени, чем другие их виды, привлекать внимание читателей к следующей за ними статье [Муртада, 2003, с. 57]. Тем не менее, это не дает основания полагать, что автор задает какой-либо конкретный вопрос, на который отвечает в последующем тексте. Н. Я. Берковский отмечает, что «неправильным было бы полагать, что повествовательным предложением мы выражаем обязательно суждение, а вопросительным – вопрос. Границы применимости оказываются весьма неочерченными и размытыми, хотя человеческая практика и выработала для каждой из логических форм наиболее свойственные выражения» [Цит. по Сорокина, 2007, с. 70].

Авторы используют вопросительную конструкцию, предшествующую основному информационному сообщению, для пробуждения интереса читательской аудитории к теме. Вследствие этого, некоторые учёные выделяют контактоустанавливающую функцию заголовка-вопросительного предложения [Малюга, 2000 ; Подагайская, 1994] и полагают, что именно маркированность формы является, как правило, достаточной гарантией для привлечения внимания читателей [Малюга, 2000, с. 18].

В ходе анализа были зафиксированы два типа заголовков-вопросов:

1) общий вопрос: *Will Europe ever Catch Up?* (Newsweek: 04.05.2009); *Is Europe Getting Cold Feet on Climate Change?* (Time: 10.12.2008); *Has Christian Democracy reached a dead end in Europe?* (The Guardian: 10.06.2010); *Is Britain even capable of constructive debate on Europe?* (The Guardian: 05.03.2015);

2) специальный вопрос: *What is New Europe?* (Newsweek: 23.06.2003); *Why Europe Can't Abandon Russian Gas* (Forbes: 23.01.2009); *Why is Europe turning its back on Ukraine?* (The Guardian: 28.10.2014); *Why Camelbert cheese may give Europe the hump* (The Independent: 26.04.2006).

Такие заголовки-вопросы создают впечатление, что автор ведёт лёгкую, непринуждённую беседу с читателем. Складывается впечатление, что журналист, предвидя вопросы читателей, включил их в заголовок. В самой статье содержатся ответы на поставленные вопросы. Заголовок в этом случае выступает в роли стимула, который побуждает читателя совершить определённое действие: прочитать статью, попытаться ответить на поставленный вопрос самому или найти ответ на вопрос в тексте статьи. В стилистическом аспекте вопрос делает политическое повествование более образным, насыщенным и живым [Шевелева, 2009, с. 90].

Необходимо отметить, что исследователи разделяют вопросительные предложения, которые используются в политическом дискурсе на следующие прогностические типы: а) вопрос-заголовок, б) вопрос, выражающий сомнение, в) вопрос, выражающий предположение, г) вопрос-ретардацию [Шейгал, 2000, с. 228]. Выделяя вопрос-заголовок в самостоятельную категориальную форму, Е. И. Шейгал делает акцент на особенностях его композиционной организации (вопрос, а не повествовательное предложе-

ние). Вместе с тем, необходимо принимать во внимание функционально-семантическую характеристику этого вопроса. Любой заголовок может передавать различные смысловые оттенки (предупреждение, угрозу, предположение, сомнение и т. д.). Например, внимательное прочтение заголовка *Will Europe ever Catch Up?* (Newsweek: May: 04.05.2009) позволяет сделать вывод, что журналист не просто задаёт общий вопрос, цель которого получить ответ на запрашиваемую информацию, а вопрос, выражающий сомнение, или даже вопрос, в котором угадывается скрытый сарказм, заключённый в лексеме *ever*.

4. Многокомпонентные заголовочные комплексы. Заголовки данного типа часто сопровождаются подзаголовками, играющими роль развёрнутых тезисов, которые получают своё дальнейшее объяснение в текстах статей. Первое предложение в таких заголовках играет роль зачина, так как в нём представлена тема, получающая своё дальнейшее развитие в тексте статьи [Солганик, 1973, с. 167]. Статья подчинена этой исходной теме и содержит её подробное обоснование. Заголовки такого типа характеризуются особой экспрессивностью и прагматической направленностью: они сохраняют естественный ход описываемых событий, при этом авторский комментарий максимально сближается с описанием. Например:

How The World SEES It: The World May Have High Hopes For the New Administration, But The EU At Least Should Look To Its Own House First (Newsweek: 15.11.2005).

The World: New World Order; Europe United Is Good, Isn't? (The New York Times: 20.02.2005).

The Trouble with Europe: Why the EU Isn't Working, How It Can Be Reformed, What Could Take Its Place (The Times: 04.05.2014).

The Big Question: Has the Italian mafia spread its tentacles throughout Europe? (The Independent: 16.08.2007).

Хотя заголовки со сложной синтаксической структурой встречаются реже всех остальных заголовков, их информативная значимость более высока. Сложные заголовочные комплексы используются не только для привлечения внимания читателей к теме «Европа», но и для первоначального ввода дополнительной информации об объекте сообщения.

Описание заголовков, проведённое в лингвопрагматическом аспекте, позволяет выявить их огромный функциональный потенциал, который проявляется в их глубине и разнообразии. Посредством заголовка автор:

а) сообщает разнообразную информацию: *Europe is Getting Warmer Faster; Report Say* (The NYT: 29.09.2008);

б) задаёт проблемный вопрос: *The World: New World Order; Europe United Is Good, Isn't It?* (The NYT: 20.02.2005);

в) призывает к чему-либо: *Let's Have More Babies!* (Forbes: 17.04.2006);

г) сравнивает: *New Europe Versus Old* (Newsweek: 31.01.2003).

Выделенные коммуникативно-прагматические функции заголовков соответствуют информативно-воздействующей характеристике – основной характеристике газетно-публицистического стиля.

Некоторые авторы [Слюсарева, 1981; Тюрина, 2003; Сорокина, 2007] рассматривают заголовки как носители ценностной информации, определяемой автором. Передавая авторскую оценку описываемых событий, заголовки приобретает высокую степень коннотативной оценки, – позитивной или негативной – формируя соответствующие стереотипные представления в сознании читателя.

Итак, газетные заголовки, фиксируемые в американском и британском медиадискурсах о Европе, подразделяются на следующие коммуникативно-прагматические типы: номинативные заголовки, информативные заголовки, вопросы (общие и специальные), многокомпонентные заголовочные комплексы. Данные заголовки выполняют разнообразные коммуникативно-прагматические функции, которые характерны для газетно-публицистического стиля. Как в СМИ США, так и в СМИ Великобритании, преобладают заголовки номинативного типа, что, возможно, связано с их лаконичностью и возможностью посредством заголовков выразить основную мысль автора публикации в сжатой форме.

4. Языковые средства формирования образа Европы в заголовках американской прессы

Рекламная и контактоустанавливающая функции заголовка усиливаются стилистическими средствами, поскольку необычными заголовками автор стремится привлечь внимание и заинтересовать читателя. Для привлечения внимания читателей к публикациям, придания яркости заголовкам американские журналисты используют различные стилистические средства: эпитеты, метафоры, аббревиатуры, разговорную лексику, фразовые глаголы, антонимы, аллюзии к известным источникам, рифмирование, повторы, иронию.

Эпитеты, фиксируемые в заголовках статей о Европе в американских СМИ, несут, главным образом, отрицательную оценку: *the sclerotic lead of Europe, An Aging Europe, Europe's Impossible Dream, dangerous heat wave, a Great Depression, endless recession, deadly flow of migrants, Central Europe's Shameful Rejection of Refugees, Why is Europe a Dirty Word?*

Метафора является одним из важных средств создания образа в медиатекстах. Будучи скрытым сравнением, метафора формирует в сознании реципиента яркий образ Европы, в основе которого лежит перенос по сходству предметов или явлений, относящихся к разным классам предметов или явлений, например:

Europe Pieces Together Terrorism Puzzle (Time: 12.05.2009). Угроза терроризма сравнивается с головоломкой, которую решает Европа.

Crouching Tigers (Forbes: 26.03.2007). Европейские страны Германия и Франция сравниваются с тиграми, прижавшимися к земле перед прыжком.

Заголовок *As Europe Hunts for Terrorists, the Hunted Press Advantages* (The New York Times: 22.03.2004) выражает озабоченность автора по поводу террористической угрозы в Европе, а в заголовке *Suddenly, Europe*

Looks Pretty Smart (The New York Times: 18.10.2008) скрыта ирония по поводу способности европейских стран изменить экономическую ситуацию на континенте.

Приток мигрантов в Европу сравнивается с волной, угрожающей европейскому единству: *The Refugee Wave Is Threatening European Unity* (Newsweek: 25.08.2015).

Экономические меры, принимаемые правительствами европейских стран, авторы публикаций называют экономическим самоубийством: *Europe's Economic Suicide* (The New York Times: 16.04.2012), а жёсткие экономические меры – безумием: *Europe's Austerity Madness* (The New York Times: 28.09.2012).

В заголовках американских СМИ используется метафора «Европа – это больной организм»: *What Ails Europe?* (The New York Times: 27.02.2012), *Europe's financial contagion* (The Washington Post: 18.07.2011).

Европа также предстаёт в образе неуспевающего ученика: *Europe's Failed Course on the Economy* (The New York Times: 17.02.2012), утопии: *Is Europe an Utopia, and will the US plunge with it?* (Forbes: 25.07.2012).

Одной из мощных внутриязыковых закономерностей, актуализированных в заголовках, является тенденция, получившая название «языковой экономии» или «закона экономии языковых усилий». Действие этой закономерности проявляется в том, что «в процессе употребления языка говорящие осуществляют отбор наиболее рациональных для целей общения языковых средств» [Волков, Сенько, 1983, с. 46]. Как отмечает Е. В. Розен, «это отвечает культурному стремлению современного общества к увеличению информативности текста за счёт его сокращения» [Цит. по: Волков, Сенько, 1983, с. 46].

В анализируемых заголовках данная закономерность находит своё выражение в использовании аббревиатур.

Fran Fraschilla covers Europe for the NBA Draft (USAToday: 25.06.2009).

How MTV Took Over Europe (Time: 09.11.2003).

Europe moves toward quotas for female CEOs (USAToday: 03.12.2012).

The GOP's 'Europe' is a land of make-believe (The Washington Post: 04.02.2012).

Лаконичность заголовков достигается также употреблением кратких, эмоциональных и стилистически окрашенных слов, тяготеющих к разговорной лексике.

Is Europe Getting Cold Feet on Climate Change? (Time: 10.12.2008).

European banks oust Americans (USAToday: 27.09.2012)

Wary of Russia, Europe now tiptoes when it comes to expansion (The Washington Post: 21.05.2015).

Наблюдается тенденция к употреблению в заголовках фразовых глаголов, например:

Will Europe ever Catch Up? (Newsweek: 04.05.2009).

How MTV Took Over Europe (Time: 09.11.2003).

Europe Turns Back to Coal, Raising Climate Fears (The New York Times: 23.04.2008).

Bush's Greenhouse Gas Plan Throws Europe Off Guard (The New York Times: 02.06.2007).

Will Europe Drag Down The World? (Forbes: 11.02.2015).

В проанализированных заголовках фиксируются слова-антонимы; их употребление мотивировано тем, что контрастные слова привлекают внимание и сообщают о проблемном характере статьи:

The Death (And Birth) Of Europe (Newsweek: 23.12.2002).

Old Europe's New Shine (Forbes: 01.11.2005).

New Europe, Old Russia (The Washington Post: 6.02.2008).

Актуализируя заголовок, авторы также апеллируют к фоновым знаниям читателей и используют для этого приём аллюзии:

Europe's Nemesis (Newsweek: 27.12.2004). Немесида (греч. миф. – богиня возмездия).

Ideas and Trends: Trash Thy Neighbor (The New York Times: 13.07.2003). Обыгрывается Библейское выражение *Thou shalt love thy neighbor as thyself*.

If Bush Didn't Exist, Europe Would have to Invent Him (Time: 11.06.2001). Обыгрывается высказывание Вольтера *If God did not exist, it would be necessary to invent him*.

Why Armageddon May Be The Best Solution For Europe? (Forbes: 07.12.2011). В данном заголовке используется библеизм *Армагеддон* – битва во время страшного суда; последняя битва между добром и злом; гибель мира.

Авторы статей прибегают к рифме:

Europe's Big Dig (Newsweek: 03.11.2008).

Clean and Green (Forbes: 25.07.2005).

What's Really Behind Europe's Decline? (Forbes: 30.05.2012).

Рифма имеет значение для семантического выделения слова, поскольку слово, опирающееся на звуковой повтор, делается особенно заметным и привлекает к себе внимание.

Авторами заголовков используются повторы:

One Europe, One State (Newsweek: 24.12.2001). Связующая функция повтора реализуется посредством объединения автором двух разрозненных объектов в одно целое при помощи повтора слова *one*.

The New, New Europe (Newsweek: 08.12.2003). Повторение слова *new* способствует большей силе высказывания, большей напряжённости повествования.

Ещё одно средство создания образа – ирония. Например, заголовок *As Europe Hunts for Terrorists, the Hunted Press Advantages* (The New York Times: 22.03.2004) выражает мнение автора о неспособности Европы эффективно бороться с терроризмом, несмотря на все прилагаемые к этому усилия. В заголовке *Suddenly, Europe Looks Pretty Smart* (The New York Times: 18.10.2008) скрыта ирония в отношении способности европейских стран изменить экономическую ситуацию на континенте. Заголовок *Angela*

Merkel, the empress of Europe (The Washington Post: 23.09.2013) предполагает, что читателю следует с иронией относиться к А. Меркель и к её роли в Европе.

5. Языковые средства формирования образа Европы в заголовках британской прессы

Для формирования образа Европы в заголовках британской прессы использование стилистических приёмов, таких как эпитеты, метафоры, эмотивно-оценочная лексика, также является важным.

Так, британские журналисты, характеризуя европейский континент, используют эпитеты с отрицательной оценкой: *undemocratic continent; increasingly angry, nationalist, contradictory continent; the continent for every type of unhappy*.

Наиболее частотным средством создания образа Европы в заголовках британских медиапубликаций является метафора. Например, авторы статей называют Европу мёртвым политическим проектом: *Europe is a dead political project* (The Guardian: 25.05.2010), Европейский Союз – обманом: *The EU is a sham* (The Guardian: 25.05.2010), а экономическую ситуацию на континенте – экономическим сумасшествием: *Europe's economic madness cannot continue* (The Guardian: 09.01.2015).

Привлекая внимание читателей к демографическим проблемам Европы, журналисты приводят цитату римского папы Франциска, назвавшего Европу бесплодной бабушкой: *Why did the pope describe Europe as an 'unfertile grandmother'?* (The Guardian: 26.11.2014).

Согласно британским СМИ, Европа – это поле битвы: *A Tory civil war is brewing, with Europe as the battlefield* (The Guardian: 09.10.2015), дом, в который Британия ранее стремилась войти: *Back when Britain was banging on Europe's door* (The Guardian: 13.10.2012), политический карлик: *Europe's a political dwarf* (The Telegraph: 28.04.2004), плавильный котёл: *Eddie Izzard: 'We need Europe to be a melting-pot. We need to melt'* (The Independent: 15.05.2006), крепость, в которую стремятся попасть беженцы: *The refugee challenge: can you break into Fortress Europe?* (The Guardian: 14.01.2014).

Для того чтобы дать оценку образу Европы, британские журналисты используют эмотивно-оценочную лексику (сленг, неформальную, разговорную лексику): *Apathy rules, but Europe's 'talking shop' now wields huge power* (The Telegraph: 24.05.2004); *Germany isn't the big bad boss of Europe* (The Guardian: 05.02.2015); *Why Camelbert cheese may give Europe the hump* (The Independent: 26.04.2006). Экспрессивность образу Европы придают идиомы: *Europe can't hold a candle to China* (The Telegraph: 08.07.2007); *The best lesson China could teach Europe: how to play the long game* (The Guardian: 23.10.2015).

В британских СМИ Европа позиционируется как регион, переживающий экономический кризис. Создание данного образа происходит посредством использования в заголовках словосочетаний: *economic crisis*

(экономический кризис), *economic troubles* (экономические трудности), *problem economy*, (проблемная экономика), лексем: *downfall* (крушение), *turmoil* (кризис). Например, *Europe in turmoil: five years of economic crisis* (The Guardian: 17.10.2014); *Which is the No 1 problem economy in Europe?* (The Guardian: 8.08.2011); *The Guardian view on Europe's economic troubles* (The Guardian: 17.10. 2014); *Europe: my part in its downfall* (The Telegraph: 15.09.2003)

В ряде заголовков Европа выступает в образе человека, решающего сложную задачу – наплыв беженцев: *The refugee challenge: can you break into Fortress Europe?* (The Guardian: 14.01 2014); *Europe's immigration challenge* (The Guardian: 24.07.2012); *The refugee crisis gives Europe the chance to evolve* (The Guardian: 25.09.2015). Для создания данного образа журналисты чаще всего обращаются к лексеме *challenge* (используется первое из двух значений данного слова: 1) 'something that is difficult and that tests someone ability or determination'; 2) 'an invitation to compete in a game or a fight' [Cambridge Dictionary]). Таким образом, создаётся представление о Европе как о человеке, который стоит перед возможностью проявить себя, продемонстрировать, на что он способен в трудной ситуации.

В заголовках публикаций британской прессы отражена тема выхода Великобритании из Евросоюза: *For Britain's sake, let's get out of Europe* (The Times: 01.10.2015); *We don't share Europe's vision. So I want out* (The Times: 09.05.2013); *Many Tories want to quit Europe, says Kilroy-Silk* (The Telegraph: 02.06.2004). Практически все заголовки дают читателям установку на негативное восприятие Европы и необходимость выхода из состава ЕС.

Ниже в Таблицах 1–2 приводится процентное соотношение языковых средств, фиксируемых в заголовках американских и британских СМИ.

Т а б л и ц а 1. Использование языковых средств в заголовках американских СМИ

Метафора	Эпитет	Эмотивно-оценочная лексика	Фразовые глаголы	Аббревиатуры	Антонимы	Аллюзии	Рифмования	Повторы	Ирония
40%	30%	14%	5%	5%	2%	1%	1%	1%	1%

Т а б л и ц а 2. Использование языковых средств в заголовках британских СМИ

Метафора	Эпитет	Эмотивно-оценочная лексика
50%	30%	20%

6. Заключение

Таким образом, проанализировав заголовки статей, в которых раскрывается образ Европы в американских и британских СМИ, мы приходим к следующим выводам. В анализируемых заголовках проявляются общие особенности публицистического стиля. Использование лексико-грамматических, стилистических средств языка в заголовке связано с прагматической функцией заголовка, которая проявляется в приспособлении лексических средств и синтаксических структур к конкретной коммуникативной цели высказывания, а также в индивидуально-авторском использовании этих средств.

К лингвистическим особенностям заголовков в американской прессе можно отнести наличие большого числа эпитетов, метафор, аббревиатур, разговорной лексики, фразовых глаголов, антонимов, аллюзий к известным источникам, рифмований, повторов, иронии.

Использование в заголовках номинативных конструкций и эллиптических предложений объясняется законом «экономии сил» и выделением основной идеи. Помимо информативной функции, в подобных заголовках реализуется рекламная функция, так как ёмкие предложения привлекают внимание читателей.

Авторы публикаций прибегают к ряду приёмов, которые в совокупности задают тон, формирующий определённое осмысление подаваемого материала. Комплексное использование разных языковых средств в заголовочных комплексах позволяет журналистам создавать собирательный образ Европы в дискурсе американских СМИ. Заголовки американских изданий направлены на формирование отрицательного образа данного региона. Европа предстаёт в образе соперника, оппонента США по ряду международных вопросов, более слабого союзника, который нуждается в покровительстве и руководстве сильной и могущественной Америки. Также у читателей формируется представление о Европе как о регионе, переживающем экономические трудности, террористическую угрозу, миграционные и демографические проблемы.

Лингвистические особенности заголовков в британской прессе заключаются в использовании эпитетов, метафор, эмотивно-оценочной лексики. Сравнительный анализ показал, что британские журналисты используют значительно меньше лексических стилистических средств по сравнению с американскими авторами: это три языковых приёма по сравнению с 10 приёмами, используемыми в американских СМИ. Вследствие этого образ Европы в американской прессе отличается большей яркостью и эмоциональностью по сравнению с тем образом, который формируется в британских СМИ. Как и заголовки в американских изданиях, заголовки в британских СМИ направлены на формирование отрицательного образа данного региона. Создаётся представление о Европе как о регионе с недостаточно развитой демократией, для которого характерны экономические проблемы, миграционный кризис, возрождение националистических идей.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 296–297.
2. Волков, С. С. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития [Текст] / С. С. Волков, Е. В. Сенько // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1983. – С. 43–58.
3. Зеленев, А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Зеленев Антон Николаевич ; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 21 с.
4. Комаров, Е. Н. О роли заголовков СМИ в формировании ценностной картины мира [Текст] / Е. Н. Комаров // Единицы языка и их функционирование : сб. ст. – Вып. 9. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 213–217.
5. Малюга, Е. Н. Особенности газетного жанра [Текст] / Е. Н. Малюга // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков : межвуз. тематич. сб. науч. тр. ; Омский гос. ун-т, фак. ин. яз. – Вып. 2. – Омск, 2000. – С. 17–19.
6. Муртада, К. С. Заголовок-вопрос на газетной полосе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муртада Карим Салим ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2003. – 200 с.
7. Подагайская, И. М. Функционально-прагматический аспект построения деловой речи на английском языке [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Подагайская Ирина Михайловна ; Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1994. – 24 с.
8. Расторгуева, Г. В. К интерпретации сенсационного газетного текста [Текст] / Г. В. Расторгуева, И. В. Чуркина // Связи языковых единиц в системе и реализации: когнитивный аспект : межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 191–197.
9. Сабина, Е. А. Коммуникативная функция газетного заголовка (на материале арабской и российской прессы) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Сабина Елена Александровна ; Российская Академия наук, ФГБУН Институт Востоковедения. – М., 2017. – 176 с.
10. Слюсарева, Н. А. Проблемы функционального синтаксиса [Текст] / Н. А. Слюсарева. – М., Наука, 1981. – 208 с.
11. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) [Текст] / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. школа, 1973. – 214 с.
12. Сорокина, О. Н. Языковая реализация образа Китая как информационной модели в средствах массовой информации США [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сорокина Ольга Николаевна ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2007. – 201 с.
13. Тюрина, Н. А. Прагматическая адаптация англоязычных газетно-публицистических текстов [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Тюрина Наталья Александровна ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 20 с.
14. Шевелева, А. И. Образ России в газетной публицистике США: лингвопрагматический аспект изучения [Текст] / А. И. Шевелева // Языковая

- репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока : монография / отв. ред. Э. Г. Меграбова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 79–98.
15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М., Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
 16. Шостак, Г. И. Коммуникативные тактики создания заголовков в британских газетах [Текст] / Г. И. Шостак // Язык и культура. – 2015. № 3 (31). – С. 71–79.
 17. Bonyadi, A. Headlines in newspaper editorials: A contrastive study [Electronic Resource] / A. Bonyadi, M. Samuel // SAGE Open – 2013. – No 3 (2). – URL: <http://sgo.sagepub.com/content/3/2/2158244013494863>.
 18. Effective headlines of newspaper articles in a digital environment [Text] / J. Kuiken, A. Schuth, M. Spitters, M. Marx. – Digital Journalism. – 2017. – No 5:10. – P. 1300–1314.
 19. Haiyan, W. A Pragmatic Study of Metaphorization in English Newspaper Headlines [Text] / W. Haiyan // World Academy of Science, Engineering and Technology International Journal of Cognitive and Language Sciences. – 2013. – Vol. 7. – No 10. – P. 2822–2825.
 20. Van Dijk, T. A. News as discourse [Text] / T. A. Van Dijk. – New York – London : Routledge, 1988. – 199 p.

References

1. Arutyunova, N. D. (1998). Metafora (Metaphor). In V. N. Yartseva (ed.), *Yazykoznanie. Bol'shoy ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary] (pp. 296–297). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Press.
2. Volkov, S. S., Senko, E. V. (1983). Neologizmy i vnutrennie stimuly yazykovogo razvitiya [Neologisms and internal language development incentives]. *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words] (pp. 43–58). Leningrad : Nauka Press.
3. Zelenov, A. N. (2009). *Frazeologizm v roli gazetnogo zagolovka* [Phraseological unit as a newspaper headline]. PhD in Philological sci. diss. ; Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University. Velikiy Novgorod.
4. Komarov, E. N. (2003). O roli zagolovkov SMI v formirovaniy tsennostnoy kartiny mira (On the role of media headlines in shaping the value picture of the world). *Edinitsy yazyka i ikh funktsionirovanie* [Units of language and their functioning] (Vol. 9, pp. 213–217). Saratov : Saratov University Press.
5. Malyuga, E. N. (2000). Osobennosti gazetnogo zhanra [Features of the newspaper genre]. *Voprosy issledovaniya i prepodavaniya inostrannykh yazykov: mezhvuzovskiy tematicheskiiy sbornik nauchnykh trudov* [Issues of research and teaching foreign languages: A collection of scientific papers] (Vol. 2, pp. 17–19) ; Omsk State University, Faculty of Foreign Languages. Omsk.
6. Murtada, K. S. (2003). *Zagolovok-vopros na gazetnoy polose* [Headline-question on the newspaper page]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh.
7. Podagayskaya, I. M. (1994). *Funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt postroeniya delovoy rechi na angliyskom yazyke* [Functional and pragmatic aspects of building

- business speech in English]. PhD in Philological sci. diss. Lomonosov Moscow State University : Moscow.
8. Rastorgueva, G. V., Churkina, I. V. (1999). K interpretatsii sensatsionnogo gazetnogo teksta [Interpreting a sensational newspaper text]. *Svyazi yazykovykh edinits v sisteme i realizatsii: kognitivnyy aspekt: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Relationship of linguistic units in the language system and its realization patterns: Cognitive aspect: A collection of scientific papers] (pp. 191–197). Tambov : Derzhavin Tambov State University Press.
 9. Sabinina, E. A. (2017). *Kommunikativnaya funktsiya gazetnogo zagolovka (na materiale arabskoy i rossiyskoy pressy)* [The communicative function of the newspaper headline (Based on Arab and Russian press)]. PhD in Philological sci. diss. Russian Academy of Sciences ; Institute for Asian Studies. Moscow.
 10. Slyusareva, N. A. (1981). *Problemy funktsional'nogo sintaksisa* [Issues of functional syntax]. Moscow : Nauka Press.
 11. Solganik, G. Y. (1973). *Sintaksicheskaya stilistika (Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe) [Syntactic stylistics (Complex syntactic unity)]*. Moscow : Vysshaya shkola Press.
 12. Sorokina, O. N. (2007). *Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya kak informatsionnoy modeli v sredstvakh massovoy informatsii SSHA* [Language implementation of the image of China as an information model in the US media]. PhD in Philological sci. diss. Far Eastern State University. Vladivostok.
 13. Tyurina, N. A. (2003). *Pragmaticheskaya adaptatsiya angloyazychnykh gazetno-publitsisticheskikh tekstov* [Pragmatic adaptation of English-language newspaper and journalistic texts]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg State University. St-Petersburg.
 14. Sheveleva, A. I. (2009). *Obraz Rossii v gazetnoy publitsistike SSHA: lingvopragmaticheskiy aspekt izucheniya* [The image of Russia in the newspaper journalism of the United States: The linguopragmatic aspect of the study]. In E. G. Megrabova (ed.), *Yazykovaya reprezentatsiya obraza Rossii v publitsisticheskom diskurse stran Zapada i Vostoka* [Linguistic representation of the image of Russia in the publicistic discourse of the countries of the West and the East] (pp. 79–98). Vladivostok : Far Eastern University Press.
 15. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd : Peremena Press.
 16. Shostak, G. I. (2015). *Kommunikativnye taktiki sozdaniya zagolovkov v britanskikh gazetakh* [Communicative tactics of creating headlines in British newspapers]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], 3 (31), 71–79.
 17. Bonyadi, A., Samuel, M. (2013). *Headlines in newspaper editorials: A contrastive study*. *SAGE Open*, 3 (2). Retrieved from <<http://sgo.sagepub.com/content/3/2/2158244013494863>>.
 18. Kuiken, J., Schuth, A., Spitters, M., Marx, M. (2017). *Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment*. *Digital Journalism*, 5 (10), 1300–1314.
 19. Haiyan, W. (2013). *A Pragmatic Study of Metaphorization in English Newspaper Headlines*. *World Academy of Science, Engineering and Technology International Journal of Cognitive and Language Sciences*, 7 (10), 2822–2825.
 20. Van Dijk, T. A. (1988). *News as discourse*. New York – London : Routledge.

УДК 811.512.212, 81'34

UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,**Процукович Елена Александровна****Амурский государственный университет****г. Благовещенск, Российская Федерация****Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova****Amur State University****Blagoveshchensk, Russian Federation**

morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru, amursea@mail.ru

**ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЭВЕНКИЙСКОМ И ОРОЧОНСКОМ ЯЗЫКАХ:
ОСНОВНОЙ ТОН*****THE PROSODY OF IMPERATIVE SENTENCES
IN EVENKI AND OROCHON: PITCH****Аннотация**

Побудительные предложения эвенкийского и ороchonского языков можно без сомнений отнести к спорным вопросам грамматики и фонетики этих языков. Разногласия касаются классификационного признака «время», нейтрального и инвертированного порядка слов и просодического оформления указанных предложений. Это единственный тип эвенкийских предложений, которые начинаются с глагола. Среди 14 глагольных форм (глаголы повелительного наклонения изменяются по двум временам с варьирующими названиями, трём лицам и двум числам; некоторые имеют включительные и исключительные формы) глаголы с суффиксами 2 лица настоящего времени характеризуются наибольшей частотностью. В настоящей статье представлены результаты исследования особенностей движения основного тона в зависимости от количества слов, слогов и порядка слов в таких предложениях. Получены следующие результаты. В эвенкийском материале в двух- и трёхсловных синтагмах отмечалось восходяще-нисходящее движение основного тона, а в однословных – и простое нисходящее и восходяще-нисходящее. В четырёхсложных словах-синтагмах превалировала деклинация, а в двух- и трёхсложных оба типа тона реализовались в почти равном количестве. Конечные синтагмы императивных конструкций предполагали только деклинацию. Порядок слов определяющего влияния не оказывал. И в эвенкийском, и в ороchonском материале каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление. Однако ороchonы использовали только деклинацию, а эвенки – ещё и инклинацию и ровный тон при ступенчатом контуре. Наконец, междикторская вариантность у эвенков проявлялась больше, чем у ороchonов, а внутрдикторская вариантность – схожим образом.

Abstract

Imperative sentences in Evenki and Orochon are undoubtedly a challenging issue of their grammar and phonetics. The aspects, on which researchers' opinions diverge, include

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

grammar tense, neutral and inverted word order and prosodic arrangement of the sentences. It is the only type of sentences with the verb in sentences-initial position. Among 14 imperative verb forms (they change in 2 tenses with varying names, 3 persons and 2 numbers; some of them have inclusive and exclusive forms), 2nd-person forms in the Present Tense are characterized by the highest frequency of occurrence. This paper reports the results of an acoustic study of pitch movement in Evenki and Orochon imperative sentences depending on the number of words, syllables and the word order. The following results were obtained. In the Evenki material, two- and three-word syntagmas were characterized mostly by rise-fall pitch pattern while one-word syntagmas could have both rise-fall and fall patterns. Four-syllable-one word syntagmas' pattern was pitch declination while two- and three-syllable-one-word syntagmas could have both rise-fall and declination patterns with similar frequency of occurrence. Phrase-final syntagmas had only declination. Word order did not produce a considerable effect on the pitch slope. Both in Evenki and Orochon, each syllable had its own pitch pattern. However, while the Orochon used only declination, the Evenki besides declination exploited inclination and level tone as a part of step-like pitch contour. Finally, the Evenki material demonstrated greater inter-speaker variability than the Orochon one while inner-speaker variability turned out quite similar.

Ключевые слова: рамочная конструкция, движение основного тона, деклинация, инклинация, ступенчатый контур, варьирование в зависимости от длины предложения, междикторская и внутрдикторская вариантность.

Keywords: frame sentences, pitch slope, declination, inclination, step-like pitch contour, sentence-length-dependent variability, inter-and-inner-speaker variability.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_100_114

1. Введение

Побудительные предложения – единственный тип эвенкийских предложений, которые начинаются с глагола – во всех других типах глагол стоит на последнем месте [Василевич, 1958, с. 759] (препозиция возможна также в вопросах, особенно со сказуемым, выраженным вопросительным глаголом [Колесникова, 1966, 181]). Морфологические особенности повелительного наклонения в исследуемом языке подробно описала в 1940 году Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 106–107] (аналогично в её более поздней работе [Василевич, 1958, с. 725–726]): имеются две формы данного наклонения – настоящего и будущего времени; вторая употребляется в главной части выражающего будущие действия сложноподчинённого предложения с придаточным времени (в придаточном – предыдущее, в главном – последующее будущие действия). Позже, в работе О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой [Константинова, Лебедева, 1953, с. 156–157], эти времена названы соответственно ближайшее будущее и отдалённое будущее; эта терминология и стала употребляться далее в ряде работ (см., напр., [Vulatova, Grenoble, 1999, p. 36]). Однако и такой терминологии придерживаются не все. В. Б. Болдырев даёт 2 формы без отнесения к какому-либо времени (судя по формулировкам – в рамках теории

модальности): первая выражает предложение совершить действие вообще, а вторая – действие после произведения другого или ряда других действий [Болдырев, 2000, с. 453–454]. В обоих временах повелительные глагольные формы спрягаются по всем трём лицам и в единственном, и во множественном числе, образуя 14 форм (учитывая включительные и исключительные формы для 1 л., мн. ч.). Морфологическими показателями побудительного характера эвенкийского предложения служат суффиксы, например, суффикс *-кал/-кэл/-кол*¹ (полный набор суффиксов данного склонения см. [Василевич, 1940, с. 107; Василевич, 1958, с. 726; Константинова, Лебедева, 1953, с. 156–157; Болдырев, 2000, с. 453–454]) в своих трёх разновидностях в зависимости от гармонирующей корневой гласной, который примыкает в качестве последнего элемента к глаголу. В связи с разновидностями суффикса, анализируя материалы Н. Н. Поппе, В. А. Горцевская [Горцевская, 1936, с. 10–11] отмечает, что это суффикс 2 лица, ед. ч., повелительного склонения, 1 формы (настоящее время); во мн. ч. суффикс принимает форму *-каллу/-кэллу/-коллу*. Более полно эти и другие аспекты повелительного склонения в эвенкийском языке представлены в одноимённой монографии М. М. Хасановой [Хасанова, 1986].

Исследования А. А. Бурыкина показали, что эвенкийские суффиксы императива *-кал / -кэл / -кол* и эвенкийский суффикс императива *-ли < -лак ~ -лэк* исторически состоят из двух компонентов, которые в разных языках имеют разный порядок следования [Бурыкин, 2000, с. 12–13].

Следует особо отметить вероятностные характеристики указанных суффиксов. Результаты исследований Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 36] показывают, что именно суффиксы 2 лица обладают наибольшей частотностью.

Синтаксические особенности побудительных предложений (= императивных конструкций) рассматривались, в частности В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, И. В. Недялковым и Е. Л. Рудницкой. Относительно некоторых аспектов здесь имеются разногласия. Так, по мнению В. Д. Колесниковой, нейтральным порядком слов в императивных конструкциях будет «глагол-сказуемое + дополнение» [Колесникова, 1966, с. 181], а с точки зрения Е. Л. Рудницкой, наоборот, «дополнение + глагол-сказуемое» [Рудницкая, 2018, с. 222]. Соответственно, разнятся и взгляды на инвертированный порядок слов, используемый при эмфазе.

Просодия побудительных предложений эвенкийского языка крайне редко попадала в центр внимания лингвистов. Можно отметить единственную работу Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль, в которой рассматривалась интонация однословных побудительных предложений, специфика которой – резкое понижение кривой основного тона (далее – ОТ), не характерное ни для утвердительных, ни для вопросительных предложений [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 5]. Более поздние пилотные акустические исследования предложений того же состава на материале селемджинского говора эвен-

¹ Г. М. Василевич отмечает этот же суффикс в негидальском языке, но только в одной форме – *-кал* [Василевич, 1958, с. 759].

кийского языка подтвердили факт понижения, однако крутизна падения уже на данном этапе исследования проявляла признаки варьирования (8–12 полутонов) [Морозова, Андросова, 2015 ; Карачева, Морозова, 2018]. Информации о том, как ведут себя просодические параметры эвенкийских побудительных предложений разной длины, в литературных источниках не представлено. Данное обстоятельство и явилось стимулом для настоящего исследования, целью которого было выявить особенности взаимодействия морфологии и синтаксиса разновидностей побудительных конструкций с интонацией, а именно – с ОТ.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Экспериментальный материал был получен от 9 эвенков и 3 орочных, бегло говорящих на своих этнических языках – представителей старшего поколения.

Эвенки: 3 мужчин (SGA-m – селемджинский говор; ANYa-m – тунгокоченский говор; VGP-m – иенгринский говор) и 6 женщин (NRP-f, YaSS-f, SGA-f – селемджинский говор; MSS-f, LFM-f – иенгринский говор; BDM-f – баргузинский говор; VAN-f – джелтулакский говор) в возрасте 54–80 лет.

Орочны: 1 мужчина (MCh-m – говор Малого Хингана) и 2 женщины (BYi-f – говор Большого Хингана; HI-f – говор Алихэ) в возрасте 54–76 лет.

Эвенкийский корпус исследования составили:

1) рамочные конструкции, начитанные 1 мужчиной и 4 женщинами (селемджинский, джелтулакский, иенгринский, баргузинский и тунгокоченский говоры) – основной материал;

2) побудительные предложения из сказки, рассказанной 1 мужчиной и 2 женщинами (джелтулакский и иенгринский говоры) – дополнительный материал;

3) побудительные предложения, сегментированные из спонтанной речи 1 женщины (иенгринский говор) – дополнительный материал.

Для эвенкийского языка были получены 9 разновидностей императивных конструкций, выделенных по грамматическому принципу:

1) «глагол-сказуемое» (с суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*);

2) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 1 л., мн. ч. *-гат* и 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + дополнение (объект)»;

3) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + обстоятельство»;

4) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + дополнение (объект) + обстоятельство»;

5) «обстоятельство + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа *-кэл* и 1 л., мн. числа *-гат*);

6) «обстоятельство образа действия + глагол-сказуемое (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-гат*) + дополнение (объект)»;

7) «дополнение (объект) + обстоятельство образа действия + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-гат*);

8) «обстоятельство образа действия + дополнение (объект) + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-gam*);

9) побудительная частица *kə²*, оформляемая отдельной синтагмой и занимающая начальное положение во фразе.

Конструкции 1–4 отличаются количеством слогов в тоногруппе. Конструкции 5–7 представляют собой вариации с порядком слов, допустимые в эвенкийском языке. Всего было получено 239 реализаций побудительных предложений.

Для ороchonского языка удалось получить только 3 разновидности побудительных предложений (конструкций):

1) «глагол-сказуемое» (с суффиксом 2 л., ед. числа);

2) «глагол-сказуемое (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа) + дополнение (объект)»;

3) «дополнение (объект) + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа), при этом дополнение выражено назывным предложением³.

К сожалению, балансировки материала достигнуть не удалось, особенно в ороchonской части, по причине трудной доступности дикторов, ограниченного времени работы с ними, а также дискомфортных и для дикторов, и для экспериментатора условий записи⁴.

2.2. Обсуждение результатов эвенкийской части эксперимента

Прежде всего, на нашем материале также, как у Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль [Vulatova, Grenoble, 1999, p. 5], подтверждается самая высокая частотность глаголов повелительного наклонения в формах 2 л., ед. ч. – 93% (69 единиц из 74). Из них почти 70% (48 единиц) приходятся на формы ед. ч., а остальные 30,4% – множественного. Кроме них, встретились только формы 1 л., мн. ч. настоящего (ближайшего будущего) времени. Форм 3 л. данного времени и форм будущего (отдалённого будущего) времени не встретилось вообще.

Первая разновидность императивных конструкций – однословные синтагмы-фразы (двух-, трёхсложные) и четырёхсложные конечные однословные синтагмы (Конструкция 1) – были всегда реализованы с присутствием declinacii (напр., *Юкэл!* 'Выйди!' на рис. 1), выраженной в той или иной степени. Крутизна declinacii значительно варьировала у 8 из 9 эвенков – от 4 до 17 полутонов; самые частотные значения реализовались

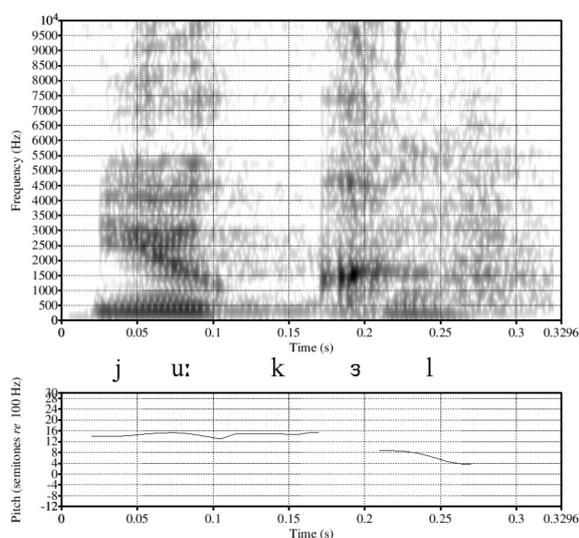
² По принятой в грамматике эвенкийского языка терминологии – фокусная или эмфатическая частица (списки этих частиц представлены в трудах Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 149–150], О. А. Константиновой [Константинова, 1964, с. 253], И. В. Недялкова [Nedjalkov, 1997, p. 285–291]). По мнению Е. Л. Рудницкой, данная фокусная частица встречается именно в речи более пожилых рассказчиков в сёлах и чаще употребляется с именами [Рудницкая, 2016, с. 123–126].

³ Изначально эта конструкция не предусматривалась программой эксперимента, на ней настоял один из носителей ороchonского языка.

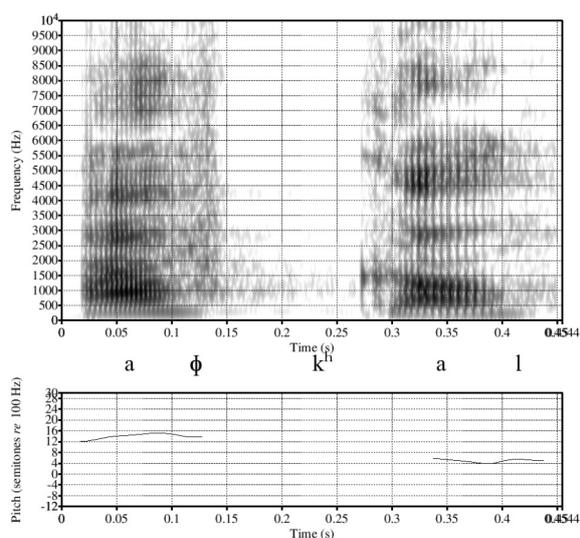
⁴ Ороchonы проживают на территории КНР; запись их речи ограничивается регламентом, установленным органами местного самоуправления, и осуществляется, в основном, в присутствии их официальных представителей.

в пределах 10–14 полутонов. Одна из дикторов была особенно эмоциональна, что проявилось не только в большой крутизне падения, но и в высоком его начале – 12–24 полутонов (см., напр., на рис. 8 *Эмэкэл!* 'Иди сюда!').

В двусложных словах-фразах были реализованы два типа движения ОТ: 1) простое нисходящее (рис. 1), 2) восходяще-нисходящее (рис. 4–5). В каждом из них встретились по две вариации. В первом типе могло быть а) падение внутри второго слога-суффикса (рис. 1); б) расположение второго слога на более низком уровне по сравнению с первым слогом при отсутствии значительных движений внутри второго слога – так называемые ступеньки (напр., *Авкэл!* 'Умойся!' на рис. 2). Отметим, что первый слог в подавляющем большинстве случаев был выше второго и внутри него заметных перепадов не обнаружено. Исключение составила одна фраза – *Девкэл!* 'Кушай!', где была реализована инклинация (рис. 3) в речи женщины – носителя говора села Иенгра. Во втором типе – восходяще-нисходящем движении ОТ – могло быть: а) повышение ОТ внутри первого слога и понижение внутри второго, например, *Йкэл!* 'Заходи!' (см. рис. 4); б) относительно ровный тон первого слога, расположенного на более низком уровне по сравнению со вторым слогом, и понижение внутри второго слога – то же слово *Йкэл!* (рис. 5).

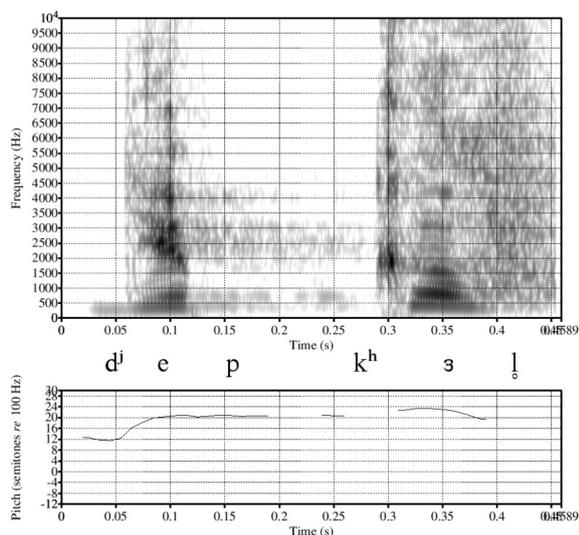
Р и с у н о к 1. Нисходящее движение тона в *Юкэл!* 'Выйди!' (LFM-f)

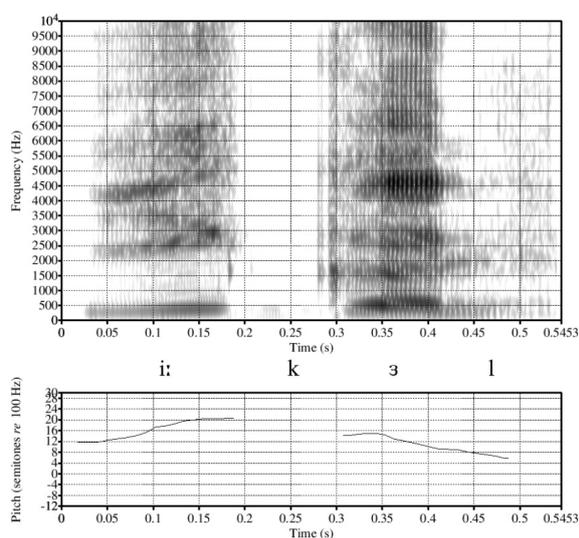
Р и с у н о к 2. Нисходящее движение тона («ступеньками») в *Авкэл!* 'Умойся!' (BDM-f)

В трёхсложных словах-фразах с одинаковой частотностью встречались простой нисходящий и восходяще-нисходящий интонационные контуры. Величина инклинации составила в среднем 5 полутонов (в диапазоне 2–8 полутонов), средняя величина деклинации – 11 полутонов (в диапазоне 4–24). Минимальная деклинация зафиксирована в речи двух мужчин-эвенков, а максимальная – в эмоциональной речи MSS-f. Именно у этой женщины, помимо указанного контура, мог быть реализован нисходящий с высоким нача-

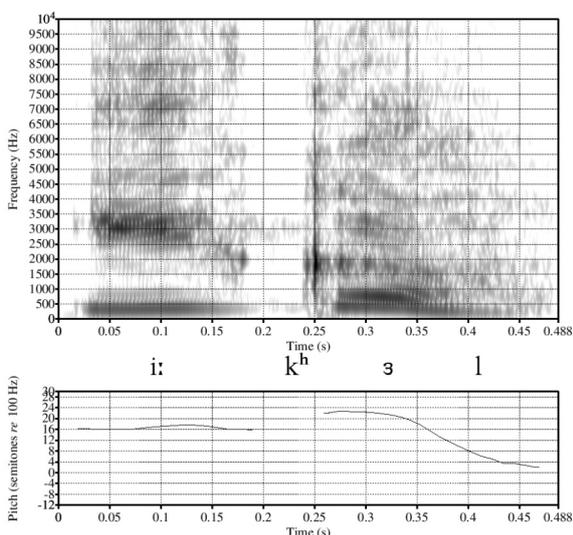
лом (деклинация в 16 полутонов). Независимо от вариации контура, падение всегда приходилось на суффикс повелительного наклонения. На рисунке 6 приведён пример простой деклинации (деклинация у разных дикторов была реализована достаточно однообразно) – *Эмэкэл!* 'Иди сюда!'

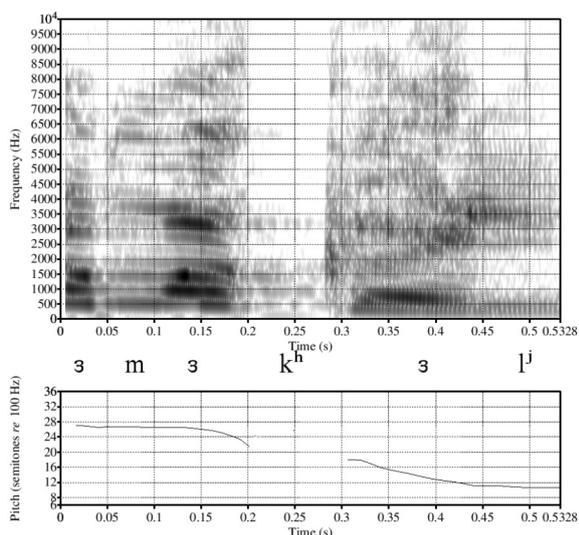
Р и с у н о к 3. Восходящее движение тона в *Девкэл!* 'Кушай!' (LFM-f)

Р и с у н о к 4. Восходяще-нисходящее движение тона в *Йкэл!* 'Заходи!' (VAN-f)

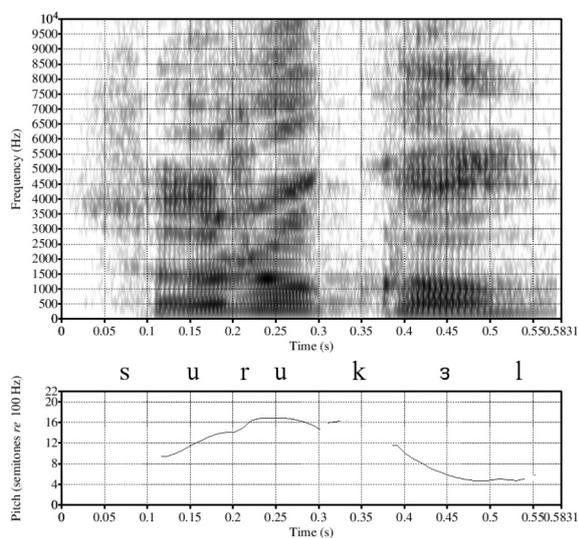
Р и с у н о к 5. Восходяще-нисходящее движение тона в *Йкэл!* 'Заходи!' (LFM-f)

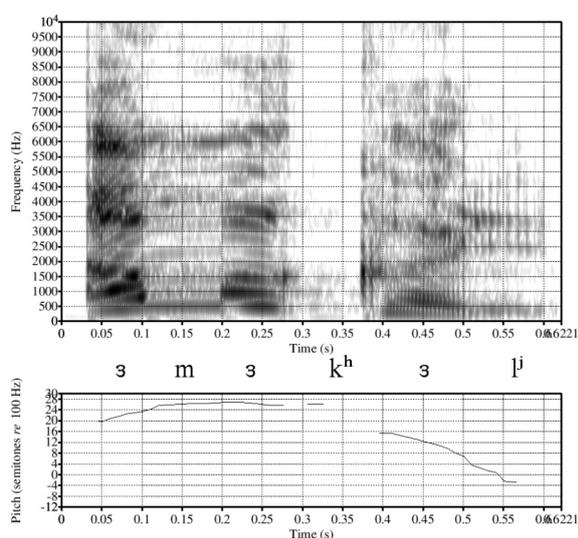
Р и с у н о к 6. Простая деклинация в *Эмэкэл!* 'Иди сюда!' (MSS-f)

На рисунках 7–8 даны примеры восходяще-нисходящего тона, демонстрирующие две его вариации: *Сурукэл!* 'Уходи!' с ярко выраженной инклинацией на первых двух слогах с относительно низким началом и с

ярко выраженной деклинацией (рис. 7); *Эмэкэл!* 'Иди сюда!' (рис. 8) с заметно менее выраженной инклинацией с очень высоким началом и ещё более выраженной деклинацией (по сравнению с предыдущим случаем) как следствие высокой эмоциональности. Также отметим, что в каждом конкретном случае значение инклинации было меньше деклинации.

Р и с у н о к 7. Восходяще-нисходящий тон в Сурукэл! 'Уходи!' (BDM-f)

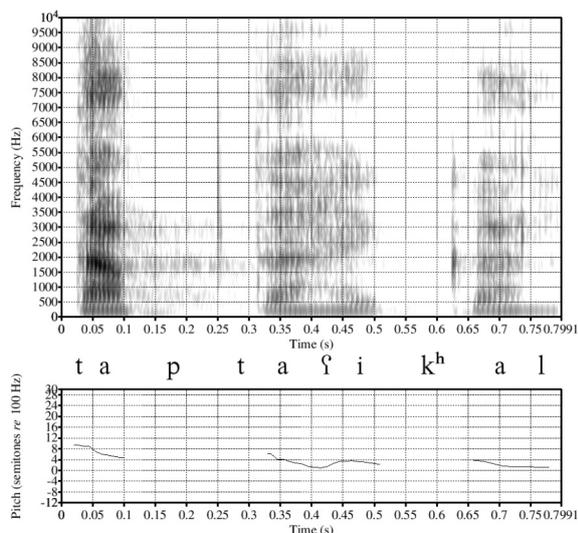

Р и с у н о к 8. Восходяще-нисходящий тон в Эмэкэл! 'Иди сюда!' (MSS-f)

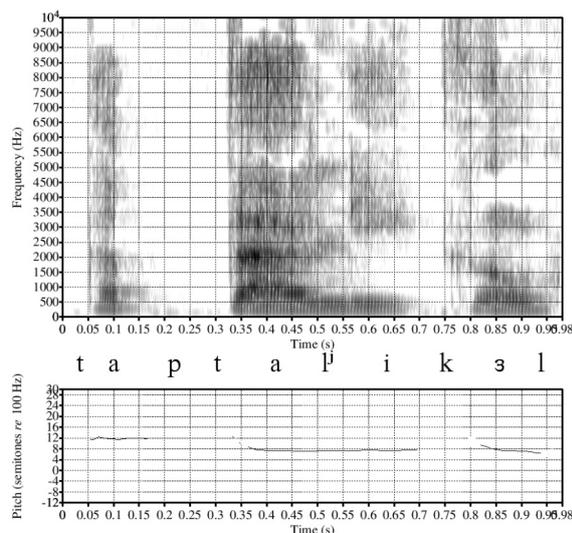
Завершим обзор однословных синтагм четырёхсложными словами (напр., <...>, *тапталикал!* '<...>, хлопни в ладоши!'). Такие синтагмы были только конечными в рамочных конструкциях и оформлялись только деклинацией. Первый слог всегда находился выше последующих. Зафиксировано две разновидности данного мелодического контура: а) деклинация с падением на практически каждом слоге (рис. 9) и б) более высокое положение первого слога, понижение уровня второго и реализация оставшихся двух слогов на этом уровне (рис. 10), при этом внутри слога заметного движения ОТ нет – так называемая деклинация ступенями.

В т о р а я р а з н о в и д н о с т ь – двусловные фразы и синтагмы (не менее трёх слогов в целом) с двумя вариациями – с глаголом в препозиции (Конструкции 2–3) и глаголом в постпозиции (Конструкция 5), а также трёхсловные фразы и синтагмы с тремя вариациями – с глаголом в препозиции (Конструкция 4), глаголом в середине (Конструкция 6) и глаголом в постпозиции (Конструкции 7–8). В конструкциях с глаголом в препозиции, независимо от количества слов, в абсолютном большинстве случаев наблюдалось восходяще-нисходящее движение ОТ (кроме одного примера у диктора-мужчины VGP-m, у которого была реализована деклинация). Примеров с глаголом в постпозиции было мало, но и в них, несмотря на другой порядок слов, движение ОТ было аналогичным, если это была односинтагменная фраза типа *Хэгды бэе бкэл* 'Большим человеком стань'. Однако если

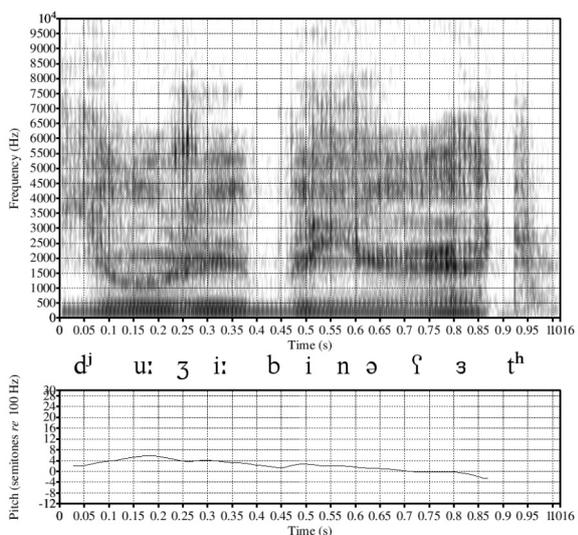
это была конечная синтагма более крупной фразы, например, *Эмэкэл минтэкэ д̄юрй б̄йнегат* 'Заходи ко мне, вдвоём будем жить' (рис. 11), то наблюдалась только деклинация. Трёхсловные конструкции с глаголом в середине (напр., *Нэнэкс̄я дяваг̄ят гидалав̄а!* 'Пойдём, поймаем стрекозу!'), при сходном общем восходяще-нисходящем движении, несколько отличались от первых двух вариаций порядка слов: два слова были реализованы с инклинацией на каждом, а третье – с деклинацией, при этом первые два слова находились примерно на одном уровне (рис. 12).

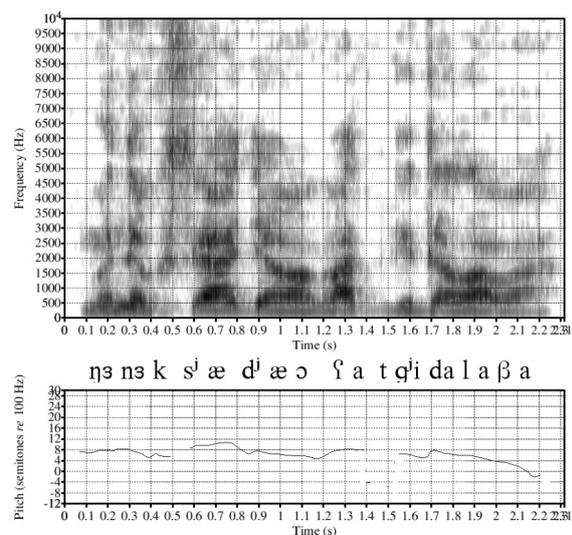
Р и с у н о к 9. Падение на каждом слове в *таптахикал!* 'хлопни в ладоши!' (YaSS-f)

Р и с у н о к 10. Деклинация ступенями в *тапталикал!* 'хлопни в ладоши!' (NRP-f)

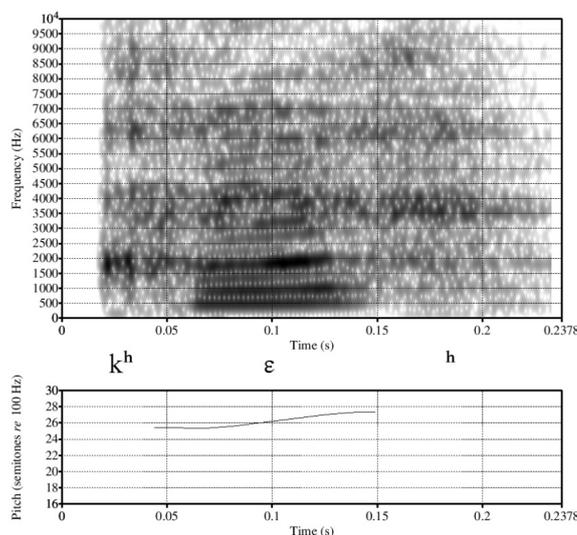

Р и с у н о к 11. Нисходящее движение в *д̄юрй б̄йнегат* 'вдвоём будем жить' (VGP-m)

Р и с у н о к 12. *Нэнэкс̄я дяваг̄ят гидалав̄а!* 'Пойдём, поймаем стрекозу!' (SGA-m)

Иллюстрация последней конструкции 9 – побудительной частицы *Кэ!* 'Ну-ка! / Давай!', интонационно оформленной отдельной синтагмой (после неё имеется пауза) с инклинацией, – представлена на рисунке 13. Здесь никаких отклонений от данных по реализации мелодики, полученных ранее Л. М. Захаровым и О. А. Казакевич [Захаров, Казакевич, 2007], не отмечено.

Р и с у н о к 13. Повышение тона при реализации повелительной частицы *Кэ!* 'Ну-ка! / Давай!' (MSS-f)

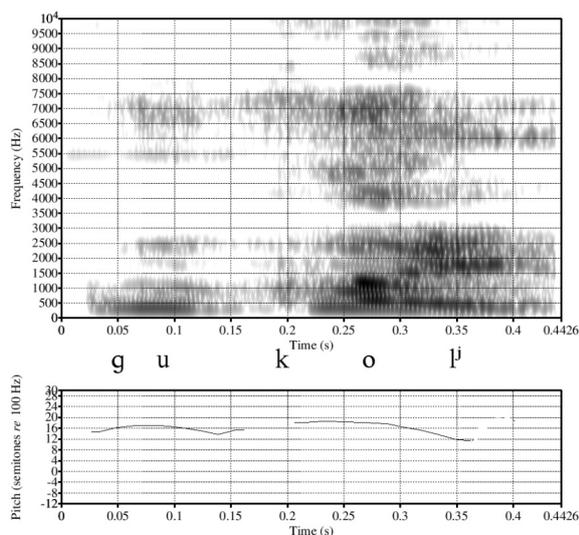
Следует особо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве реализаций конструкций каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление либо деклинацией, либо ровным тоном (при ступенчатом контуре), либо инклинацией.

2.3. Обсуждение результатов ороchonской части эксперимента

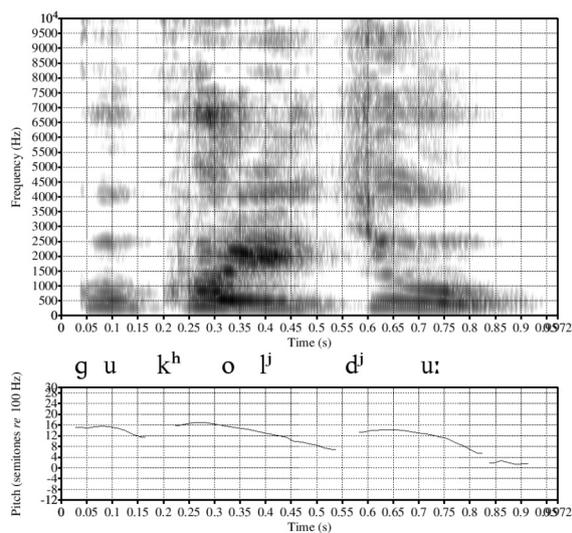
Перейдём к рассмотрению трёх конструкций у ороchonов. При схожей общей с эвенками тенденции к обязательному наличию деклинации, отмечались отличия. Для конструкции 1 – *Гукэл!*⁵ 'Скажи!' – первый слог всегда располагался ниже второго (суффикса 2 л., ед. ч), и на каждом из двух слогов была реализована самостоятельная деклинация, но на втором слоге она была заметно глубже (рис. 14). Для конструкции 2 – *Гукэл дю!* 'Скажи дом!' – все ороchonы стабильно реализовали общую деклинацию с деклинацией на каждом слоге. Однако здесь была отмечена междикторская вариантность. У дикторов-женщин самым высоким слогом был второй, а у диктора-мужчины – первый (рис. 15–16).

⁵ В отличие от эвенкийского языка на территории РФ, ороchonский язык на территории Китая является бесписьменным. Для отражения его звучания в КНР приняты разные способы транскрибирования, в том числе знаки международного фонетического алфавита. В данной статье для тех же целей, а также чтобы провести чёткую аналогию с близкородственным эвенкийским, мы использовали упрощённую транскрипцию на кириллице.

При анализе первых двух конструкций становится совершенно очевидно, что, как и у амурских эвенков, у ороченов каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление, но в подавляющем большинстве случаев – деклинацию. Особенно ярко это выражено в двух- и трёх-сложных конструкциях. Иногда первый слог в трёхсложных конструкциях был реализован ровным тоном. В отличие от амурских эвенков, орочены редко задействовали ровный тон и никогда не использовали инклинацию на отдельном слоге.

Р и с у н о к 14. Деклинация на каждом слоге в Гукэл!
'Скажи!' (BYi-f)

Р и с у н о к 15. Деклинация на каждом слоге в Гукэл дё!
'Скажи дом!' (BYi-f)

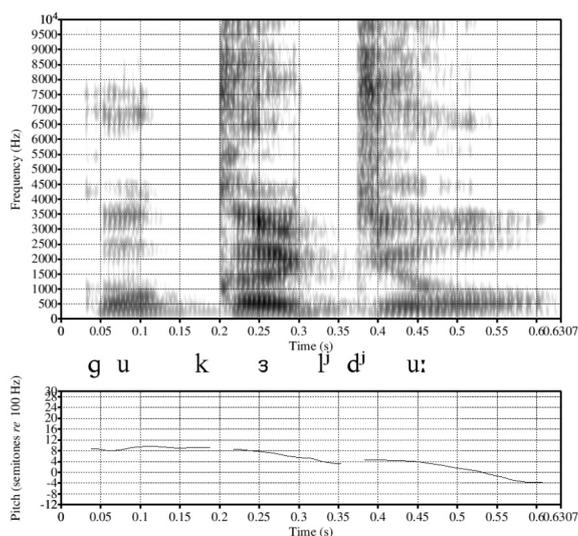
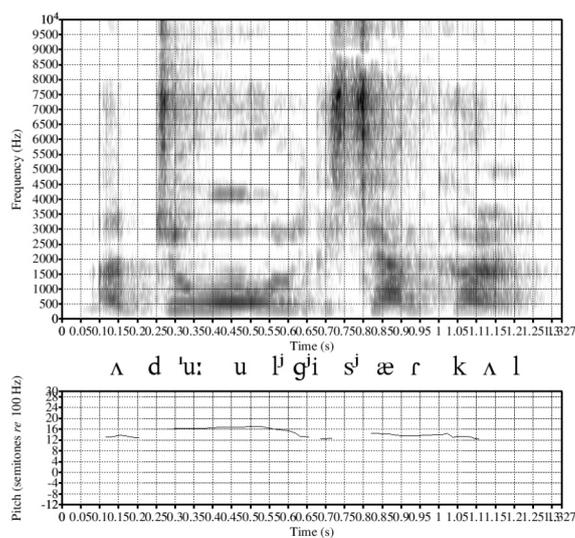

Рисунок 16. Нисходящий тон в Гукэл дё!
'Скажи дом!' (MCh-m)

Конструкция 3 – Эр дё, улгучанкал! 'Это дом – скажи!' – встретила только у одной женщины, которая настойчиво ставила дополнение, выраженное назывным предложением, на первое место. Первый слог расположен на 3–4 полутона ниже остальных, которые реализованы с плавной деклинацией в небольшом диапазоне в 4–5 полутонов (рис. 17). В этой трёхсловной конструкции, состоящей из шести слогов, эффект самостоятельного мелодического оформления каждого слога тоже присутствует, но несколько сглажен.

Р и с у н о к 17. Восходяще-нисходящее движение тона в Эр дё, улгучанкал! 'Это дом – скажи!' (Н1-f)

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, на реализацию интонационного контура эвенкийских императивных конструкций оказывали влияние факторы количества слов в синтагме и количества слогов в однословной синтагме. Наличие двух и более слов в составе синтагмы определяло явный приоритет восходяще-нисходящего движения основного тона, в то время как при однословных конструкциях имели место и простой нисходящий тон (деклинация), и восходяще-нисходящее движение (инклинация + деклинация). Фактор количества слогов проявлял себя в том, что в четырёхсложных словах-синтагмах превалировала деклинация, а в двух- и трёхсложных оба типа тона реализовались в почти равном количестве. Однако очень вероятно, что более важную роль здесь играл порядок следования синтагм во фразе: конечные синтагмы императивных конструкций (в нашем материале – четырёхсложные однословные) предполагали только деклинацию. Наконец, некоторую роль играл порядок слов в трёхсловных конструкциях: расположение глагола-сказуемого в середине обуславливало самостоятельные инклинации на первых двух слогах и деклинацию на последнем. В целом, в подавляющем большинстве случаев каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление.

Во-вторых отмечалась заметная междикторская вариантность по уровню и диапазону изменения основного тона и в некоторых случаях – по предпочтению того или иного мелодического контура. Внутридикторская вариантность проявлялась прежде всего в характере контура (деклинация, восходяще-нисходящий или ровный тон) и особенно в реализации ступенями или в мелодическом движении вниз или вверх на каждом слоге, но не в крутизне деклинации или инклинации и не в диапазоне.

В-третьих, наблюдались общие и отличные тенденции в реализации эвенкийских и ороchonских императивных конструкций. Самой яркой общей чертой было то, что каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление. Однако отличие состояло в том, что, на нашем материале, орочоны никогда не прибегали к инклинации. Общий мелодический контур эвенкийских конструкций был более разнообразным по сравнению с ороchonскими, в которых присутствовала только деклинация. Что касается междикторской и внутридикторской вариантности, то она у орочонов, на нашем материале, проявлялась в меньшей степени, чем у эвенков.

Учитывая несоразмерность эвенкийского и ороchonского материала и количества дикторов, сделать окончательные сравнительно-сопоставительные выводы не представляется возможным. Балансировка материала составит перспективу настоящего исследования, однако, как уже было сказано, сбор ороchonского материала будет весьма непростой задачей.

Список литературы

1. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Изд-во СЛ РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 2 : Р–Я. – 484 с.
2. Бурыкин, А. А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях [Текст] / А. А. Бурыкин // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. – М., 2000. – С. 2–16.
3. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Госучпедгиз, 1940. – 196 с.
4. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
5. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
6. Захаров, Л. М. Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской, и эвенкийской речи) [Электронный ресурс]: доклад / Л. М. Захаров, О. А. Казакевич // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». – URL : <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharovl.pdf> (дата обращения : 18.12.2018).
7. Карачева, О. Б. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках / О. Б. Карачева, О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 3. – С. 39–58.

8. Колесникова, В. Д. Синтаксис эвенкийского языка [Текст] / В. Д. Колесникова. – М. – Л. : Наука, 1966. – 246 с.
9. Константинова, О. А. Эвенкийский язык [Текст]: учеб. пособие [Текст] / О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. – М.-Л. : Госучпедгиз, 1953. – 332 с.
10. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 274 с.
11. Морозова, О. Н. Интонационные модели эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 55–70.
12. Рудницкая, Е. Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных единиц [Текст] / Е. Л. Рудницкая // Родной язык. – 2016. – № 2 (5). – С. 113–142.
13. Рудницкая, Е. Л. Порядок слов (глагол и прямой объект) в устных рассказах на эвенкийском языке [Текст] / Е. Л. Рудницкая // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 219–234.
14. Хасанова, М. М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке [Текст] / М. М. Хасанова ; Акад. наук СССР, Дальневосточ. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 104 с.
15. Bulatova, N. Evenki [Text] / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World: Materials 141. – Lincom Europa, 1999. – 64 p.
16. Nedjalkov, I. Evenki. (Routledge Descriptive Grammars) [Text] I. Nedjalkov. – London / New York : Routledge, 1997.

References

1. Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Part 2 : R–Ya. Novosibirsk : SL RAN, «Geo» Press.
2. Burykin, A. A. (2000). О месте tunguso-man'chzhurskikh yazykov v altaisticheskikh issledovaniyakh [The place of Tungus-Manchu languages in Altaic studies]. *Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya* [Problems of studying remote language affinity of the 3d millenium]. Reports and authors' abstracts of the International Conference (pp. 2–16). Moscow .
3. Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The outline of the Evenki (Tungus) Grammar]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
4. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : Foreign and National Dictionaries Press.
5. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [The outline of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
6. Zakharov, L. M., Kazakevich, O. A. Intonatsiya dialoga (na materiale audiozapisey ketskoy, sel'kupskoy, i evenkiyskoy rechi) [Intonation of dialog (On the material of audiorecordings of Ket, Selkup and Evenki speech)]. *Proc. of the International Conference in Computational Linguistics and IT "Dialog – 2007"*. Retrieved December 18, 2018 from <<http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharovl.pdf>>.

7. Karacheva, O. B., Morozova, O. N. (2018). Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of statements in Russian and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 39–58.
8. Kolesnikova, V. D. (1966). *Sintaksis evenkiyskogo yazyka* [Evenki syntax]. Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
9. Konstantinova, O. A., Lebedeva, E. P. (1953). *Evenkiyskiy yazyk* [The Evenki Language] : A coursebook. Moscow – Leningrad : Gosuchpedgiz Press.
10. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
11. Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2015). Intonatsionnye modeli evenkiyskogo yazyka [Models of intonation in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 55–70.
12. Rudnitskaya, E. L. (2016). Osobennosti upotrebleniya grammaticheskikh sredstv v evenkiyskom yazyke v ustnykh rasskazakh 2005–2011 gg. na primere fokusnykh edinits [Distinctive features of the use of Evenki grammatical devices, particularly focus particles]. *Rodnoy Yazyk* [Mother Tongue], 2 (5), 113–142.
13. Rudnitskaya, E. L. (2018). Poryadok slov (glagol i pryamoy obyekt) v ustnykh rasskazakh na evenkiyskov yazyke [Word order (verb and direct object) in oral stories in Evenki]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 219–234.
14. Khasanova, M. M. (1986). *Povelitel'noe naklonenie v evenkiyskom yazyke* [The imperative mood in Evenki]. Leningrad : Nauka Press.
15. Bulatova, N. Grenoble, L. (1999). Evenki. *Languages of the World: Materials 141*. Lincom Europa.
16. Nedjalkov, I. (1997). *Evenki*. (Routledge Descriptive Grammars). London / New York : Routledge.

УДК 811.11-112: 81-112.2
UDC 811.11-112: 81-112.2

Мухин Сергей Владимирович, Ефремова Дарья Андреевна
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России
г. Москва, Российская Федерация
Sergey V. Mukhin, Darya A. Efremova
MGIMO University
Moscow, Russian Federation
s.muhin@inno.mgimo.ru, EfremovaDarya@yandex.ru

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
КОНТЕКСТНО-ВАРИАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «МОРЕСТРАННИК»
LINGUOSTYLISTIC MEANS OF CONTEXTUAL SEGMENTATION
OF THE OLD ENGLISH POEM THE SEAFARER**

Аннотация

Статья посвящена анализу использования лингвостилистических средств контекстно-вариативного членения текста древнеанглийской элегии «Морестранник». Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что композиционно-речевые формы поэмы – повествование с элементами описания, рассуждение и имплицитный диалог – являются ключевым средством передачи основной идеи автора. Особое внимание уделено функционированию основных лексико-грамматических маркеров смены композиционно-речевых форм: личных местоимений 1-го и 3-го лица, личных глагольных форм, а также коннотативно неоднородной лексики. В повествовании отмечено широкое употребление местоимённых и глагольных форм 1-го лица единственного числа и преобладание лексики с отрицательной эмотивностью. В рассуждении выявлено доминирование форм 3-го лица и баланс лексики с отрицательной и положительной коннотацией. В имплицитном диалоге отмечена ключевая роль местоимённых форм 1-го лица множественного числа и использование лексико-грамматических средств выражения модальности с побудительным значением. Делается заключение о трехчастной композиции произведения, выстраиваемой разнообразными языковыми средствами на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях.

Abstract

The article is concerned with the analysis of the linguostylistic means used to effect contextual segmentation of the Old English elegy *The Seafarer*. It is hypothesized that discourse types of the poem including narration with some elements of description, reasoning and implicit dialogue are the key means to convey the author's main idea. The focus of the study is on the use of the principal lexical and grammatical markers indicating the change of discourse types: personal pronouns of the 1st and 3rd person, finite verb forms and connotationally diversified vocabulary. In the narrative part, the emphasis is made on the extensive use of pronominal and verb forms of the 1st person singular as well as on the prevalence of emotive lexical units with negative meaning. Reasoning was discovered to be

characterized by the domination of the 3rd person forms and balanced use of lexical units with negative and positive semantics. Implicit dialogue was found to be notably rich in pronominal forms of the 1st person plural and causative modality expressed by lexical and grammatical means. We conclude that the poem under study features a triform composition built by various linguistic means on the grammatical, lexical and stylistic levels.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, элегия, композиционно-речевые формы, повествование, рассуждение, имплицитный диалог.

Keywords: Old English poetry, elegy, discourse types, narration, reasoning, implicit dialogue.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_115_127

1. Введение

Древнеанглийская поэма «Морестранник» [The Seafarer], созданная неизвестным автором не позднее X в., является одним из самых известных и, в то же время, неоднозначно трактуемых произведений англосаксонской поэзии. Неоспоримой является роль поэмы в создании будущей медитативной лирики и поэзии дидактической направленности [Древнеанглийская ..., 1982, с. 282]. «Морестранник» традиционно считается элегией, которая понимается как жанр лирики, характеризующийся небольшим объемом, свободной композицией, преобладанием рассуждения (от 1 л. ед. ч.) и описания идеального пейзажа как композиционно-речевых форм, а также преимущественно грустной тональностью [ЛЭС, 1987, с. 508 ; ЛиЯ, 2006, с. 962 ; Эйгес, 1925, с. 1111–1112]. Тем не менее, поэма «Морестранник» обнаруживает не все из перечисленных выше характеристик. Например, в научной литературе отмечается явная выраженность внутреннего членения «Морестранника» [Sobecki, 2008, с. 127] и его тоновая неоднородность [Greenfield, 1989, с. 104]. Очевидно также объемное (124 стихотворных строки) несоответствие поэмы жанровым требованиям. Представляется, что подобные отклонения от жанрового канона продиктованы необходимостью реализации авторского замысла, а также дидактической направленностью текста. Анализ древних элегий ставит ряд языковых проблем, при этом главное внимание исследователей обращается, как правило, на выяснение соотношения между традиционным в древнегерманской поэзии языческим элементом и новым для древнегерманских народов христианским мировоззрением.

Основанный на композиционном контрасте, сюжет произведения передаёт внутренние противоречия лирического героя. Собственный жизненный опыт морестранника, долго скитавшегося по морским просторам, подводит его к размышлениям о превратности судьбы и отсутствии надежного фундамента человеческого существования в бренном мире. Итогом философских раздумий служит вывод о необходимости упования на Бога, который становится светом, выводящим лирического героя из тьмы безыс-

ходности. Для элегии «Морестранник» характерны неожиданная смена тона повествования и резкие переходы от отчаяния к надежде и воодушевлению. В этой связи, произведение получило множество различных толкований, которые нашли своё отражение в переводах «Морестранника» на современный английский и другие языки. С момента первого такого перевода, сделанного в 1842 г., и до начала XXI в. поэма была переведена десятки раз, при этом ни одно осмысление нельзя признать предпочтительным. Повышенный интерес к данному произведению и многие связанные с ним вопросы, на которые так и не найдено однозначных ответов, определяют актуальность настоящего исследования.

Переводчики и критики видели в «Морестраннике» немотивированное сочетание элементов элегии и дидактики, воспевание опасной, но притягательной морской стихии, закладывающее литературные традиции романтизма, философский диалог между разочаровавшимся в жизни моряком на склоне лет и молодым человеком, которого манят дальние морские странствия [Moogman, 2018, с. 30], и так далее. Широкое распространение получила трактовка поэмы как аллегорически изложенной христианской идеи о пути, который совершает человек, переходя от обыденного жизненного опыта, ассоциируемого в данном случае с традиционной этикой и стилистикой древнегерманской эпической поэзии, к высокому, духовному пониманию существования, что выражено в нравоучительной концовке произведения. Однако самими интерпретаторами зачастую признается неадекватность толкований этой элегии [Greenfield, 1989, с. 154]. Отмечается, что одна из наиболее сложных проблем интерпретации «Морестранника» заключается в общей непродуктивности попыток найти последовательность мысли в рамках всего произведения. Отдельные предложения вне широкого контекста трактуются достаточно чётко, однако в качестве элементов автобиографического нарратива поэмы они не создают системности [Orton, 1991, с. 37].

2. Исследовательская часть

Представляется, что ключевой для адекватного толкования элегии является композиционная организация текста и, прежде всего, категория контекстно-вариативного членения. Как отмечает И. Р. Гальперин, данная категория определяется, в основном, прагматической установкой текста [Гальперин, 2009, с. 50–51], поэтому мы полагаем, что анализ композиционно-речевых форм поэмы, их смены позволит лучше понять и интерпретировать замысел автора, а также объяснить тоновую неоднородность произведения. Данная идея выступает как рабочая гипотеза настоящего исследования, в ходе которого ставится цель доказать, что «Морестранник» состоит из трех значимых частей в зависимости от форм речетворческих актов, которые в нём реализуются: описания с элементами повествования, рассуждения и имплицитного диалога. Выделение перечисленных частей видится возможным на основе анализа лингвостилистических средств лексического и грамматического характера. К первым относятся прежде всего

эпитеты, а также эмотивная лексика в целом. К грамматическим средствам следует, в первую очередь, отнести употребление местоимений и личных глагольных форм. В таком ракурсе элегия «Морестранник» ранее не рассматривалась, что определило новизну настоящего исследования.

Итак, первая значимая часть поэмы (1–38 строки) – описание с элементами повествования – в «Морестраннике» используется для передачи личного опыта рассказчика. Характерные для повествования логические отношения обусловленности и временной последовательности переплетаются с типичным логическим отношением описания – экзистенции, существования и характеристики [Никонова, 2008, с. 125]. Поэма открывается формульным зачином: *Mæz ic be me sylfum soðzied wrecan* – 'Быль о себе поведать могу я'. В данной части внимание слушателя / читателя фокусируется на конкретных картинах морской стихии, физических и морально-психологических трудностях, испытываемых рассказчиком-морестранником, для чего широко используются эпитеты и эмотивная лексика с отрицательной коннотацией, представленная следующими словоформами и словосочетаниями: *zeswincdazum* 'дни борьбы', *earfoðhwile* 'тяжкое время', *breostceare* букв. 'забота в груди', *cearselda* 'юдоли забот', *atol uþa zewealc* 'страшный волн пережат', *forste zebunden* 'скованные стужей', *earmceariz* 'жалкий, угнетённый', *bidroren* 'лишённый', *isizfeþera* 'с ледяными перьями', *calde zeþrunzen* 'холодом пронзённые', *iscaldne* 'ледяной, студёный', *feasceftiz* 'бедный', *bealosip* 'роковой путь'.

Слова с положительной окраской в описательной части практически отсутствуют. Редким исключением выступают существительные *zomen* 'удовольствие, развлечение' и *wyn* 'радость':

dyde ic me to zomene, zanotes hleoþor – '**отрадой** был мне олуши крик';

se þe ah lifes wyn – 'тот, кто имеет **радости** жизни'.

Лексические единицы с положительной коннотацией употребляются только для того, чтобы обозначить отсутствие выражаемых ими понятий:

winetæzum bidroren – 'лишённый **любящих сородичей**';

fore hleahtor wera – 'вместо **смеха** людского';

næniz hleoætza feasceftiz ferð frefran meahte – 'никто же из **друзей-сородичей** бедную душу **утешить** не может'.

Негативная эмотивность и атмосфера подавленности и отчаяния в первой части поэмы также создаются при помощи метафор, носящих в некоторых случаях перифрастический характер:

þa ceare seofedun hat umb heortan – букв. 'заботы кипели жгучие у сердца';

hunzor innan slat merewerzes mod – букв. 'голод изнутри разъедает морем изнуренную душу';

wræccan lastum – 'стезей изгнания';

corna caldast – 'град', букв. 'самое холодное из зерен'.

В плане грамматики контекстно-вариативное членение текста обеспечивается преимущественно посредством категорий лица и числа. Из грамматических средств контекстно-вариативного членения текста глав-

ным в описании выступает использование личного местоимения. Рассказчик, описывая тяготы морских странствий, опирается исключительно на собственный опыт. Соответственно, в тексте широко представлены формы 1-го лица единственного числа (см. табл. 1). Данные в представленной ниже таблице собраны в результате анализа всех контекстов исследуемой поэмы, в которых употребляются местоименные и близкие им по значению и функции формы.

Таблица 1. Распределение форм местоимений по значимым частям поэмы

Лицо, число	Местоименные формы и прономинализованные словосочетания	1-я часть	2-я часть	3-я часть
1-е л., ед. ч.	<i>ic, me, mec, min</i>	12 (71%)	5 (29%)	0
3-е л.	<i>he, hi, him, hine, his, mon, se, þam, sume, zehwam, monna zehwylc, ænzes monnes, ælda bearn, se bearn</i>	4 (9%)	25 (53%)	18 (38%)
1-е л., мн. ч.	<i>we, usic</i>	0	0	6 (100%)

Примечание к таблице 1: 1-я часть (строки 1–38) – повествование и описание, 2-я часть (строки 39–102) – рассуждение, 3-я часть (строки 103–124) – имплицитный диалог.

В описательной части поэмы личное местоимение 1-го лица единственного числа используется чаще всего в форме номинатива, а также в формах косвенных падежей – датива и аккузатива:

Mæz ic be me sylfum – 'Могу я о себе самом';

hu ic ... oft þrowade – 'как я ... часто испытывал';

mec oft bizeat nearo nihtwaco – 'меня часто заставляла бессонная вахта';

Calde zeþrunzen wæron mine fet – 'Холодом пронзены были мои ноги' – единственный случай использования генитивной формы местоимения в данной части поэмы;

hu ic ... winter wunade – 'как я ... зиму переживал';

ic ne zehyrde butan hlimman sæ – 'я слышал только ревущее море';

ylfete sonz dyde ic me to zomene – 'лебединая песнь была мне в радость';

hu ic ... in brimlade bidan sceolde – 'как я ... на морской тропе терпеть был должен';

ic hean streamas, sealtyþa zelac sylf cunnize – 'я высокие потоки, соленых волн теснение сам познал'.

Как можно видеть из приведенных примеров, наряду с местоимением 1-го лица в некоторых случаях используется усиленное местоимение *sylf*, которое фокусирует внимание читателя на рассказчике и его воспоминаниях.

Ещё одна часть речи, обладающая в древнеанглийском языке категориями числа и лица и, соответственно, используемая в целях контекстно-вариативного членения текста – это глагол. Несмотря на то, что в первой части «Морестранника» именные части речи преобладают над глагольными (80 : 20%), что является типичным признаком описания, глаголы все же являются смысловыми центрами данного фрагмента, способствуя реализации хронотопа текста. В контексте анализируемого произведения употребляются преимущественно временные глагольные формы претерита, используемые для передачи прошлого опыта лирического героя, и реже презенса – для введения фрагментов вневременного характера. В приведенных выше примерах это словоформы 1-го лица единственного числа *mæg* 'могу', *browade* 'испытывал', *wunade* 'переживал', *zehyrde* 'слышал', *dude* 'делал', *sceolde* 'был должен'. Кроме того, вследствие возможности опущения подлежащего, еще некоторое количество примеров обнаруживается в односоставных предложениях:

breostceare zebiden hæbbe – 'душевную заботу (я) **переносил**';
zесunnad in ceole – '**познал** (я) на корабле'.

Очевидно, что лексическая семантика приведенных выше глагольных словоформ достаточно узка: в своем большинстве это лексемы со значением чувственного восприятия, мыслительной деятельности и морально-психологического состояния человека, что также придает описательный характер рассматриваемому фрагменту.

По нашему мнению, заканчивается описание 38-й строкой, поскольку с этого момента с собственных конкретных впечатлений и переживаний рассказчик переключается на отвлеченные рассуждения о бренности мира и о судьбе человека в этом мире [Greenfield, 1989, с. 168]. Рассуждение, основанное на желании аргументированно донести до читателя точку зрения автора, убедить его, предполагает сопоставление различных понятий и опору не столько на собственный опыт, сколько на объективные обстоятельства. Соответственно, в этой части поэмы (строки 39–102) меняется характер лингвостилистических средств. Эмотивная лексика делится на две части – с положительной и отрицательной коннотацией – для обеспечения сопоставления, а фигура самого рассказчика уходит из центра повествования на второй план, что находит выражение в менее широком использовании грамматических форм 1-го лица.

В части, отведенной для рассуждения, отмечается употребление следующей эмотивной лексики с негативной окраской: *sorze* 'забота, тревога', *bitter* 'горький', *wraeclastas* 'стеzi изгнания', *zraediz* 'жадный', *deade* 'мертвая', *adl* 'болезнь', *yldo* 'старость', *eczhetе* 'война', букв. 'ненависть меча', *fæzum* 'у обреченных', *nip* 'злоба', *feond* 'враг, дьявол', *deofol* 'дьявол', *znorað* 'жалуется', *sar* 'боль', *zraef* 'могилу', *byrzan* 'хоронить', *zeomran* 'печальным', *tweon* 'неуверенности', *wacran* 'слабые', *seariað* 'увядают', *blacað* 'бледнеет', *synna* 'грехов'. Вместе с тем, в противоположность описательной части, в рассуждении также следует констатировать наличие сопоставимой доли (47 : 53%) положительно окрашенной лексики: *zod* 'хороший', *deor* 'сме-

луй', *wyn* 'удовольствие', *hyht* 'надежда', *fæzriað* 'становятся красивыми', *wlitizað* 'хорошеют', *sefteadiz* 'удачливый', *dreamas* 'радости', *lof* 'похвала', *betst* 'наилучший', *enzlum* 'ангелами', *onmedlan* 'славы, величия', *mærþa* 'подвиги', *dryhtlicestum* 'благородном', *indryhto* 'почет', *swete* 'сладкое', *maþmum* 'сокровища'. Противопоставление лексики с положительной и отрицательной коннотацией в контексте рассуждения дает возможность рассказчику, с одной стороны, выделить приятные стороны человеческой жизни, а с другой – с помощью отрицательно окрашенной лексики сделать акцент на том, что все приятные моменты эфемерны.

Ярким средством усиления риторического эффекта рассуждения является употребляемая несколько раз на протяжении фрагмента конвергенция стилистических приемов инверсии, параллельных конструкций, перечисления и стилистического использования отрицания:

Ne biþ him to hearpan huze ne to hrinzþeze
ne to wife wyn ne to worulde hyht
ne umbe owiht elles nefne umb uða zewealc
 [ни арфа его не радуется, ни награды в застолье,
 ни с женой утехи, ни земное веселие
 и ничто другое, кроме волн переката]

ne swete forswelzan ne sar zefelan
ne hond onhreran ne mid huze þencan.
 [ни сладкого испробовать, ни боль почувствовать,
 ни рукой шевельнуть, ни головой подумать]

Усиливаемое инвертированным порядком слов, параллельными структурами и многократным анафорическим повтором отрицание указывает на бренность всего земного, на временность и тщету земных удовольствий и устремлений.

Коренным образом в рассуждении меняется функционирование форм лица. Как и в предыдущей части, наиболее четко это прослеживается на примере местоимений. Повествование приобретает очень широкий охват, включая в себя мир (*middanzeard*, *eorþ*) в целом. Личность рассказчика словно растворяется в такой крупной картине. Употребление личного местоимения 1-го лица единственного числа в номинативе практически сходит на нет. В наиболее объемной части поэмы – рассуждении – данная форма встречается лишь один раз:

Ic zelyfe no þæt him eorðwelan ece stondað – 'Я не верю, что у него земные богатства вечно пребудут'.

Следует отметить, что употребление форм косвенных падежей местоимения 1-го лица единственного числа демонстрирует такую же частотность, как и в описательной части, но все они сконцентрированы в самом начале рассуждения, обеспечивая связь с предшествующей частью:

Forþon nu min huze hweorfeð ofer hreþerlocan, min modsefa mid mereflode – 'Воистину, теперь мой дух рвется из груди, душа моя (стремится) к морским потокам';

cyteð eft to me zifre ond zraediz – 'возвращается ко **мне** жаждущая и неудовлетворенная';

Forþon me hatran sind Dryhtnes dreamas þonne þis deade lif – 'Воистину, **мне** горячее Господа радости, чем эта мертвая жизнь'.

В последнем примере также примечательно использование оксюморона *deade lif* 'мертвая жизнь', построенного на контрасте значений лексем, называющих два центральных понятия рассуждения рассказчика-морестранника. Из приведенных выше примеров видно, что в рассматриваемой композиционно-речевой форме поэмы почти исчезают глагольные формы 1-го лица. Единственным исключением служит приведенный выше контекст: *Ic zelyfe no* – '**Я** не верю'.

Другим показателем изменения формы речетворческого акта в рассуждении является резкий рост частотности и разнообразия форм 3-го лица по сравнению с описанием (см. табл. 1). Рассказчик в данной части принимает роль стороннего наблюдателя, комментирующего поступки других людей. 3-е лицо в «Морестраннике» выражается следующим набором местоименных и близких им по значению форм:

1) личное местоимение *he / hi* 'он / они' в номинативе и косвенных падежах, например: *þæt he zewurce, ær he on wez scyle* – 'чтобы **он** трудился до того, как **он** должен уйти';

2) указательное местоимение *se (þe)* 'тот (который, кто)' в анафорической функции, например: *ac a hafað lonzunze se þe on lazu fundað* – 'но всегда тоскует **тот, кто** в море ходить отваживается';

3) неопределенное местоимение *sum* 'некоторый, некто', например: *hwæt þa sume dreozað* – 'что тогда **некоторые** испытывают';

4) неопределенное местоимение *zehwa* 'каждый', например: *Forþon biþ ... zehwat* – 'Ибо так бывает ... **с каждым**';

5) прономинализованное словосочетание *tonna zehwylc* 'всякий, каждый', например: *swa nu tonna zehwylc zeond middanzeard* – 'как ныне **каждый человек** на свете';

6) субстантивированное прилагательное *se bearn* – 'человек', букв. 'рожденный' с обобщенным значением: *þæt se beorn ne wat* – 'Того **человек** не знает';

7) фразеологизированное словосочетание *ælda bearn* букв. 'старших рожденные', т.е. 'люди, человеческий род': *þæt hine ælda bearn æfter herzen* – 'чтобы его **люди** потом славили'.

Отметим особо, что речь идет только о тех контекстах употребления местоимений и соответствующих им слов и словосочетаний, когда антецедентом выступает существительное со значением лица. Таким образом, из сферы нашего рассмотрения исключаются контексты, в которых перечисленные единицы относятся к неодушевленным понятиям, например:

Simle þreora sum þinza zehwylce ær his tiddeze to tweon weorþeð – 'Всегда из трех **какая-нибудь вещь любая** до его рокового часа судьбой обернется'.

Такой подход обусловлен общим антропоцентричным характером контекстно-вариативного членения текста анализируемого произведения: в

первой части внимание рассказчика сосредоточено на его собственном «я», во второй части – на людях в целом, в третьей – на фигуре Бога и слушателях / читателях поэмы.

Для сравнения: в описательной части «Морестранника» отмечается только четыре случая употребления местоименных форм 3-го лица (см. табл. 1). Приведем примеры.

Ɔæt se mon ne wat þe him on foldan fæzrost limpeð – 'Того человек не знает, **которому** на суше удача благоприятствует';

Forþon him zelyfeð lyt, se þe ah lifes wun – 'Воистину, **тому** (это) нравится мало, **кто** имеет жизни удовольствия'.

В части, отведенной для рассуждения, количество местоименных словоформ 3-го лица составляет 25. Формы 3-го лица иногда располагаются в непосредственной близости друг от друга, образуя достаточно широкий контекст, например, при перечислении:

Forþon nis þæs modwlonc mon ofer eorþan, ne his zifena þæs zod, ne in zeozibe to þæs hwæt, ne in his dædum to þæs deor, ne him his dryhten to þæs hold, þæt he a his sæfore sorze næbbe, to hwon hine Dryhten zedon wille

[Воистину, нет такого гордого человека на земле, ни **своими** дарами настолько щедрого, ни в юности настолько смелого, ни в **его** деяниях настолько отважного, ни **его** господин **им** настолько не дорожит, что **он** в **своих** морских странствиях не тревожится о том, что с **ним** Господь сделает].

В части поэмы, отведенной под рассуждение, рассказчик ведет речь либо о людях в целом, и тогда употребляется множественное число третьего лица, например: *þonne hi mæst mid him mærbæ zefremedon* – 'когда **они**, величайшие среди **них**, деяния совершали', либо типизирует некую человеческую личность, и тогда 3-е лицо используется в единственном числе, например: *Yldo him on fareþ, onsyn blacað, zomelfeax znornað, wat his iuwine, æþelinza bearn eorþan forziefene* – 'Старость к **нему** приходит, лицо выцветает, седобородый жалуется, знает, что **его** бывшие друзья, благородных сыны, земле предаются'.

Последняя часть «Морестранника» (строки 103–124) представляет собой имплицитный диалог, в котором автор подводит итоги размышлений и приглашает читателя согласиться с результатами своих рассуждений. Как отмечает И. Р. Гальперин, переключение композиционно-речевого плана на диалог является одним из средств приближения к сообщаемым событиям [Гальперин, 2009, с. 64]. По нашему мнению, вторая часть заканчивается 102-й строкой, поскольку именно с этого момента внимание рассказчика всецело переключается на выводы, сделанные в ходе рассуждения, в центре которых находится фигура всемогущего Бога и его отношения к человеку.

Основным средством реализации имплицитного диалога в поэме является личное местоимение 1 л. мн. ч. Отмечается, что, как правило, использование совместно-ограничительного местоимения 1-го лица множественного числа, для которого референтом является «автор + читатель», приглашает читателя к совместному размышлению, что активизирует процесс восприятия [Ефремова, 2017, с. 45]. Данное местоимение употребляется в поэме шесть раз (см. Табл. 1), в том числе и при прямом

обращении к читателю, выраженном сочетанием побудительного глагола *uton* с инфинитивом.

*Uton we hyczan hwær we ham azen,
ond þonne zebencan hu we þider cumen;
ond we þonne eac tilien þæt we to moten
in þa ecan eadiznesse
þær is lif zelonz in lufan Dryhtnes,
hyht in heofonum.*

[**Давайте** размыслим, где у **нас** дом,
и затем подумаем, как **нам** туда попасть;
и надо нам тогда стремиться, чтобы **мы** смогли (попасть)
в это вечное блаженство,
то есть жизнь по любви Господа,
радость на небесах].

В данном фрагменте совместно-ограничительное *we* используется для того, чтобы пригласить читателя к размышлению о своем реальном доме, прибежище, которое, по мнению автора, обретается рядом со Всевышним. Божественный мир описывается при помощи лексических единиц с положительной коннотацией: *hyht in heofonum* 'радость на небесах', *ecan eadiznesse* 'вечное блаженство'. Имплицитный диалог реализуется в данном фрагменте также за счет привлечения средств модальности в виде форм сослагательного наклонения с семантикой совета, с помощью чего автор дает рекомендацию читателю стремиться спастись на небесах.

Помимо личного местоимения 1 л. мн. ч. для имплицитного обращения к читателям автор применяет местоимения и семантически близкие к ним формы 3-го лица в обобщенно-личном значении, указывая на то, что его слова относятся не к кому-то конкретному, а к любому человеку.

1. Относительное местоимение и личное местоимение 3 л. ед.ч м. р.: *Eadiz bið se þe eaþmod leofaþ; cymed him seo ar of heofonum* [Блажен **тот, кто** смиренно живет; к **нему** приходит благодать с неба].

2. Неопределенно-личное местоимение *mon* 'люди, кто-то' не встречается в рассуждении и используется в тексте поэмы лишь однажды в части имплицитного диалога: *Stieran mon sceal stronzum mode* [Сдерживать надо страсти].

3. Прономинолизированное словосочетание *æniþ mon* 'всякий, любой' также встречается только один раз в форме генитива в части имплицитного диалога: *Meotud meahþizra, þonne ænzes monnes zehuþd* [Создатель могущественней, чем **любого человека** помысел].

Также реализации имплицитного диалога способствует использование побудительного по цели высказывания предложения: *Þæs sy þam Halzan þonc þæt he usiþ zeweorþade* [Благодарение Господу, что Он **нас** создал]. Автор, напрямую не обращаясь к читателям, используя глагольную форму императива *sy* 'да будет!', призывает их возблагодарить Господа, который метафорически называется *wuldres Ealdor* 'Отец славы'.

Как отмечают Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, для имплицитного диалога характерны противительные отношения между предложениями, кото-

рые тесно связаны друг с другом [Ризель, 1975, с. 271]. Для третьей части поэмы «Морестранник» также типично построение по принципу антитезы.

Dol biþ se þe him his Dryhten ne ondrædeþ: cymeð him se deað unþinzed.

Eadiz bið se þe eaþmod leofaþ; cymeð him seo ar of heofonum.

[Глуп тот, кто своего Господа не боится – приходит к нему смерть неожиданно.

Блажен тот, кто смиренно живет – к нему приходит благодать с неба].

Противопоставление в данном фрагменте базируется на контекстуальных антонимах: *dol* 'глупый', *eadiz* 'блаженный' и усиливается употреблением параллельных конструкций и лексики с противоположной коннотацией: *ondrædan* 'бояться', *deað* 'смерть', *unþinzed* 'неожиданный' – отрицательная коннотация, *ar* 'благодать', *heofon* 'небо' – положительная коннотация.

3. Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ключевую роль для передачи основной идеи автора поэмы «Морестранник» об эфемерности земного существования и необходимости обращения устремлений человека к Богу играет композиция и, прежде всего, контекстно-вариативное членение. Разделив текст на три отличающиеся доминирующими композиционно-речевыми формами сверхфразовых единства, поэт достигает сразу три цели: обращения к собственному опыту через описание с элементами повествования, аргументированной подачи своей точки зрения за счёт использования рассуждения и убеждения читателя посредством имплицитного диалога.

Вышеупомянутые композиционно-речевые формы реализуются на грамматическом уровне, благодаря дифференцированному использованию местоимений и личных форм глагола, на лексическом уровне – посредством применения коннотативно неоднородных слов и выражений, на стилистическом уровне – при помощи тропов и синтаксических стилистических приёмов. Особую роль в контекстно-вариативном членении текста играет употребление местоимений, выступающих лексико-грамматическими маркерами соответствующих композиционно-речевых форм: в описании и повествовании преобладают формы 1-го лица единственного числа, в рассуждении высок удельный вес форм 3-го лица, а в имплицитном диалоге важное место занимают формы 1-го лица множественного числа.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 7-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 149 с.
2. Горнфельд, А. Г. Элегия, литературный жанр [Электронный ресурс] / А. Г. Горнфельд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/118402/Элегия (дата обращения 05.01.2019).

3. Древнеанглийская поэзия [Текст] / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. – М. : Наука, 1982. – 320 с.
4. Ефремова, Д. А. Функционально-семантические особенности личных местоимений в тексте биографических очерков [Текст] / Д. А. Ефремова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 781. – С. 40–49.
5. ЛиЯ – Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия [Текст] / под ред. А. П. Горкина. – М. : Росмэн, 2006. – 584 с.
6. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
7. Никонова, М. Н. Теория текста : учеб. пособие [Текст] / М. Н. Никонова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. – 240 с.
8. Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка [Текст] / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М. : Высшая школа, 1975. – 316 с.
9. Эйгес, И. Р. Элегия [Текст] / И. Р. Эйгес // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П–Я. – С. 1111–1113.
10. Greenfield, S. V. Hero and Exile: The Art of Old English Poetry [Text] / S. V. Greenfield. – Bloomsbury Publishing, 1989. – 256 p.
11. Moorman, F. W. The Interpretation of Nature in English Poetry from Beowulf to Shakespeare [Text] / F. W. Moorman. – Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. – 257 p.
12. Orton, P. The Form and Structure of the Seafarer [Text] / P. Orton. – Studia Neophilologica. – 1991. – Vol. 63. – Issue 1. – P. 37–55.
13. The Seafarer [Electronic Resource]. – URL : <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Sfr> (дата обращения 06.01.2019).
14. Sobeki, S. I. The Interpretation of The Seafarer – A re-examination of the Pilgrimage Theory // Neophilologus. – 2008. – Vol. 92. – Issue 1. – P. 127–139.

References

1. Galperin, I. R. (2009). *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Study]. Moscow : LIBROKOM Press.
2. Gornfeld, A. G. (1890–1907). *Elegiya, literaturniy zhanr* [Elegy, Literary Genre]. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brokgauz & Efron Encyclopaedic Dictionary]. Saint-Petersburg. Retrieved January 5, 2019 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/118402/Элегия>.
3. Steblin-Kamenskiy, M. I. (ed.). (1982). *Drevneangliyskaya poeziya* [Ancient English poetry]. Moscow : Nauka Press.
4. Efremova, D. A. (2017). Funkcionalno-semanticheskie osobennosti lichnykh mestoimeniy v tekste biograficheskikh ocherkov [Semantic and functional peculiarities of personal pronouns in biographical sketches]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU Bulletin. The Humanities], 781, 40–49.

5. Gorkin, A. P. (ed.). (2006). *Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Literature and Language. Modern Illustrated Encyclopaedia]. Moscow : Rosmen Press.
6. Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds). (1987). *Literaturniy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary Encyclopaedic Dictionary]. Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya Press.
7. Nikonova, M. N. (2008). *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Omsk : Omsk State Technical University Press.
8. Rizel, E. G., Shendels, E. I. (1975). *Stilistika nemeckogo yazyka* [Stylistics of German]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.
9. Eiges, I. R. (1925). Elegy. In N. Brodskiy, A. Lavretskiy, E. Lunin, V. L'vov-Rogachevskiy, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinskiy (eds), *Literaturnaya enciklopediya: Slovar literaturnyh terminov* [Literary Encyclopaedia: Dictionary of Literary Terms] (Vol. 2, pp. 1111–1113). Moscow : L. D. Frenkel Press.
10. Greenfield, S. B. (1989). *Hero and Exile: The Art of Old English Poetry*. Bloomsbury Publishing.
11. Moorman, F. W. (2018). *The Interpretation of Nature in English Poetry from Beowulf to Shakespeare*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
12. Orton, P. (1991). The Form and Structure of the Seafarer. *Studia Neophilologica*, 63, 37–55.
13. The Seafarer. Retrieved January 6, 2019 from <<http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Sfr>>.
14. Sobecki, S. I. (2008). The Interpretation of The Seafarer – A re-examination of the Pilgrimage Theory. *Neophilologus*, 92 (1), 127–139.

УДК 81'276.6
UDC 81'276.6

Неверова Евгения Андреевна, Печенкина Виктория Сергеевна
Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета
г. Новороссийск, Российская Федерация
Eugeniya A. Nevyerova , Victoria S. Pechyonkina
The Novorossiysk Branch of Pyatigorsk State University
Novorossiysk, Russian Federation
yarusova@gmail.com, vika.polina.1998@mail.ru

Раздубев Алексей Валерьевич
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск, Российская Федерация
Aleksey V. Razduyev
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russian Federation
arazduev@bk.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
НАИМЕНОВАНИЙ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
(НА ПРИМЕРЕ САЙТА ФРАНЦУЗСКОЙ КОСМЕТИКИ
YVES ROCHER)**
**LEXICAL-SEMANTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION
OF COSMETIC PRODUCT NOMINATIONS (DRAWING ON
THE EXAMPLE OF YVES ROCHER FRENCH COSMETICS)**

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей перевода наименований терминологического характера, описывающих косметические средства и представленных на официальном сайте фирмы Yves Rocher (Ив Роше). Предметом исследования выступили лексико-семантические особенности перевода терминологических наименований косметических средств для лица фирмы Yves Rocher. В ходе анализа терминологических номинаций была выявлена проблема неполного соответствия перевода терминологических наименований косметических средств во французском и русском языках. В связи с этим была предпринята попытка дополнить существующий официальный перевод и представить полученные результаты в виде «Путеводителя по косметике фирмы Ив Роше» с комментариями, который может помочь при выборе косметики данной фирмы, а также при покупке французской косметики других марок.

Abstract

The current article aims at studying translation peculiarities of terminological nominations describing cosmetic products that are presented on the official site of the Yves Rocher company. Some lexical-semantic peculiarities of translation of terminological nominations of Yves Rocher cosmetic products for face care were the focus of this research. During the

analysis of terminological nominations of cosmetic products, the problem of partial correlation of such nominations in French and Russian has been revealed. Therefore, an attempt has been made to complete the existing official translation and present the obtained results in the form of “Yves Rocher Cosmetic Guide” with comments that can help choose from the cosmetic products of this company, as well as other French cosmetics brands.

Ключевые слова: косметоним, неудачный/неправильный перевод, неоправданное опущение/добавление информации, удачные/неудачные трансформации, искажение значения.

Keywords: cosmetonym, unsuccessful/wrong translation, unjustified information omissions/addition, successful/unsuccessful transformation, distortion of meaning.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_128_138

1. Введение

Перевод номинаций – это один из самых сложных видов перевода, имеющий свои особенности, связанные с необходимостью достижения благозвучности перевода, отражения национальной специфики и учёта культурных стереотипов. При этом приоритет отдаётся не прямому переводу, в том числе для того, чтобы избежать или снизить степень негативной коннотации, не задеть религиозные чувства, привлечь внимание, в том числе за счёт установления положительных ассоциаций, устранить несовпадение культурного восприятия той или иной номинации [Аматов, Монакова, 2012].

Актуальность изучения номинаций косметических средств – косметонимов – в современной ономастике и особенностей их перевода трудно переоценить, учитывая повышенный интерес к способам номинации объектов технического прогресса в разных сферах в целом и неизменно высокую прагматическую ценность указанного аспекта – в частности. Особо следует подчеркнуть, что, несмотря на современные веяния и тенденции, здесь всё ещё сохраняется гендерный дисбаланс, направленный в сторону фемининной доминанты. Огромное количество представительниц женского пола ежедневно так или иначе имеют дело с косметическими средствами и весьма тщательно подходят к выбору помады, крема, пудры, очищающих средств и так далее, ведь кожа – это один из основных индикаторов здоровья, состояния организма и возраста.

Нельзя не отметить, что на отечественном рынке косметических средств внушительную долю занимает продукция зарубежного производства. При отсутствии знаний иностранного языка (в частности, французского) приходится доверять той информации, которая излагается в переведённых аннотациях, размещённых на русскоязычных сайтах косметических компаний. Однако этот перевод не всегда выполнен верно, что затрудняет выбор желаемого продукта или приводит к тому, что он оказывается неправильным, что в свою очередь может негативно сказаться не только на финансовом состоянии, но и на здоровье потребителя данного косметического средства.

Косметонимы нельзя назвать хорошо изученной областью ономастики, по крайней мере, в отечественной лингвистике. Нами было найдено лишь несколько научных работ по данной тематике. Так, в частности, Е. В. Коломиец рассматривает наименования парфюмерных и косметических средств в русском языке в диахронии с точки зрения их этимологии, тематических и структурно-семантических особенностей, истории возникновения, функционирования и систематизации. В рамках исследования охвачен период XI–XXI вв., особое внимание уделяется заимствованиям, в том числе из французского языка [Коломиец, 2011, 16–18]. З. С. Гандалоева анализирует терминологию сферы парфюмерного и косметического производства в истории её развития и формирования в современном английском языке [Гандалоева, 2015].

В ходе изучения лексико-семантических особенностей косметической терминологии во французском и русском языках [Островная, Ломоносова, 2015] установлено, что косметические термины принадлежат особой группе слов языковой системы, что обуславливается характерными структурно-словообразовательными, семантическими и стилистическими свойствами. Совокупность русских и французских косметических терминологических единиц, функционирующих в косметологии, характеризуется системностью и может быть проанализирована с лингвистических позиций. Рассматриваемая система определяется наличием терминов, представляющих собой как односоставные единицы, так и распространённые терминологические словосочетания. В соответствии с характером номинируемого понятия терминология сферы женской косметики может быть классифицирована по тематическим группам с опорой на критерий функционального действия номинируемых косметических средств. Кроме того, между членами тематических групп обычно наблюдается наличие гипо-гиперонимических (родовидовых) отношений. К специфическим особенностям французской терминологии относится значительное количество заимствований из английского языка, которые иногда дублируются синонимичными словами французского происхождения.

М. И. Малхазова проводит комплексный сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических и стилистических особенностей языка декоративной косметики и парфюмерии на материале рекламных сообщений и связанных с этим проблем перевода единиц данного лексико-семантического поля с английского языка на русский [Малхазова, 2013]. Г. В. Овчинникова исследует особенности словопроизводства и семантики косметонимических колоронимов во французском и русском языках [Овчинникова, 2017]. Как видим, особенности перевода косметических наименований с французского языка на русский оставлены практически без внимания.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей перевода наименований терминологического характера, описывающих косметические средства, представленные на официальном сайте фирмы Yves Rocher (Ив Роше), занимающейся созданием и продажей растительной косметики [Yves Rocher, 2019 a, b].

Поскольку количество производителей косметики и косметических средств огромно, наш выбор продукции Yves Rocher определили следующие

шие предпосылки. Во-первых, это огромный авторитет и не снижающаяся популярность французской косметики как таковой. Во-вторых, специализированные магазины данной фирмы есть во многих российских городах. Наконец, предлагаемая на сайте и в торговых точках косметика характеризуется относительно хорошим качеством и доступной для покупателя ценой, будучи ориентированной на покупателя со средним достатком. Всё это обусловило актуальность рассмотрения лексического (терминологического) наполнения сайта именно данной компании.

В качестве объекта нашего исследования выступили лексические (терминологические) единицы, составляющие основу наименований данных косметических средств. Предмет для изучения составили лексико-семантические особенности представленного на официальном сайте перевода терминологических наименований косметических средств фирмы Yves Rocher, выполненного сотрудниками фирмы либо приглашёнными переводчиками по заказу руководства данной фирмы.

2. Анализ косметических номинаций

2.1. Материал и методика исследования

Материал для исследования был взят из двух версий официального сайта компании Yves Rocher – французской и русской [Yves Rocher, 2019 a, b]. В связи с тем, что продукция компании представлена на сайте достаточно широко (по нашим подсчётам, более 200 номинаций), в рамках данной статьи мы решили ограничиться изложением результатов анализа лишь некоторых русских и французских терминологических наименований косметических продуктов, предназначенных для ухода за лицом, в частности, используемых для снятия макияжа и очищения кожи лица (в общей сложности – 46 номинаций).

Для достижения поставленной цели был решён целый ряд задач, обеспечивающих анализ лексико-семантических особенностей перевода терминологических наименований косметических средств с французского языка на русский:

- детальное изучение двух версий (французской и русской) официального сайта компании Ив Роше;
- анализ терминологических номинаций на французском языке с использованием толкового и переводных словарей;
- установление соответствий французского наименования с его переводом на русский язык в рамках информации, которая приведена в русскоязычной версии сайта;
- добавление собственных комментариев при обнаружении несоответствий, выявлении и идентификации разночтений в переводе.

2.2. Обсуждение результатов

В ходе анализа терминологических номинаций была выявлена проблема неполного соответствия перевода терминологических наименований косметических средств в русском и французском языках, в связи с

чем была предпринята попытка дополнить существующий перевод и представить полученные результаты в виде «Путеводителя по косметике фирмы Ив Роше». Целевой аудиторией продукта выступила та категория покупателей и продавцов, которая предпочитает покупать и использовать, а также распространять французскую косметику, в частности, косметические средства фирмы Yves Rocher.

Итак, анализ лексических (терминологических) единиц, составляющих наименования на французском (язык оригинала) и русском (язык перевода) позволил выявить целый ряд несоответствий, результатом которых стал неудачный или вовсе неправильный перевод. Самым распространённым явлением, которое встречается в 23 случаях (т. е. 50% выборки), является опущение части терминологической номинации языка оригинала, касающейся указания типа и особенностей кожи, для которого предназначено то или иное косметическое средство. Представляется, что это сделано переводчиками для упрощения наименований косметики. Приведём некоторые примеры из французского языка с переводом на русский язык, представленных на официальном сайте компании Ив Роше. Официальный перевод обозначен через слэш; во французском варианте полужирным выделена часть, не нашедшая отражения в этом переводе; в круглых скобках предложен наш перевод опущенной части.

(1) *Gel nettoyant purifiant **Peaux mixtes à grasses*** / Глубоко очищающий гель для умывания (франц. **Peaux mixtes à grasses* – для смешанной и жирной кожи);*

(2) *Eau Micellaire Purifiante 2 en 1 **Peaux mixtes à grasses*** / Очищающая Мицеллярная Вода 2 в 1 (франц. **Peaux mixtes à grasses* – для смешанной и жирной кожи);*

(3) *Gel nettoyant fraîcheur **Peaux normales à mixtes*** / Очищающий Гель «Свежее Увлажнение» (франц. **Peaux normales à mixtes* – для нормальной и смешанной кожи);*

(4) *Eau Micellaire Hydratante 2 en 1 **Peaux normales à mixtes*** / Увлажняющая Мицеллярная Вода 2 в 1 (франц. **Peaux normales à mixtes* – для нормальной и смешанной кожи);*

(5) *Gel Nettoyant – **Tous Types de Peaux*** / Очищающий Гель для лица (франц. **Tous Types de Peaux* – для всех типов кожи);*

(6) *Lotion Tonique Perfectrice **Tous types de peaux*** / Тонизирующий Лосьон для Снятия Макияжа (франц. **Tous types de peaux* – для всех типов кожи);*

(7) *Lait Démaquillant Lissant **Tous types de peaux*** / Молочко для Снятия Макияжа с Разглаживающим Эффектом (франц. **Tous types de peaux* – для всех типов кожи);*

(8) *Huile Micellaire Démaquillante – **Tous Types de Peaux*** / Очищающее Мицеллярное Масло (**Tous types de peaux* – для всех типов кожи);*

(9) *2 en 1 Démaquillant & Tonique – **Tous Types de Peaux*** / 2 в 1 Молочко и Лосьон для Снятия Макияжа (**Tous types de peaux* – для всех типов кожи);*

(10) *2 en 1 Nettoyant et Désincrustant – Peaux à Tendance Acnéique** / Глубоко Очищающий Гель против Прыщей (франц. **Peaux à Tendance Acnéique* – для кожи, склонной к акне);

(11) *Eau Micellaire Apaisante 2 en 1 Peaux sensible** / Успокаивающая Мицеллярная Вода 2 в 1 (франц. **Peaux sensible* – для чувствительной кожи);

(12) *Lait Démaquillant Apaisant Peaux sensibles** / Успокаивающее Молочко для Снятия Макияжа (франц. **Peaux sensibles* – для чувствительной кожи);

(13) *Crème Nettoyante Démaquillante – Peaux Sensibles** / Крем для Умывания (франц. **Peaux Sensibles* – для чувствительной кожи) [Yves-rocher, 2019 a, b; Dictionnaire..., 2019; АБВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019] и тому подобные.

Для того, чтобы покупатели могли ориентироваться на немаловажный фактор при выборе продуктов косметики – тип и особенности кожи («для смешанной и жирной кожи», «для нормальной и смешанной кожи», «для всех типов кожи», «для чувствительной кожи», «для кожи, склонной к акне»), в путеводитель были добавлены комментарии в виде перевода недостающей части номинации.

Отсутствие полного перевода терминологических единиц с французского языка на русский наблюдалось также и в других случаях. Например, *Gelée Micellaire Démaquillante* Réparation* + Detox** / Мицеллярный гель. Как видим, не переведёнными для покупателя остались три слова (терминоэлемента), которые, вероятно, могли бы сыграть решающую роль при покупке данного косметического средства, а именно: **démaquillant* – удаляющий / снимающий макияж; **réparation* – восстановление; **detox (détoxication)* – очищение [Dictionnaire..., 2019; АБВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]. В идеале перевод должен был выглядеть следующим образом: Очищающий и Восстанавливающий Мицеллярный Гель для Снятия Макияжа.

Аналогично в переводе номинации терминологического характера *Lotion Tonique Perfectrice* Tous types de peaux* на русский язык опущен один из терминоэлементов (франц. **Perfectrice* – совершенный) [Dictionnaire..., 2019; АБВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]: (Совершенный) Тонизирующий Лосьон для Снятия Макияжа (для всех типов кожи).

В случае со следующим термином произведён, по нашему мнению, не совсем корректный перевод: *Crème Nettoyante* Démaquillante* – Peaux Sensibles* / Крем для Умывания. Ключевой (основообразующий) терминологический элемент *Crème* переведён верно, чего нельзя сказать об остальных (классифицирующих) терминологических элементах: франц. **Nettoyant* – очищающий; **Démaquillant* – для снятия макияжа [Dictionnaire..., 2019; АБВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]. Таким образом, точный перевод термина: Очищающий Крем для Снятия Макияжа для Чувствительной Кожи.

Примерами несколько неточного перевода могут послужить следующие номинации терминологического характера:

(1) *2 en 1 Démaquillant* & Tonique** – *Tous Types de Peaux / 2 в 1 Молочко и Лосьон для Снятия Макияжа* (**Démaquillant* – средство для снятия макияжа; **Tonique* – тоник);

(2) *Démaquillant Douceur* Yeux Sensibles / Средство для Снятия Макияжа с Чувствительной Кожи вокруг Глаз* (**Douceur* – мягкость, нежность);

(3) *Nettoyant Démaquillant Surgras** / Питательный **Крем** для Умывания (**Surgras* – жирный) [Yves-rocher, 2019 a, b; Dictionnaire..., 2019; АВВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019].

Эти и подобные примеры были детально проанализированы и внесены в «Путеводитель по косметике фирмы Ив Роше» с соответствующими комментариями и собственным переводом.

Интересны для лексико-семантического анализа случаи, представленные на официальном сайте компании Yves Rocher, когда на языке оригинала используются два синонима, а в русском варианте остаётся только один из них, то есть происходит опущение второго компонента (терминоэлемента) или его трансформация в другую часть речи. Например: *Gel nettoyant* purifiant* Peaux mixtes à grasses / Глубоко Очищающий Гель для Умывания*. Во французском языке **nettoyant* и **purifiant* являются синонимами, они имеют сходное значение – «очищающий» [Dictionnaire..., 2019; АВВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019], что говорит о стремлении авторов номинации особо подчеркнуть действие геля. В переводе на русский язык мы видим трансформацию одного из терминоэлементов-прилагательных в другую часть речи (наречие «глубоко»), которая, по нашему мнению, прибавляет характерный для коммерческой привлекательности косметического средства оттенок, не искажая при этом значения – довольно редкий случай для изучаемого материала.

Приведём ещё пример: *2 en 1 Nettoyant* et Désincrustant** – *Peaux à Tendance Acnéique / Глубоко Очищающий Гель против Прыщей* (франц. **Nettoyant* – очищающий; **Désincrustant* – средство для очищения пор кожи; следует отметить, что также опущено «2 в 1») [Dictionnaire..., 2019; АВВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]. В данном примере присутствует информация о «глубоком очищении» в связи с синонимичным характером терминоэлементов, а также произведена замена указания типа кожи («кожа, склонная к акне») на «обывательскую», близкую потребителю фразу «против прыщей». Точный перевод термина: *Средство 2 в 1 для Глубокого Очищения Кожи*. То есть это средство не устраняет прыщи, а чистит поры, следовательно, обывательская замена в данном случае неоправдана.

Интересный вид трансформации терминологической номинации представлен в случаях, когда при переводе с французского языка появляется дополнительное название, представленное в кавычках. Например, *Lait Démaquillant Hydratant** / Молочко для Снятия Макияжа «**Бережное Увлажнение**». Терминоэлемент **hydratant* на русский язык переводится как «увлажняющий» [Dictionnaire..., 2019; АВВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]. Авторы перевода на русскоязычной версии сайта предпочли

добавить слово «бережное» к трансформированному в другую часть речи терминологическому элементу *hydratant* (здесь – «увлажнение»). Аналогичное также можно наблюдать в следующем примере: *Gel nettoyant fraîcheur* Peaux normales à mixtes / Очищающий Гель «Свежее Увлажнение» (*fraîcheur – «свежесть», «прохлада»)*. Таким образом, внутри терминологической номинации появилось также закавыченное название. На наш взгляд, введение подобных элементов – это не только успешный коммерческий, но и удачный переводческий ход, позволяющий избежать искажений и осуществить точный и адекватный перевод.

Завершая анализ примеров, отметим несколько случаев практически полного несоответствия значения номинации в оригинале тому, что представлено на языке перевода. Например, *Lotion Clarifiante* / Очищающий Лосьон против Прыщей*. В данном случае семантических совпадений нет, кроме ключевого терминологического элемента «*lotion / лосьон*». Слово *clarifiant* во французском языке имеет следующие значения: «осветлитель», «делающий светлее» [Dictionnaire..., 2019; АВВУУ, 2019; Французско-русский..., 2019]. О коже, подверженной акне или другим видам кожных заболеваний, речи не идёт. Однако в русскоязычном варианте номинации появилось не только слово «очищающий», но и «против прыщей».

В целом, доля не совсем корректно переведённых косметических терминологических номинаций составила более 80% от общего объёма выборки. В результате анализа было выявлено лишь несколько продуктов (около 10% выборки), чьи наименования были переведены адекватно с французского языка на русский, в том числе с использованием переводческих трансформаций, например: *Démaquillant Express Yeux / Экспресс-Средство для Снятия Макияжа с Глаз*.

3. Заключение

Таким образом, сопоставив терминологическое наполнение французской и русской версий сайта компании Yves Rocher, проанализировав каждую номинацию терминологического характера, связанную с особенностями ухода за кожей лица, мы выявили основные лексико-семантические особенности перевода рассматриваемых косметических средств, а также типичные ошибки, намеренно или непреднамеренно допущенные переводчиками. Следует отметить, что в значительном числе случаев наблюдается стремление переводчиков (видимо, в сотрудничестве с маркетологами компании) отойти от правильного и точного перевода с целью упрощения названий, в том числе за счёт устранения синонимии терминологических элементов, опущения некоторых элементов, указания на удовлетворение обычных косметических потребностей. Изучение и сопоставление терминологических номинаций в двух языках с опорой на материал двух версий официального сайта компании позволило установить ряд несоответствий французского названия с его переводом на русский язык. Было выявлено, что более 80% выборки терминологических номинаций переведены неточно, с опущением важных компонентов, около 10% выборки передано не-

правильно с искажением значения и лишь около 10% отобранных единиц характеризуются наличием правильного и точного перевода на русский язык, удачным применением трансформаций, в том числе посредством закавычивания дополнительных элементов для привлечения внимания покупателя. Подробный анализ французских номинаций терминологического характера сделал возможным добавление необходимых комментариев в случае обнаружения неточностей и ошибок в переводе.

В результате анализа французских косметонимов и их русских переводов и корректировки последних нами был составлен «Путеводитель по косметике фирмы Ив Роше», снабжённый комментариями и собственным переводом.

В теоретическом плане значимость результатов проведённого исследования заключается в выявлении лексико-семантических особенностей перевода терминологических номинаций как части современной теории и практики перевода в целом. Результаты исследования могут быть использованы в рамках таких учебных дисциплин как «Практический курс перевода», «Устный перевод», «Современная теория перевода», «Практический курс речевого общения» и др. Практическая значимость исследования состоит в выработке предложений по улучшению качества перевода официального сайта компании Yves Rocher, а также в возможности использования разработанного продукта («Путеводителя по косметике фирмы Ив Роше») русскоязычными покупателями в повседневной жизни, в том числе при покупке французской косметики других марок и фирм.

В перспективу исследования войдут 1) изучение французских номинаций и переводов других косметических средств («для тела и загара», «для волос», «средства гигиены» и т. д.); 2) анализ англоязычной версии сайта с целью выявления несоответствий в переводе; 3) регулярное пополнение составленного нами путеводителя по косметике фирмы Ив Роше новыми номинациями на французском, русском и английском языках.

Список литературы

1. Амагов, А. М. Особенности перевода номинаций косметических и парфюмерных средств с английского языка на русский [Текст] / А. М. Амагов, Э. В. Монакова // Актуальные вопросы теории и практики перевода: сб. науч. тр. Белгород, 2012 г. / отв. ред. Т. Д. Дьяченко, О. В. Дехнич. – Белгород, 2012. – С. 16–18.
2. Гандалоева, З. С. История развития сферы парфюмерного и косметического производства и её влияние на формирование соответствующей терминосистемы в современном английском языке [Текст] / З. С. Гандалоева // В мире научных открытий. – 2015. – № 3.7. – С. 3414–3435.
3. Французско-русский и русско-французский словарь [Электронный ресурс] // Мультитран. Словари. – URL : <https://www.multitrans.ru/> (дата обращения: 01.02.2019).
4. Коломиец, Е. В. Наименование средств парфюмерии и косметики в русском языке XI–XXI вв.: этимология, структура, семантика [Текст] : автореф. дис. ...

- канд. филол. наук 10.02.01 / Коломиец Елена Васильевна ; Моск. гос. областной ун-т. – М., 2011. – 19 с.
5. Малхазова, М. И. Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантического поля «Декоративная косметика и парфюмерия» и проблемы перевода [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Малхазова Марина Игоревна ; Моск. гос. областной ун-т. – М., 2013. – 26 с.
 6. Овчинникова, Г. В. Особенности словопроизводства и семантики косметонимических колоронимов во французском и русском языках [Текст] / Г. В. Овчинникова // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – № 1 (9). – С. 29–32.
 7. Островная, Ю. М. Семантические особенности косметической терминологии во французском и русском языках [Электронный ресурс] / Ю. М. Островная, Ю. Е. Ломоносова // SCI-ARTICLE.RU. – 2015. – № 23. – URL : <http://sci-article.ru/stat.php?i=1437755905> (дата обращения: 01.02.2019).
 8. Yves Rocher. Растительная косметика и советы красоты [Электронный ресурс]. – 2019 а. – URL : <https://www.yves-rocher.ru/> (дата обращения: 01.02.2019).
 9. Yves Rocher. Createur de la Cosmetique Vegetale [Electronic Resource]. – 2019 б. – URL : <https://www.yves-rocher.fr/> (дата обращения: 01.02.2019).
 10. ABBYY Lingvo Live [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения: 01.02.2019).
 11. Dictionnaire de français [Электронный ресурс] // Larousse. – URL : <http://www.larousse.fr/> (дата обращения: 01.02.2019).

References

1. Amatov, A. M. Monakova, E. V. (2012). Osobennosti perevoda nominatsiy kosmeticheskikh i parfyumnykh sredstv s angliyskogo yazyka na russkiy [Some peculiarities of nominations of cosmetic and perfumery products from English into Russian]. In T. D. D'yachenko, O. V. Dekhnich (Ed.), *Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki perevoda* [Topical issues of theory and practice of translation] (pp. 16–18). Belgorod.
2. Gandaloyeva, Z. S. (2015). Istoriya razvitiya sfery parfyumernogo i kosmeticheskogo proizvodstva i yeye vliyaniye na formirovaniye sootvetstvuyushchey terminosistemy v sovremennom angliyskom yazyke [The history of development of perfumery and cosmetics industry and its influence on the formation of the corresponding terminological system in the modern English language], *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries], 3.7, 3414–3435.
3. Mul'titran. Frantsuzsko-russkiy i russko-frantsuzskiy slovar' [Multitran. French-Russian and Russian-French Dictionary]. Retrieved February 1, 2019 from <<https://www.multitran.ru/>>.
4. Kolomiyets, Ye. V. (2011). *Naimenovaniye sredstv parfumerii i kosmetiki v russkom yazyke XI–XXI vv.: etimologiya, struktura, semantika* [Denominations of perfumery and cosmetics in the Russian language in the XI–XXI centuries: Etymology, structure, semantics]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow ; Moscow Region State University.

5. Malkhazova, M. I. (2013). *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz leksiko-semanticheskogo polya "Dekorativnaya kosmetika i parfyumeriya" i problemy perevoda* [The contrastive-comparative analysis of the lexical-semantic field "Decorative cosmetics and perfumery" and problems of translation]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow; Moscow Region State University.
6. Ovchinnikova, G. V. (2017). Osobennosti slovoproizvodstva i semantiki kosmetonimicheskikh koloronimov vo frantsuzskom i russkom yazykakh [The study of semantic and word-formative peculiarities of cosmetics coloronyms in French and Russian], *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO], 1 (9), 29–32.
7. Ostrovnaya, Yu. M., Lomonosova, Yu. Ye. (2015). Semanticheskiye osobennosti kosmeticheskoy terminologii vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Semantic peculiarities of cosmetic terminology in the French and Russian languages]. *SCI-ARTICLE.RU*, 23. Retrieved February 1, 2019 from <<http://sci-article.ru/stat.php?i=1437755905>>.
8. Yves Rocher. (2019 a). Createur de la Cosmetique Vegetale [In Russian]. Retrieved February 1, 2019 from <<https://www.yves-rocher.ru/>>.
9. Yves Rocher. (2019 b). Createur de la Cosmetique Vegetale. Retrieved February 1, 2019 from <<https://www.yves-rocher.fr/>>.
10. ABBYY Lingvo Live. (2019). Retrieved February 1, 2019 from <<https://www.lingvolive.com/>>.
11. Tolkovyy slovar' frantsuzskogo yazyka «Larousse» [French Explanatory Dictionary "Larousse"]. (2019). Retrieved February 1, 2019 from <<http://www.larousse.fr/>>.

УДК 81'23
UDC 81'23

Плешков Евгений Сергеевич, Харченко Елена Владимировна
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследователь-
ский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация
Yevgenii S. Pleshkov, Elena V. Kharchenko
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
evgeny-pl@mail.ru, ev-kharchenko@yandex.ru

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НАЗВАНИЯ ПЕСЕН:
ПРОТЕСТ ИЛИ ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВУЮ?
ENGLISH SONG NAMES:
PROTEST OR CALL FOR ACTION?**

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты влияния англоязычных названий песен, образованных в результате вторичной номинации из наименований наркотических веществ, на молодёжь. Ввиду большого количества и разнообразия наименований песен различных жанров авторы сочли необходимым ввести специальный термин «сонгонимы». В качестве материала исследования выбрано название песни LSD (исполнитель – рок-группа Hawkwind). Трудно однозначно предположить, какое влияние оказывают на слушателя названия песенного материала: призывают ли они к каким-либо действиям, или, наоборот, вызывают протест и отторжение. Поэтому в данном исследовании для авторов представлялось важным вербализовать образ названия песни LSD в языковом сознании молодых людей и выявить, какие послы несёт в себе данное название – призывные или протестные. С помощью свободного ассоциативного эксперимента, по мнению авторов, «вскрываются» индивидуальные смыслы, вкладываемые индивидуумом в название песни. Эксперимент проводился среди студентов 2–4 курсов в одном из вузов г. Челябинска. Посредством построения ассоциативных полей было выявлено, что наименование песни LSD воспринимается молодыми людьми не как призыв к каким-либо действиям, а как некий протестный элемент отторжения.

Abstract

The article focuses upon some aspects of the impact of English song names resulting from secondary nomination from the names of narcotic substances on young subjects. A large number and variety of song names of different genres encouraged us to introduce a special term «songonyms». As the research material, the name of the song LSD (performed by the rock band Hawkwind) has been chosen. It is difficult to clearly assume what effect song names have on the listener: whether they call for any actions, or, on the contrary, cause a protest and rejection. Therefore, in this study, it seemed important to verbalize the image of the LSD song name in the linguistic consciousness of young people and to reveal what implications this name carries – calling for actions or protest. By means of free associative experiment, according to the authors, individual meanings inserted by an individual into the

song name are "revealed". The experiment has been conducted among 2-4-year students in one of the universities of Chelyabinsk. Through the making up of associative fields, it has been revealed that the song name LSD is perceived by young people not as calling for any actions, but as a protest element of rejection.

Ключевые слова: имя собственное, название песни, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, рок-культура.

Keywords: proper name, song name, language consciousness, free associative experiment, rock culture.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_139_149

1. Введение

Ономастическое пространство любого языка представляет собой сложно организованную, динамическую, открытую систему, способную расширяться в результате появления новых объектов номинации. Не является исключением и ономастикон английского языка, составной частью которого выступают наименования песен. В современном мире существует большое количество музыкальных направлений, музыкальных групп и выпускаемых ими альбомов и, как следствие, бесчисленное множество названий песен. Но отдельного наименования для данной категории слов в науке не существует. В этой связи мы предлагаем для обозначения названий песен ввести специальный термин «сонгонимы» (от англ. song – песня) с целью расширения классификации имён собственных и удобства описания материала при выполнении научных исследований.

Имена собственные представляют собой совершенно особый пласт лексики и являются неотъемлемой частью современной жизни. По словам А. В. Суперанской, «имена собственные живо реагируют на все явления, происходящие в окружающей среде, в результате чего имена оказываются невольными регистраторами явлений природы и событий, имевших место в общественной жизни. Всё это фиксируется в именных основах» [Суперанская 2012, с. 36]. В именах отражаются социальные и культурные особенности жизни общества. В принципе, «мир, в котором мы живём, можно назвать миром имён и названий» [Горбаневский 1987, с. 6], поскольку каждый окружающий нас объект имеет или может иметь собственное имя.

Выше указанные утверждения справедливы и для названий песен, под которыми в данной работе мы понимаем наименования, относящиеся к сфере рок-музыки. Рок-музыка, в свою очередь, является частью молодёжной субкультуры.

Одной из актуальных проблем в ономастике в частности и в языкознании в целом является проблема изучения значения имени собственного, поскольку в науке до сих пор нет единой точки зрения по данному вопросу. Совокупность взглядов на проблему значения имени собственного можно отразить в трех основных позициях. Первая позиция заключается в том,

что у имён собственных отрицается наличие как значения, так и понятия: «Имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком» [Галкина-Федорук, 1956, с. 53]. Таким образом, с этой позиции функция имени собственного состоит в обеспечении простой номинации.

Вторая позиция, разделяемая Г. Суитом, Л. Витгенштейном, А. В. Суперанской и другими, основывается на том, что имя собственное может обрести значение, но только тогда, когда станет употребляться в речи, в специально подобранном речевом окружении и особой речевой ситуации. А. В. Суперанская пишет, что «ономастическая семантика – совершенно особый тип семантики... В семантику имени входят и субъективные, социально обусловленные факторы и эмоции, которые референт вызывает у говорящего» [Суперанская, 2012, с. 323]. Субъективные факты и эмоции отражаются не в основном значении, а в коннотативном. Именно поэтому значение имени больше коннотативное. На это указывает и известный отечественный специалист в области ономастики Г. Ф. Ковалев, занимающийся исследованием имён собственных в художественных произведениях, подчёркивая, что именем имеет только два типа значения: коннотативное и этимологическое [Ковалев 2007, с. 20].

Третья позиция признает наличие у имени собственного и значения, и понятия. Так, О. Есперсен считал, что имя собственное «в каждом отдельном предложении ...имеет одно определённое значение, которое явствует из контекста и ситуации...» [Есперсен, 1958, с. 71]. Е. Курилович утверждал, что «в силу наличия у имени собственного семантического содержания, имя собственное обладает значением, а те объекты, которые оно способно обозначать, составляют сферу его употребления» [Курилович, 1962, с. 251].

Ономастические единицы, по словам Г. Ф. Ковалева, обладают особой ценностью для человека, поэтому они требуют изучения не только в лингвистике, но и во многих других науках [Ковалев, 2017, с. 30]. Мы солидарны с мнением учёного и считаем, что имена собственные, вследствие размытости их семантики, как единицы, по словам А. А. Бурыкина, с «нереализованным смысловым потенциалом» [Бурыкин, 2010, с. 32] целесообразно изучать с позиций психолингвистики.

В настоящее время в рамках Московской психолингвистической школы проводятся исследования языкового сознания представителей различных культур. Под языковым сознанием, вслед за Е. Ф. Тарасовым, мы понимаем опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов, 2000, с. 4]. Однако образы языкового сознания остаются скрытыми для исследователя до тех пор, пока не будут «овнешнены» (термин Е. Ф. Тарасова). Одним из способов овнешнения образов сознания является ассоциативный эксперимент, понимаемый как приём выявления ассоциаций, сложившихся у индивида в предшествующем опыте [Актуальные ..., 2016]. На наш взгляд, целесооб-

разно осуществлять анализ имён собственных в контексте субкультуры с привлечением метода свободного ассоциативного эксперимента, позволяющего выявить специфику языкового сознания носителя той или иной субкультуры.

Актуальность описываемого в статье исследования заключается в том, что в настоящее время существует проблема изучения языкового сознания представителей так широко распространённых в современном мире различных субкультур и их знакового наполнения. Новизна работы определяется тем, что изучение специфики языкового сознания носителей молодёжной субкультуры на материале имён собственных не проводилось.

2. Аспекты влияния рок-культуры на молодёжь

Молодёжные субкультуры принято определять как протестные. Они противопоставляются общепринятой национальной культуре как имеющие собственную «систему норм и ценностей, отличающих группу от большинства обществ» [Лисовский, 1996, с. 332], как «своеобразный «сгусток» норм, идей, ценностей и идеалов в общем поле культуры» [Введение ..., 2001, с. 88].

Музыкальная субкультура, представителями которой являются в том числе и рок-музыканты, пытается донести свои идеи, ценности, идеалы до потребителя различными способами, выступающими в той или иной мере проявлениями протеста. В данной субкультуре можно рассматривать проявления протеста на нескольких уровнях: на уровне музыкальной продукции (собственно музыка и тексты песен); на уровне организации сообщества: визуально-символическом (отражённом во внешнем виде членов субкультуры), языковом, предполагающем наличие более или менее развитого пласта собственного сленга, и т. п.; на поведенческом уровне [Аминова, 2014, с. 276]. Для нас особый интерес представляет первый из указанных уровней, в котором, на наш взгляд, следует учитывать не только тексты песен, но, прежде всего, их названия. Поскольку зачастую именно с названия начинается восприятие песни потребителем, это наименование уже может содержать в себе некий протест либо призыв к действию.

История развития рок-музыки как части общей сферы музыкального производства свидетельствует о тесной связи этого направления с социальными процессами, происходящими в обществе. Возникнув как протест против унифицированной развлекательной поп-музыки, рок превращается в мощное социальное движение, выступающее против негативных явлений в обществе, в частности, таких, как алкоголизм и наркомания. Социальный протест, преподнесённый в нестандартной музыкальной форме, а также массовость и зрелищность этого музыкального направления привлекают в рок-культуру значительную часть современной молодёжи, влияя на формирование её ценностных установок и социальной позиции [Громаков, 2014, с. 115]. Именно поэтому представляется важным исследование всех продуктов рок-культуры, начиная с названий и текстов песен и заканчивая поведением рок-музыкантов.

Рок-культура в целом и рок-музыка в частности более социально ориентированы по сравнению с другими субкультурами и музыкальными направлениями, отражая процессы, которые происходят в обществе и в молодёжной среде, тем самым потенциально являясь и ресурсом, и риском формирования про- или асоциальных граждан [Громаков 2014, с. 117].

Не существует однозначного мнения о влиянии современной рок-музыки и её составляющих (тексты песен, названия песен) на молодёжь. Ни для кого не секрет, что в продуктах рок-культуры зачастую воспеваются темы смерти, суицида, употребления высокоактивных веществ и т. д. В частности, в творчестве музыкальной рок-группы Marilyn Manson звучит тема смерти (например, песни "*King Kill 33°*" (с англ. «Король Убийство 33°»), "*President Dead*" (с англ. «Президент мёртв»). Потребители не всегда воспринимают послы, содержащиеся в продуктах рок-музыки, как протестные. Они могут восприниматься и как призывные, особенно в молодёжной среде. Так, например, в 1999 году в школе «Колумбайн» в США подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили массовое убийство. После этого общественность обвинила Мэрилина Мэнсона в пропаганде агрессии и насилия, а также суицидов и сатанизма по причине того, что эти подростки являлись фанатами группы Marilyn Manson. Тема наркотиков также широко представлена в творчестве рок-музыкантов, в том числе и в названиях песен. Приведём следующие примеры: *Cocaine* – песня Nazareth, *LSD* – песня Hawkwind, *Sincemilla* (ямайская разновидность анаши) – песня Black Uhuru, *Morphium* – песня Carlos Peron, *Heroin* – песня Velvet Underground и др.

Здесь нетрудно заметить, что данные названия образованы в результате процесса вторичной номинации, а их мотивирующими основами являются названия химических веществ. В данной ситуации имеет место случай, когда имя собственное материально совпадает с именем нарицательным, что можно рассматривать как случай омонимии имён собственных [Бурыкин, 2010, с. 29]. Возможна и несколько иная ситуация, когда одно уникальное имя прикладывается к множеству объектов. В частности, А. А. Бурыкин приводит следующий пример: Москва – это не только название столицы России, это еще и название гостиниц в Москве и Ленинграде-Санкт-Петербурге, это название пищащей машинки, название бассейна, находившегося некогда на месте Храма Христа Спасителя, название футбольного клуба, существовавшего в Москве до 2008 года, название ледокола [Бурыкин, 2010, с. 27]. Такие примеры можно рассматривать как явление полисемии онимов. Полисемия наблюдается и в именах собственных, образованных на основе названий химических веществ. Так, *Morphium* – это не только название песни Carlos Peron, но также и название испанской музыкальной группы. Следует отметить, что зачастую дифференцировать явления омонимии и полисемии онимов представляется трудной задачей, поэтому данная проблема является важной в русле проблем изучения значения имени собственного.

Что касается связи рок-музыки и наркотических веществ, то есть мнение, что между рок-музыкой и наркотиками существует определенная связь. В частности, пропагандировал наркотические вещества писатель Кен

Кизи в известном романе «Полет над гнездом кукушки» (1962 г.) и раздавал LSD (один из сильнейших наркотиков, активно действующих на сознание) всем зрителям на концертах с участием рок-музыкантов [Володихин, 2002, с. 52–60]. Как правило, зрителями подобных мероприятий являются молодые люди, психика которых очень лабильна, и стимулирование подобными «подарками» может привести к деструктивным последствиям.

Трудно однозначно предположить, какое влияние оказывают на потребителя (слушателя) названия песенного материала: призывают ли они к каким-либо действиям, или, наоборот, вызывают протест. В современных условиях, в век Интернета и развития информационных технологий молодые люди предпочитают прослушивать музыкальные композиции в социальных сетях. Открывая плейлист, первое, что они видят, – это названия группы (исполнителя) и песни. То есть ещё до прослушивания песни у них в сознании складывается некий образ, конструируемый на основе наименования песенного материала. Некоторые названия привлекают внимание, а другие – отталкивают. К примеру, если в наименовании присутствуют темы смерти или наркотиков, а слушатель является фанатом рок-музыки либо фанатом конкретной группы, авторитетной для него, или он просто получает удовольствие от прослушивания, то посылы, содержащиеся в названии, возможно, будут восприниматься как «хорошие» и «правильные».

Однако смыслы, вкладываемые в наименование песни, для каждого будут индивидуальными. Как отмечает А. В. Суперанская, смыслы имени собственного проявляются на уровне речи в виде комплекса субъективных сведений и эмоциональных обертонов, индивидуальных для каждого носителя языка [Суперанская, 2012, с. 322–323]. Одним из способов «вскрытия» индивидуальных смыслов имени собственного выступает свободный ассоциативный эксперимент, с помощью которого целесообразно осуществлять анализ названий песен.

Реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать её как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, значимый и важный для его языкового сознания [Виноградова, Стернин, 2016, с. 47].

3. Эксперимент

3.1. Материал исследования

В качестве материала исследования мы выбрали название песни «LSD» (группа Hawkwind). Данное наименование образовано в результате вторичной номинации из химического термина и его мотивирующей основой является апеллятив lysergic acid diethylamide (диэтиламид лизергиновой кислоты) – сильное психоактивное вещество.

Нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент в декабре 2018 года среди студентов 2–4 курсов (50 респондентов), обучающихся по направлению «Химия» в Южно-Уральском государственном универси-

тете (г. Челябинск). Возраст респондентов как представителей молодёжной субкультуры укладывался в предел от 18 до 24 лет. Гендерный состав группы респондентов характеризовался следующим образом: по 50% респондентов мужского и женского пола. Цель эксперимента состояла в вербализации образа названия песни «LSD» в языковом сознании студентов. Для нас также представлялось важным выявить, какие посылы несёт в себе данное название – призывные или протестные.

Построение ассоциативного поля (далее – АП) слова-стимула *LSD* позволило выявить образы языкового сознания студентов. Рассмотрим тенденции, которые мы обнаружили в процессе проведения анализа.

3.2. Обсуждение результатов

Обратимся к содержанию АП слова-стимула *LSD*. Ядро составленного нами АП представлено следующими реакциями: *наркотик* (5), *веселье* (4), *галлюцинации* (4), *зависимость* (3). Полученные ассоциаты иллюстрируют две семантические зоны: «LSD как наркотик» и «последствия приёма LSD». Причём последнюю зону можно условно разбить на два подуровня – «положительные последствия» (*веселье*) и «отрицательные последствия» (*галлюцинации, зависимость*).

Итак, ассоциаты ядерной зоны (наиболее частотные реакции) вербализуют в большинстве своём негативное отношение респондентов, то есть его актуализацию в сознании можно охарактеризовать как «протестную».

Анализ периферии (менее частотные реакции) АП показал следующую картину: *клуб* (2), *синтез* (2), *таблетки* (2), *фильм* (2), *яркость* (2), *бумажка, велосипед, вред, группа, дорого, запрещён, кайф, колесо, краски, круто, человек, мультик, мы такое не купим, опасность, пакетик, песня, сильный, сложно найти, смерть, СПИД, туман, увечья, Хофманн, эксперимент* (единичные реакции). Как видим, периферия представлена богатым набором реакций по сравнению с ядерной зоной и имеет важное значение для полноценного анализа образов языкового сознания. Поэтому при анализе АП необходимо учитывать все ассоциаты независимо от их частотности. В периферийной зоне АП чётко прослеживаются несколько семантических зон:

1) «формы и способы приёма LSD»: *таблетки, бумажка, колесо* [*таблетка' в сленге наркоманов*], *пакетик*;

2) «характеристики и свойства»: *дорого, запрещён, круто, сильный, сложно найти, мы такое не купим*;

3) «последствия приёма LSD» – зона, которая выражена более ярко по сравнению с аналогичной зоной в ядре: *яркость, кайф, краски, круто* – «положительные последствия», *вред, опасность, смерть, СПИД, туман, увечья* – «отрицательные последствия»;

4) «получение LSD» – *велосипед, синтез, Хофманн, эксперимент*, – где представлены реакции, значимые с точки зрения будущего специалиста-химика и обусловленные процессом формирования профессионального языкового сознания.

Особенно интересной, на наш взгляд, здесь является ситуация, когда на имя собственное (название песни «LSD») даётся реакция в виде другого

имени собственного – антропонима Хофманн (Альберт Хофманн – швейцарский химик, «отец» ЛСД). Ещё одной интересной особенностью выступает реакция велосипед, которая также связана с именем А. Хофманна («День велосипеда» 19 апреля 1943 года, когда А. Хофманн преднамеренно, первым из людей, принял внутрь ЛСД). Полученные ассоциаты свидетельствуют о том, что респонденты не понаслышке знакомы с ЛСД и проявляют к нему интерес. Отдельно можно выделить реакции *клуб*, которую можно рассматривать как место употребления или покупки наркотика, что не является редкостью в молодежной среде, и *человек* – создатель, потребитель, продавец. Вызывают опасение такие ассоциаты, как *кайф* и *круто*, отражающие положительные коннотации в процессе ассоциирования, поскольку они наталкивают на мысль о том, что часть респондентов имели подобный опыт. Сходным же образом можно охарактеризовать ассоциаты *сильный*, *дорого*, *сложно найти*. Ассоциат *мы такое не купим*, наоборот, свидетельствует об отрицательном отношении. Также следует отметить реакции *фильм* и *мультик*, которые можно объяснить знакомством студентов с так называемыми психоделическими видеопродуктами, т. е. созданными людьми, находящимися под действием наркотических веществ. Интересно, что только 4% респондентов идентифицировали название «LSD» как песню или группу. Этот факт, возможно, указывает на то, что данное наименование актуализируется в сознании не как имя собственное, а именно как наркотическое вещество с соответствующими характеристиками, что может быть обусловлено влиянием профессионального языкового сознания.

Итак, ассоциаты периферийной зоны вербализуют в большей степени негативные коннотации при предъявлении стимула LSD, что наблюдалось и в ядерной зоне. То есть посыл, содержащийся в данном наименовании, вербализуется в языковом сознании респондентов как «протестный».

4. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, введение в научный оборот термина «сонгоним» представляется полезным и вносит определённый вклад в теорию ономастики, которая охватывает всё больше областей деятельности человека. В языковой составляющей рок-культуры как одного из наиболее социально-ориентированных направлений бунтарского характера сонгонимы, несомненно, занимают важное место. Многие из них представляют собой диалектическое единство протеста-призыва, вскрывая острые противоречия различных аспектов антисоциального поведения, включая наркоманию, захлестнувшую мир. Нельзя не заинтересоваться тем, какое отражение в языковом сознании людей разного возраста, уровня образования, профессий и так далее имеют соответствующие онимы.

При помощи психолингвистических методов, а именно ассоциативного эксперимента, было выяснено, какое отражение находит сонгоним LSD в языковом сознании студентов-химиков. Результаты исследования показали, что наименование песни «LSD» было воспринято участниками

эксперимента не как призыв к каким-либо действиям, а как некий протестный элемент отторжения, поскольку и в ядерной, и в периферийной зонах преобладающей ассоциацией оказалась «наркотик, вызывающий галлюцинации и зависимость, наносящий вред здоровью и могущий привести к смерти». Тем не менее, не стоит сбрасывать со счетов и положительные коннотации данного слова-стимула, присутствующие как в ядерной, так и в периферийной зонах. Считаем, что в конкретной ситуации восприятие названия песни и конструирование образа будет зависеть от индивидуальных особенностей психотипа человека и, вероятно, его возраста. Профессиональное языковое сознание также может сыграть определённую роль: не исключено, что у респондентов-филологов, журналистов, музыкантов и так далее, распределение зон оказалось бы несколько другим. Выяснение этого и ряда других моментов составит перспективу настоящего исследования.

Список литературы

1. Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов [Текст] / Н. В. Уфимцева, А. В. Рудакова, И. А. Стернин, М. Дебрэнн, Л. О. Бутакова // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр. – Вып. 3 / науч. ред. А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 4–19.
2. Аминова, В. А. Протест в субкультуре металлистов [Текст] / В. А. Аминова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 275–279.
3. Бурыкин, А. А. Проблемы полисемии и омонимии в ономастике [Текст] / А. А. Бурыкин // Ономастика и общество: язык и культура. Материалы Первой Всероссийской научной конференции (14–15 октября 2010 года). – Тамбов, 2010. – С. 25–35.
4. Виноградова, О. Е. Психолингвистические методы в описании семантики слова [Текст] / О. Е. Виноградова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2016. – 160 с.
5. Володихин, Д. М. Музыка наших дней: современная энциклопедия [Текст] / Д. М. Володихин. – М. : Аванта-плюс, 2002. – 432 с.
6. Галкина-Федорук, Е. М. Слово и понятие [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1956. – 54 с.
7. Горбаневский, М. В. В мире имен и названий [Текст] / М. В. Горбаневский. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
8. Громаков, А. И. Рок-музыка как кейс музыкальной социализации [Текст] / А. И. Громаков // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 115–117.
9. Введение в социологию искусства [Текст] / Е. В. Дуков, В. С. Жидков, Ю. В. Осокин, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. – СПб : Алетейя, 2001. – 256 с.
10. Есперсен, О. Философия грамматики: пер. с англ. [Текст] / О. Есперсен. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.
11. Ковалев, Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях [Текст] / Г. Ф. Ковалев // I Крымские Международные Михайловские чтения «Собственное имя в русской и мировой литературе». – Крым – Донбасс, 2007. – С. 19–23.

12. Ковалев, Г. Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов [Текст] / Г. Ф. Ковалев // Русистика без границ. – 2017. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 30–40.
13. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике: сб. статей. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 251–256.
14. Лисовский, В. Т. Социология молодежи [Текст] / В. Т. Лисовский. – СПб., 1996. – 460 с.
15. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 368 с.
16. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 2–3.

References

1. Ufimtseva, N. V., Rudakova, A. V., Sternin, I. A., Debrenn, M., Butakova, L. O. (2016). Aktual'nye problemy provedeniya i interpretatsii resul'tatov psikholingvisticheskikh experimentov [Current issues of performing psycholinguistic experiments and interpreting their data]. In A. V. Rudakova, *Psikholingvistika i leksikografiya* [Psycholinguistics and lexicography]: A collection of scientific papers (Vol. 3, 4–19). Voronezh: Istoki Press.
2. Aminova, V. A. (2014). Protest v subkul'ture metallistov [Protest in a heavy metal subculture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2, 275–279.
3. Burykin, A. A. (2010). Problemy polisemii i omonimii v onomastike [Issues of polysemy and homonymy in onomatology]. *Onomastika i obshchestvo: yazyk i kul'tura* [Onomatology and society: Language and culture]. Proc. First All-Russia Scientific Conference, October 14–15, 2010 (pp. 25–35). Tambov.
4. Vinogradova, O. E., Sternin, I. A. (2016). Psikholingvisticheskie metody v opisaniy semantiki slova [Psycholinguistic methods in the description of the semantics of the word]. Voronezh.
5. Volodikhin, D. (2002). *Muzyka nashikh dney: sovremennaya entsiklopediya* [Music today: A modern encyclopedia]. Moscow.
6. Galkina-Fedoruk, E. M. (1956). *Slovo i ponyatie* [Word and concept]. Moscow.
7. Gorbanevskiy, M. V. (1987). *V mire imen i nazvaniy* [In the world of names]. Moscow.
8. Gromakov, A. I. (2014). Rok-muzyka kak keys muzykal'noy sotsializatsii [Rock music as a case of musical socialization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 1, 115–117.
9. Dukov, E. V., Zhidkov, V. S., Osokin, Yu. V., Sokolov, K. B., Khrenov, N. A. (2001). *Vvedenie v sotsiologiyu iskusstva* [Introduction into the sociology of art]. Saint Petersburg.
10. Espersen, O. (1958). *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow.

11. Kovalev, G. F. (2007). Aspekty izucheniya imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [The problem of studying nomina propria in belleslettres]. I Krymskie Mezhdunarodnye Mikhaylovskie chteniya «Sobstvennoe imya v russkoy i mirovoy literature» [The First International Mikhaylovskie Readings in Crimea] (pp. 19–23). Crimea ; Donbass.
12. Kovalev, G. F. (2017). Literaturnaya onomastika – pole issledovaniy dlya literaturovedov i lingvistov [Literary Onomastics – General Field Research for Specialists in Literature and Linguistics]. Rusistika bez granits [Russian Studies without Borders], 1, 2 (2), 30–40.
13. Kurilovich, E. (1962). Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke [The position of a proper name in the language]. Ocherki po lingvistike [Categories: Linguistics] (pp. 251–256). Moscow.
14. Lisovskiy, V. T. (1996). Sotsiologiya molodezhi [Sociology of youth]. Saint Petersburg.
15. Superanskaya, A. V. (2012). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [The general theory of a proper name]. Moscow.
16. Tarasov, E. F. (2000). Yazykovoe soznanie – perspektivy issledovaniya [Language consciousness – outlook for research]. *Yazykovoe soznanie: sodержanie i funktsionirovanie* [Language consciousness: Content and functioning]: XIII International Symposium in Psycholinguistics and the Theory of Communication. Moscow : Institute for Language Studies of Russian Academy of Sciences, 2000. – С. 2–3.

УДК 811.1/.2, 81'276
UDC 811.1/.2, 81'276

Попова Елена Павловна
Российский государственный университет правосудия
г. Москва, Российская Федерация
Elena P. Popova
Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation
elenapavmail@gmail.com

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ КАК ИСТОЧНИК
ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**
**SEMANTIC SHIFT AS A SOURCE OF LEGAL TERMINOLOGY
DEVELOPMENT (BASED ON ENGLISH)**

Аннотация

Статья посвящена семантическому способу образования, его роли и месту в формировании англоязычных юридических терминов на разных этапах развития правовой лексики. Семантический способ образования (в разных источниках: семантический сдвиг, семантический перенос, семантическая деривация) является одним из внутренних ресурсов развития и пополнения словарного состава языка наряду со словообразованием. Небольшой экскурс в теорию терминологии в начале статьи позволяет определить статус термина, его основные признаки, семантические требования к термину и произвести обзор наиболее распространенных способов терминообразования. Далее определяется место и роль юридической лексики по отношению к общелитературному языку и затрагивается проблема вариантности английских правовых терминов.

Динамика в семантической структуре слова хорошо прослеживается в диахронических и синхронических исследованиях семантически переосмысленных единиц с позиций их связи с экстралингвистическими реалиями. Практическая часть статьи фокусируется на языковом материале древнеанглийского, среднеанглийского и ранненовоанглийского периодов в соотношении их с периодами англосаксонского права. В ходе эксперимента на материале английского юридического языка выявлено, что при определённых исторических и социальных условиях семантические переносы (метафора, метонимия, сужение и расширение объёма понятия) могут стать средствами формирования юридической терминологии. Метафора и метонимия в юридическом языке служат механизмами образного выражения конкретной правовой ситуации или эвфемизации. Источником такого семантического терминообразования выступает фонд активной общепотребительной лексики.

Abstract

The article considers the issues of semantic derivation, its role and place in English legal terms forming at different stages of legal vocabulary development. Semantic derivation (in various sources also referred to as semantic shift and semantic transfer), along with word-

building, is one of the internal sources of a language word-stock development and enlargement. A short insight into the theory of terminology at the beginning of the paper enables to determine the status of a term, its relative features, semantic requirements for a term, and to review the most common ways of term formation. Further, the place and role of legal vocabulary are viewed in relation to general literary language, and the issue of English legal terms variance is brought up.

Dynamics in the semantic structure of a word is well traced in diachronic and synchronic studies of semantically reinterpreted items from the point of view of their connection with extra linguistic realities. In the experiment, the focus has been made upon the linguistic material of the Old English, Middle English and Early Modern English periods in relation to the periods of Anglo-Saxon law. The results obtained from the material of Legal English indicate that under certain historical and social conditions, semantic shifts (metaphor, metonymy, semantic narrowing and widening) can become a source of legal terminology forming. Metaphor and metonymy in Legal English are the tools to express a certain legal situation by the use of the corresponding images or euphemisms. The common active vocabulary belonging to fundamental lexis is the source of such term formation.

Ключевые слова: семантический перенос, семантическая деривация, юридическая терминология, метафора, метонимия.

Keywords: semantic shift, semantic derivation, legal terminology, metaphor, metonymy.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_150_159

1. Введение

Статус термина как единицы специальной номинации определяется набором его основных признаков: «обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, стилистическая нейтральность, номинативность, устойчивость и воспроизводимость в речи» [Гринёв-Гриневиц, 2008, с. 30 ; Капанадзе, 1965, с. 81]. Семантическими требованиями к термину являются: непротиворечивость семантики термина (соответствие отражаемому понятию), однозначность в данной терминологии (одна лексическая форма может иметь разные значения в разных областях знаний), полнзначность (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для обозначаемого понятия), отсутствие синонимов [Лотте, 1961]. На практике требования к отсутствию синонимов и однозначности термина редко выполнимы: во всех областях знаний наблюдаются разные виды синонимии (между автохтонными и заимствованными терминами, неологизмами и устаревающими терминами и т. д.), полисемия и омонимия терминов.

Среди наиболее распространённых способов образования терминов могут быть названы следующие: заимствование или калькирование иноязычных терминов, морфологический способ (создание нового термина путём деривации), аббревиация (усечение компонентов исходного сложного

слова), синтаксический (сращение двух или более лексических единиц) и семантический способы. Под семантическим способом терминообразования понимается адаптация общеупотребительных слов с помощью специализации их значений для возможности употребления в специальной области.

Самый древний пласт терминологической лексики, не только юридической, составляют простые исконные термины, образованные путём изменения ранее существовавших в языке слов (семантический способ). Заимствования из общеупотребительного языка сопровождаются терминологизацией, расширением, сужением или изменением значения путем метонимического или метафорического переносов. В основе метафоры лежит сравнение одного предмета с другим на основании их общего признака. Данный троп используется для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному объекту в каком-либо отношении [ЛЭС, 1990, с. 296]. Под метонимией понимается «регулярный или окказиональный перенос имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [ЛЭС, 1990, с. 300]. Ассоциируемые объекты могут быть связаны в человеческом сознании пространственными, понятийными, событийными, синтагматическими и логическими отношениями.

Использование механизмов семантического переноса заметно уже на начальном этапе «формирования значения некоторых научных понятий, когда язык исследователя и язык научного сообщества еще не совпадают» [Петров, 1982, с. 82]. Общеупотребительная лексика, таким образом, наряду с заимствованием или калькированием иноязычных терминов-элементов, становится одним из источников образования терминов [Гринёв-Гриневиц 2008, с. 125].

Современная англоязычная юридическая лексика содержит термины, которые закрепились в профессиональном словаре в разные исторические периоды в результате развития социальных и экономических отношений в обществе [Левина, 2007]. В связи с этим данное исследование семантической деривации как способа образования юридических терминов производится с позиций нового направления в языкознании – юридической лингвистики. Эта дисциплина располагается на стыке интересов лингвистики и права «и потому призвана находить подходы к решению задач на едином поле юридических и лингвистических интересов» [Глинская, 2012, с. 218].

Научный интерес к семантической деривации в юридической терминологии продиктован потребностями практики. Большое количество современных исследований в области правовых терминов проводится в рамках сравнительно-сопоставительного изучения англоязычных и русскоязычных терминов права ввиду различий двух правовых систем [Хижняк, 1997; Капшутарь, Филиппова, 2016; Кравчук, 2016]. При контрастивном лингвистическом анализе исследователи также уделяют значительное внимание выявлению типичных морфологических моделей, по которым происходит

образование терминов в данном языке. Данная работа выходит за рамки контрастивной лингвистики и фокусируется на использовании тропов в юридической терминологии в процессе переосмысления объекта наименования с включением оценочного, чувственного или образного компонента. Метафора и метонимия в терминообразовании демонстрируют взаимозависимость культурного, семантического, стилистического и когнитивного элементов языковой номинации [MacCormac, 1990]. Специфика семантической деривации в терминологии права «позволяет сравнивать несопоставимое – конкретное и абстрактное, одушевленное и неодушевленное, время и пространство» [Арутюнова, 1978].

В данной работе в качестве материала используется терминология англо-саксонского права. Сплошная выборка терминов производилась с привлечением ресурсов Oxford English Dictionary Historical Thesaurus [OED, 2017].

2. Юридическая лексика английского языка

Корпус юридической лексики любого языка можно рассматривать как подсистему, имеющую собственные функции и средства выражения, то есть автономную по отношению к общелитературному языку. Автохтонные термины образуют особую группу специальной лексики: объём значений таких терминов равен объёму их значений в общеупотребительной лексике, так как в древности они номинировали наивные (донаучные) представления о праве и сохранили свое значение до наших дней. В английском языке данная группа принадлежит к самому древнему пласту специальной лексики (напр.: *wrong* 'правонарушение' < др.-а. *wrang* 'то, что неправильно', *writ* 'судебный приказ, извещение' < др.-а. *writ* 'записка', *will* 'завещание' < др.-а. **willan* 'воля, желание', *lahbryce* 'нарушение закона' < др.-а. *lah* 'закон' + др.-герм. **brek-* 'нарушать' и т. д.). С развитием теории права и ростом практики правоприменения появилась новая группа терминов, заимствованных из общеупотребительной лексики и образованных семантическим способом. Особенность английской юридической терминологии выражается в наблюдаемых отношениях синонимии, антонимии, полисемии и омонимии, возникающих между нейтральной лексикой и средствами номинации правовых понятий. Вариантность английских правовых терминов обусловлена историческими условиями, при которых формировалась терминология [Попова, 2017].

2.1. Англосаксонский период (V–XI вв.)

С точки зрения истории права англосаксонский период характеризовался активным участием населения в отправлении правосудия, которое вершилось на основании местных обычаев. Общество руководствовалось системой первичных мононом (правил поведения) для упорядочения хозяйственных, бытовых, семейных и религиозно-ритуальных отношений. В такой системе право было практически неотделимо от норм религии и морали и базировалось на дихотомии «свой – чужой», что отражено в корпусе

общеупотребительной полисемичной лексики древнеанглийского периода: *gōd* 'подходящий, справедливый' – *wrang* 'неподходящий, несправедливый', *efen* 'беспристрастный, справедливый, правдивый' – *unefen* 'предубеждённый, несправедливый', *maect* 'моральное полномочие, право' – *miss* 'недостаток, ошибка, злой умысел'.

Недостаточное развитие теории права в данный период, отсутствие единой судебной системы и системы права создавали условия для аллегорико-символической образности при выборе средств номинации. Так, одним из наиболее востребованных источников пополнения словарного состава языка в правовой сфере в данный период можно назвать семантические переносы (метафора, метонимия, сужение и расширение объёма понятия), приводившие к появлению новых значений у уже существовавших слов [Ильиш, 1951, с. 74]. При таком лексико-семантическом процессе словообразования производящая основа и производное слово совпадают в плане выражения, но расходятся в плане содержания.

Слова, образованные путём метафоризации, могли выполнять номинативную, характеризующую, идентифицирующую или классифицирующую функцию: *alms* 'имущество, полученное в дар' < *alms* 'милостыня, благотворительность', *lord* 'муж' < *lord* 'господин, повелитель', *house* 'заведение, место для ведения переговоров и приёма посетителей' < *house* 'дом', *niman* 'красть' < *niman* 'брат в руки'.

Использование тропов могло приводить к полисемии слова – изменению семантической структуры, при котором слово сохраняет первоначальное (центральное значение) и одновременно приобретает одно или несколько новых (второстепенных) значений. Семантическая деривация также могла стать причиной распада слова на омонимы, к которой относят все случаи объединения фонетической оболочки двух и более слов, восходящих этимологически к различным словам [A course ..., 1979, pp. 33–51]. Концепция разграничения полисемии и омонимии в терминологии сформулирована О. С. Ахмановой: если термины совпадают в плане выражения, но отличаются в плане содержания, то данное явление необходимо рассматривать как пример полисемии в рамках одной терминосистемы и как омонимию в разных терминосистемах [Akhmanova, 1977] (ср.: совр. *doomer* 'экологический пессимист' < др.-а. *doomer/deemer* 'судья' < др.-а. *doom* 'мораль, равноправие; рок; судьба'). Также, в зависимости от текстуального окружения слово могло быть признано общеупотребительной или специальной единицей: *rechtwis* 'законный; правомерный' < *rechtwis* 'правильный', *play* 'использование оружия, упражнение с оружием' < *play* 'забава; представление, спектакль'.

Ряд лексем, номинирующих различные виды наказания, были также образованы путём метонимизации: *limlāw* 'наказание, при котором преступника намеренно калечили' < *lim* 'конечность, часть тела' + *lāw* 'рана, увечье', *hættian* 'снять скальп преступника в качестве наказания' < *hæt* 'шляпа' (перенос по смежности), *wilde hors* 'четвертование' < *wilde* 'дикий' + *hors* 'лошадь', *heāfodstoc* 'шест, на котором выставляли на всеобщее обозрение отрубленную голову преступника' < *heāfod* 'голова' + *stoc* 'шест' (перенос по вовлеченности в одну ситуацию) [OED, 2017].

2.2. Ранненормандский период

В ранненормандский период, который совпадает со среднеанглийским периодом с точки зрения истории языка, связь между процессами метафоризации / метонимизации и развитием корпуса специальной лексики становится более выраженной.

Постепенная централизация власти, отход от бытовых представлений о праве, судебная реформа и определение функционала правоведов создали условия для формирования особого языка, способного обслуживать новую профессиональную область. Данный процесс потребовал задействования всех доступных способов пополнения словаря как внешних, так и внутренних: заимствования, деривации, словосложения и изменения семантической структуры слова.

Способствуя привлечению общеупотребительной лексики в сферу профессиональной коммуникации, метафорический перенос в данный период остаётся источником полисемии и омонимии слова (*amys* 'проступок' < *amys* 'ошибка', *partynges* 'компаньонство, партнёрские отношения' < *partynges* 'разделение на мерные части'). Различение случаев омонимии и полисемии по-прежнему может быть произведено исключительно с опорой на текстуальное окружение.

Некоторые примеры использования метафоры указывают на стремление к упорядочению и своеобразному «очищению» профессиональной лексики с помощью эвфемизации. В связи с общим уточнением форм быта и формализацией правовых отношений эвфемизмы были призваны устранить просторечные слова из сферы правовой коммуникации: *familiarite* 'прелюбодеяние' < *familiarite* 'близкое знакомство' вместо *bawdry* 'блуд, прелюбодеяние', *to molefy* 'смягчать суровое наказание' < *to molefy* 'размягчать, задабривать' вместо *soften* 'размягчать, смягчать'.

2.3. Период выделения статутного права и права справедливости

В ранненормандский период метонимизация как механизм семантической деривации становится одним из дополнительных источников специальной лексики, вследствие закрепления за некоторыми единицами сферы употребления: *execution* 'смертная казнь' < *exe* 'топор', *hand* 'средство возмездия; тот, кто реализует власть' < *hand* 'рука', *kutpers* 'карманник' < *kut* 'резать' + *pers* 'кошелёк', *breker* 'клятвопреступник' < *breke* 'нарушать'.

Метонимическая номинация по какой-либо черте или признаку, присутствующим самому объекту и лежащим в основе названия объекта, хорошо прослеживается в структурно-сложных посессивных словах данного периода: *euell-willi* 'желающий зла, злоумышленный' (букв. 'корзина, полная зла') < *euell* 'злой' + *willi* 'корзина', *kynde-witted* 'здравомыслящий, мудрый' (букв. 'с добрым умом') < *kynde* 'добрый' + *witted* 'ведающий, обладающий знаниями', *bare-handyd* 'безоружный' < *bare* 'пустой' + *hand* 'рука'+*-ed/ud* [OED, 2017].

Как видно из примеров, в метафорическом или метонимическом переносе могли быть задействованы механизмы эллипсиса (стяжения):

gode-herted 'честный = человек с хорошим сердцем', *euell-willi* 'злоумышленный = корзина, полная зла'.

С точки зрения истории языка период выделения статутного права и права справедливости совпадает по времени с ранненовоанглийским периодом и характеризуется развитием теоретических знаний и выделением юридической науки, состоящей из ряда отраслей (гражданское право, уголовное право, семейное право и т. п.). Научные труды в области философии права способствовали созданию условий для формирования специальной лексики и, в частности, юридической терминологии. Метафора и метонимия, уступая место иным способам пополнения словарного состава языка в области правовой коммуникации, оставались, тем не менее, востребованными механизмами речи.

Примеры метафоры данного периода иллюстрируют возможность различного выражения конкретной правовой ситуации путём семантического сдвига: *wyndefall* 'неожиданное приобретение' < *wynde* 'ветер' + *fall* 'падение'. Это существительное впоследствии закрепились в профессиональной речи юристов в качестве термина, указывающего на неосновательное обогащение, например, незаконное взимание дополнительных средств при оказании какой-либо услуги (*windfall*) [OED, 2017].

Заслуживает внимания общеупотребительное существительное *myrmidon* 'приспешник' (по аналогии с персонажем древнегреческой мифологии), употреблявшееся в уничижительном смысле применительно к представителям власти. С вхождением данного слова в сферу правовой коммуникации произошло обеднение его семантической структуры и закрепление в сверхсловном образовании *myrmidon mutuaries of the law* 'блюстители закона'. Сужение объёма понятия (специализация значения) также характерно для единиц при их окказиональном употреблении. В частности, в работах философов права конца XVII в. появились новые значения слов *obtestation* 'протест' < *obtestation* 'заклинание, мольба', *maturity* 'достижение возраста гражданской дееспособности; срок исполнения обязательств по договору, напр. платежа' < *maturity* 'созревание', *modesty* 'самоконтроль' < *modesty* 'скромность' и другие [OED, 2017].

Метонимия, как и метафора, позволяла реализовать переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления, что наблюдается в экзоцентрических метонимических композитах: *head-worker* 'интеллектуал, работник умственного труда' < *head* 'голова' + *worker* 'рабочий', *head-wise* 'умный, образованный' < *head* 'голова' + *wise* 'мудрый'. Мотивирующей основой могли становиться наименования не только частей тела человека, но и предметов одежды: *long-robe man* 'юрист' < *long* 'длинный' + *robe* 'мантия, широкая одежда' + *man* 'человек' [OED, 2017].

Механизмы метонимизации были востребованы и при описании действия с опорой на смежность понятий или участие в одной ситуации. Так, в результате метонимического переноса и специализации значения в корпус правовой лексики входят глагол *participate* в значении 'иметь долю в общей собственности' < *participate* 'участвовать, обладать общим с други-

ми качеством, делиться и т. д. ' и имя нарицательное *derrick* 'палач, виселица, висельник', образованное путём метонимии от имени известного палача, жившего в Лондоне на рубеже XVI–XVII вв. На основе данного существительного путём конверсии образован глагол *derrick* 'повесить, казнить' [OED, 2017].

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, изучение семантической структуры слова необходимо производить с позиций её связи с экстралингвистическими реалиями и в рамках диахронических и синхронических процессов. Диахронический подход к исследованию позволяет наблюдать и объяснять причины развития новых значений у лексической единицы без потери исходного значения. Во-вторых, можно утверждать, что механизмы терминологизации активизировались участниками правовой коммуникации, задействовавшими фонд нейтральной лексики в качестве источника юридической терминологии. В-третьих, на протяжении всей истории развития англоязычных средств номинации правовых реалий метафорический и метонимический переносы являлись одним из продуктивных способов терминообразования и способствовали появлению отношений полисемии и омонимии терминов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
2. Глинская, Н. П. Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия (Рец. на кн.: *The Oxford Handbook of Language and Law*. Edited by P. M. Tiersma and L. M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 642 p.) [Текст] / Н. П. Глинская // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 218–220.
3. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие [Текст] / С. В. Гринёв-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
4. Ильиш, Б. А. История английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. – М.: Рипол Классик, 1951. – 421 с.
5. Капанадзе, Л. А. О понятии «термин» и «терминология» [Текст] / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука 1965. – С. 75–85.
6. Капшутарь, Е. С. Особенности перевода современных англоязычных терминов права [Текст] / Е. С. Капшутарь, М. М. Филиппова // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 41–53.
7. Кравчук, Ю. С. Лексема «собственность» и ее английский эквивалент в материале текстовых корпусов: особенности функционирования в английском и русском языках [Текст] / Ю. С. Кравчук // Общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 153–158.

8. Левина, М. А. Специфика метафорических переносов в отраслевой терминосистеме [Текст] / М. А. Левина // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2007. – Вып. 1 (8). – С. 146–150.
9. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская Энциклопедия, 1990. – 688 с.
10. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
11. Петров, В. В. Семантика научных терминов [Текст] / В. В. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 125 с.
12. Попова, Е. П. Становление английской юридической терминологии [Текст] / Е. П. Попова. – М. : РГУП, 2017. – 132 с.
13. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав [Текст] / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 136 с.
14. A Course in Modern English Lexicology [Text] / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. – 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow : Vysšaja škola Press, 1979. – 269 p.
15. Akhmanova, O. S. Linguistic Terminology [Text] / O. S. Akhmanova. – Moscow : Moscow University Press, 1977. – 188 p.
16. MacCormac, E. R. A Cognitive Theory of Metaphor [Text] / E. R. MacCormac. – MIT Press, 1990. – 264 с.
17. OED Historical Thesaurus [Electronic Resource]. – URL : <http://www.oed.com/view/th/class/180244> (дата обращения: 14.09.2017).

References

1. Arutyunova, N. D. (1978). Funktsional'nyye tipy yazykovoy metafory [Functional types of language metaphor]. *Izvestiya AN SSSR*, 37 (4), 333–343.
2. Glinskaya, N. P. (2012). *Yazyk i pravo: panoramnyy vzglyad na sovremennoye sostoyaniye mezhdistsiplinarnogo vzaimodeystviya* [Language and law: a panoramic view of the current state of interdisciplinary interaction.]. Voronezh : Voronezh State University.
3. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology studies] Moscow : Akademiya Press.
4. Il'ish, B. A. (1951). *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of English]. Moscow : Ripol Klassik Press.
5. Kapanadze, L. A. (1965). O ponyatii «termin» i «terminologiya» [On the notions of «term» and «terminology»]. *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian vocabulary development] (pp. 75–85). Moscow : Nauka Press.
6. Kapshutar, E. S., Filippova, M. M. (2016). Osobennosti perevoda sovremennykh angloyazychnykh terminov prava [Translation of modern English law terms]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 10 (58), 41–53.
7. Kravchuk, Yu. S. (2016). Leksema «sobstvennost'» i ee angliyskiy ekvivalent v materiale tekstovykh korpusov: osobennosti funktsionirovaniya v angliyskom i russkom yazykakh [The features of the functioning of lexeme “real property” and

- its English equivalent in the English and Russian languages (On the basis of text corpora)]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 1, 153–158.
8. Levina, M. A. (2007). *Specifika metaforicheskikh perenosov v otraslevoj terminosisteme* [Specific Character of Metaphoric Nomination s in Special Terminology]. *Nauchnyy vestnik Voronezh. gos. arkh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Proceedings of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series «Modern linguistic and methodical-and-didactic researches»], 1 (8), 146–150.
 9. Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya Press.
 10. Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Basics of building scientific and technical terminology. Issues of theory and methodology]. Moscow : AN SSSR Press.
 11. Petrov, V. V. (1982). *Semantika nauchnykh terminov* [Semantics of scientific terms]. Novosibirsk : Nauka Press.
 12. Popova, E. P. (2017). *Stanovlenie angliyskoy yuridicheskoy terminologii* [The development of legal English terminology]. Moscow : RGUP Press.
 13. Hizhnyak, S. P. (1997). *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal terminology: Formation and vocabulary]. Saratov : Saratov University Press.
 14. Ginzburg, R. Z., Khidekel, S. S., Knyazeva, G. Y., Sankin, A. A. (1979). *A Course in Modern English Lexicology*. Moscow : Vysšaja škola Press.
 15. Akhmanova, O. S. (1977). *Linguistic Terminology*. Moscow : Moscow University Press.
 16. MacCormac, E. R., Rostankowski, C. C. (1990). *A Cognitive Theory of Metaphor*. MIT Press.
 17. OED Historical Thesaurus. Retrieved September 14, 2017 from <<http://www.oed.com/view/th/class/180244>>.

УДК 81-112
UDC 81-112

Райскина Валерия Александровна,
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Rayskina Valeriya Alexandrovna,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
rayskinav@mail.ru

**ПЕРСОНОСФЕРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА CHEVALIER MÉDIÉVAL:
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАСПОРТА
MEDIEVAL PERSON SPHERE THROUGH THE PRISM
OF THE LINGUOCULTURAL CHARACTER TYPE
CHEVALIER MÉDIÉVAL: THE MODELLING OF PASSPORT**

Аннотация

Статья посвящена моделированию паспорта лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* (средневековый рыцарь) на материале художественного дискурса XI–XIII вв. с использованием методов корпусной лингвистики. Метод моделирования применён в соответствии со схемой: гендерная принадлежность, типичный портрет, социальное положение, сферы деятельности и особенности речевого поведения. Паспорт отражает индивидуальные особенности модельной личности рыцаря и общекультурные черты, характерные для персоносферы средневекового феодального социума. Полученный портрет сочетает в себе, в основном, положительные черты, такие как воинская честь, слава, смелость, физическое и моральное превосходство, однако имеются и отрицательные качества, такие как хитрость и хвастовство. Черты портрета находят лингвистическое выражение в семантике используемых глаголов и вводных конструкций, характеризующих манеру говорения изучаемого объекта.

Abstract

This article presents the results of modeling the passport of the linguocultural character type of «*chevalier médiéval*» (medieval knight). The analysis of its textual conceptualization is based on the XI–XIII century literary discourse and was performed using corpus linguistics methods. The modeling was applied in accordance with the following scheme including a number of parameters: gender peculiarities, typical physical portrait, social status, activity fields and verbal behavior characteristics. The passport reflects some individual features of a model knight personality and general value dominants in medieval person sphere in a feudal society. The portrait combines mostly positive features such as military honor, glory, courage, physical and moral prevalence with some negative ones including deceit and boasting. They are manifested by the semantics of the verbs used as well as in the parentheses that characterize the subject's manner of speaking.

Ключевые слова: персоносфера, средневековый художественный дискурс, лингвокультурный типаж, средневековый рыцарь.

Keywords: person sphere, medieval literary discourse, linguocultural character type, medieval knight.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_160_168

1. Введение: теория лингвокультурного типажа

В рамках антропоцентрической научной парадигмы языкознание отходит от рассмотрения формальной системы языка, концентрируясь на антропологическом феномене речевой деятельности и признании взаимовлияния культуры, которая отражает общественное и индивидуальное мировоззрение в виде понятий и концептов (лингвокультура), и языка, который используется в мышлении, творчестве и коммуникации (языковая личность) [Словарь лингвокультурологических терминов, 2017, с. 96]. Лингвокультурологический подход предполагает анализ мышления и поведения человека на основе категорий его речи. На пересечении лингвокультуры и языковой личности находится **лин г в о к у л ь т у р н ы й т и п а ж** (далее – ЛКТ) – разновидность концепта, чьим содержанием выступает типизируемая личность, легко декодируемая носителями лингвокультуры [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 8–9], базовый культурообразующий представитель персоносферы.

Под **п е р с о н о с ф е р о й** следует понимать совокупность личностей, которые являются значимыми для данного лингвокультурного среза. Яркие представители персоносферы выполняют семиотическую функцию и имеют как выраженные индивидуальные черты, так и типичные качества [Седых, 2011, с. 154]. Единицы персоносферы обычно основаны на прототипических реальных личностях (королях, вождях, артистах), однако для более древних лингвокультур характерно вхождение системы персоносферы в художественное (литературное) пространство, которое является «образной моделью действительности» [Игнатьева, 2015, с. 67].

В отличие от языковой личности, для ЛКТ характерно следование ролевым (гендерным, социокультурным, профессиональным) прескрипциям, поведенческим и ценностным стереотипам, зафиксированным в кодексах, этикете и нормах. К устойчивым характеристикам ЛКТ относятся:

- национальная, социальная и культурная детерминированность ЛКТ или закреплённый хронотоп;
- высокая степень прецедентности, которая выражается в частотности упоминания ЛКТ в текстах рассматриваемой лингвокультуры;
- лёгкая декодируемость и узнаваемость для носителей лингвокультуры;
- репрезентативность, то есть знаковость, символичность для обобщённого представления лингвокультуры.

Наиболее репрезентативным представителем средневековой персоносферы является ЛКТ *chevalier médiéval* (средневековый рыцарь), представляющий элитарный фрагмент феодально-христианской культуры и её

маскулинные ценностные доминанты. ЛКТ отражает этносоциокультурный тип личности, поскольку имеет географическую (Европа), культурную (феодално-христианское Средневековье) и социальную (военное сословие) детерминанты. По степени узнаваемости и оценочности он является ярким (представленным обширным материалом художественного дискурса) и положительным (связанным с модельным поведением). ЛКТ основан на реальных личностях, существовавших в прошлом, и не имеет прототипа в современной культуре, являясь непрототипным и угасающим.

Для глубокого структурного описания концепта *chevalier médiéval* используется метод моделирования паспорта ЛКТ, направленный на выявление устойчивых образно-перцептивных, понятийных и ценностных характеристик [Дмитриева, Мурзинова, 2016, с. 97]. Алгоритм включает следующие элементы: гендерную принадлежность, портрет, социальный статус, сферу деятельности и обязанности, речевые особенности.

2. Моделирование паспорта лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*

2.1. Гендерная принадлежность

Гендер выражается в категории *маскулинности*, которая является привилегированной в андроцентрическом средневековом социуме. Маскулинность выражается не только биологически, но и через ценностные прескриптивы – героические маскулинные добродетели. Во-первых, концепт чести имеет ключевое значение для конструирования аксиологической системы рыцарства [Barthélemy, 1997, p. 332]. По результатам анализа вербальных средств концептуализации на материале диахронных корпусов средневекового художественного дискурса DECT [DECT, 2014] и BFM [BFM, 2013], концепт чести вербализуется в лексемах *onor* (честь) и *merite* (достоинство), *onorable* (достопочтенный), *alorsé* (прославленный), *digne* (достойный), *onorer* (почитать), *aloser* (удостаиваться похвалы), *esligier* (уважать, ценить), *esmer* (почитать), *maintenir* (уважать). Паремии образуют ценностное ядро концепта: *mieux vaut morir à onor que vivre à honte* (лучше погибнуть во славе, чем жить в стыде), *qui fait onor, l'onors est soe* (кто почитает другого, тот чтит себя). Честь имеет и материальный ценностный ориентир: привилегии и обладание собственностью (*dignité, privilège, possession*) [Dictionnaire..., 2016].

Во-вторых, концепт *славы* связан с поиском боевого престижа и предполагает проявление отваги и храбрости. Он выражается субстантивами *gloire* (слава, величие), *los* (известность, репутация), *pris* (вознаграждение за победу), *exploit* (подвиг). Здесь выявляются коллокации *gloire de Deu* (божья слава), *Roi de gloire* (номинация Бога – король славы), *vaine gloire* (тщеславие, гордыня), *aquerre los* (завоевывать славу). Коллокация *chevalier sanz blasme et sanz reproche* (славный рыцарь без страха и упрека) является идиоматической в рыцарских романах. Связанный концепт *мужества* вербализуется в синонимичных лексемах *vasselage / pröece / chevalerie / hardement* (доблесть, смелость, боевая удаль, подвиг). Большое количество

эпитетов говорит о важности аксиологической коннотации концепта: *baut / cointe / corajos / estout / hardi / os / pro / vaillant / vassal* (отважный, дерзкий). Наконец, выявлены две паремиологические единицы: *folie n'est pas vasselages* (безрассудство – это не смелость), *mout a entre mauvais et pro* (есть большая разница между трусом (подлым, низким) и смельчаком).

Представленные компоненты маскулинности являются традиционными в современном социуме. Напротив, в средневековых текстах широко представлены эмоциональные проявления рыцарей: плач, стоны и причитания. Связанные с проявлением благородства души рыцарские слёзы проявляются в двух формах: 1) куртуазные слёзы влюблённого от разлуки, например, *s'oi Aucassin plourer et s'amie regreter* (Окассен горько стонет и плачет о своей подруге); 2) героические слёзы военачальника и рыцаря, скорбящих о военных потерях, например, *E li Franceis curuçus e dolent / N'i ad celoï n'i plurt e se dement* (От горя у баронов рвётся грудь, ручьями слёзы по лицу текут) [BFM, 2013].

2.2. Портрет

Для моделирования типичного внешнего облика ЛКТ представим репрезентативный портрет рыцаря Ланселота: *il avait très bonne mine, le teint entre le brun et le blanc, brun doré* (у него было красивое лицо, тон кожи между смуглым и светлым); *des lèvres rouges et ourlées lui dessinaient une petite bouche qui s'ouvrait harmonieusement sur de menues dents blanches et serrées* (алые и очерченные губы обрамляли маленький рот с гармоничными маленькими, ровными и белыми зубами); *ses yeux, clairs et rieurs, lui donnaient habituellement un air joyeux* (его яркие и смеющиеся глаза придавали ему радостный вид); *des cheveux blonds ondulés* (светлые вьющиеся волосы) [Lancelot]. В портрете ярко выражены эстетические единицы: мера, красота, стройность, юность, спортивность.

В изучаемых корпусах содержатся вариативные многословные номинации, содержащие мелиоративные характеристики физического портретирования: *bele forme d'ome* (мужчина в хорошей форме), *garni de toutes biautez* (украшенный всеми красотами), *si bel enfant et si bien taillié* (красивый, хорошо сложенный юноша). Наряду с этим, выявлены элементы морально-оценочного портретирования: *preudome* (высокоморальный человек), *sainte chose* (святой человек), *meillor de toz* (лучший из всех), *chevalier parfét* (идеальный рыцарь), *verai chevalier* (истинный рыцарь), *la flor de terriane chevalerie* (цвет земного рыцарства).

Портрет дополняют одежда и вещественные атрибуты, относящиеся к трём гиперонимам: *armes* (вооружение), *armeüre* (доспехи), *équipement* (экипировка всадника). Элементы портрета аккумулируют семиотические компоненты: например, *épée* (меч) в форме креста использовался для принесения клятвы и молитвы; *cheval, chevaux* (конь) являлся символом элитарности ввиду большой стоимости. Приведённый вербальный портрет задаёт стандарт дескрипции статусного и обеспеченного воина, готового к бою, в средневековом художественном дискурсе.

2.3. Социальное положение

Общественная принадлежность рыцаря является вариативной и проявляется в следующих статусах: *nobilis* (знать), *serf* (слуга), *seignor* (сюзерен), *vassus* (вассал). Наиболее типичными социальными характеристиками являются благородное происхождение, богатство и независимость. Однако рыцарь мог быть достаточно беден и не обладать собственной землей и потому присягать на вассальную службу сюзеренам. Рыцарь также не обязательно был выходцем из знатного рода, поскольку сам социальный класс дворянства (*nobilis*) в XII в. переживает упадок и размывание границ.

Напротив, прохождение инициации (*aboudement, accolade*) и обладание навыками конной езды являются жёсткими детерминативами статуса рыцарства. В итоге, к XIII–XIV вв. все рыцари, прошедшие церемонию посвящения, получали благородный титул. Военно-аристократический (*chevaliers*) и знатный (*nobilis*) классы слились, образовав единый высший класс – *gentilshommes* (знать, дворянство) [Duby, 2008, p. 10–11]. Рыцарское сословие не является однородным и включает в себя ряд социальных единиц: *escuier / damoiseau* (оруженосец), *juvenis miles* (неприсягнувший юноша-рыцарь), *bachelier* (рыцарь, недавно принятый в орден).

Общественное положение представителя средневекового рыцарства находит вербальную фиксацию в общих тенденциях номинации ЛКТ средствами, отличными от имён собственных, выражающих социальные категории. К таким номинациям логично отнести следующие семантические группы:

1) титулы, статусы и звания: *chevalier* (рыцарь), *rois* (король), *seigneur* и *sires* (господин), *duc* (граф), *serjant* (вассал), *mestre* (сюзерен), *barun* (барон);

2) демографические (гендерные и возрастные) гиперонимы: *enfant* и *vaslet* (юноша), *ome* (мужчина);

3) родственная соотнесенность: *frere* (брат), *filz* (сын), *darrein* (наследник), *cousin* (родственник), *compaign* (соратник, друг);

4) топонимическая соотнесённость: *Perceval le Galois* (Персеваль из Галлии), *Turpin de Reims* (Турпин из Реймса).

2.4. Род деятельности

Основной сферой деятельности рыцарства являются военная служба в междоусобных феодальных войнах и участие в освободительных религиозных крестовых походах и турнирах. Если крестовые походы оказали влияние на духовность рыцарства, установив сакральные ценности и нравственные стереотипы героического поведения, то турниры были направлены на более насущные цели: завоевание славы, привлечение богатых сеньоров и дам, заработок победителей [Манухина, 2017, с. 176].

Военная служба рыцаря Средневековья формирует кодекс чести – свод обязанностей, законов поведения и этикета. Обязанности разделены на три функциональные группы: защитные, морально-христианские и светские. Исчерпывающее описание занятий и обязанностей рыцарства со-

держится в анонимном романе *Lancelot dou Lac* [Lancelot]: *défendre les humbles et les pacifiques* (защищать страждущих и мирян), *s'opposer aux exactions et aux violences* (противостоять злоупотреблениям и жестокости), *se montrer courtois sans grossièreté, bienveillant sans cruauté, compatissant envers ceux qui souffraient, généreux et disposé à secourir ceux qui se trouvaient dans le besoin* (быть учтивым без грубости, доброжелательным без жестокости, сострадательным к несчастным, щедрым и готовым помочь нуждающимся), *craindre le déshonneur plus que la mort* (бояться бесчестия больше смерти), *protéger la Sainte Eglise* (защищать Святую Церковь). Приведённый свод прескрипций отражает феодальные, религиозные и куртуазные установки ЛКТ.

2.5. Дискурсивные особенности

В силу того, что ЛКТ гендерно и социокультурно детерминирован, интерес вызывает выявление особенностей речевого поведения. По результатам анализа предикатов с семантикой говорения в препозиции к прямой речи, представляющей слова рыцарства, выделено несколько семантических групп: 1) нейтральные глаголы говорения (*dire, faire, parler, raconter, redire*); 2) диалоговые глаголы адресации (*aparler, apeler, araisnier, nomer, rapeler, reclamer*), вопроса-ответа (*demander, répondre*), согласия (*entredire, interacorder*), молчания (*se taire*); 3) глаголы с христианской семантикой благословения (*beneir, sermonner*) и мольбы (*prier, faire une priere*); 4) глаголы с яркой эмоциональной коннотацией: крик, громкий призыв (*braire, escrier, huchier, huier*), сетование и жалоба (*plaindre, regretter*); 5) глаголы-орективы, выражающие воодушевление, возбуждение чувств подчинённых или компаньонов (*mentevoir, conseiller, enorter, semondre, lire ad comandet, amonester, encourager, esmouvoir*); 6) глаголы с негативной коннотацией: лгать (*mentir*), клеветать, плохо отзываться о ком-либо (*mesdire*).

Вводные конструкции характеризуют манеру говорения ЛКТ, описывая квалификативные признаки речи: гнев, ярость, неистовство (*par maltalant, ireement, mult fierement*), учтивость и вежливость (*curteisement*), нежность и мягкость (*mult dulcement*), чувственность и дружелюбие (*par amur*), смех (*belement en riant*). Среди негативных признаков представлены хитрость (*par grant veisdie*) и хвастовство (*faite sa vantance*). Голос рыцарей описывается как *halt* (громкий), *cler* (чёткий и ясный). Приведённые данные указывают на то, что рыцари обладали исключительно им присущим речевым поведением.

3. Заключение

Анализ лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* в настоящем исследовании был предпринят в рамках антропоцентрического направления лингвистики. Лингвокультурный типаж является комплексной концептуальной единицей, содержанием которой выступает типизированный, легко узнаваемый и обладающий устойчивыми характеристиками предста-

витель определённой лингвокультуры. Лингвокультурный типаж конструирует персониферу культуры.

Использованные методы корпусной лингвистики и контент-анализа на материале художественного дискурса XI–XIII вв. позволили изучить средства вербальной концептуализации лингвокультурного типажа. В результате смоделирован паспорт в соответствии со следующей схемой: гендерная принадлежность, типичный внешний портрет, социальное положение, сферы деятельности и особенности речевого поведения.

Параметр гендерной принадлежности сочетает маскулинность как устойчивую гендерную идентичность с элементами психоэмоциональных проявлений, не свойственных современному феномену маскулинности. Типичный внешний портрет рыцаря представляет собой эстетически положительный образ с обязательным указанием на военные вещественные атрибуты. С точки зрения социального положения, рыцарство является гетерогенным сословием с превалированием (но не жёсткой детерминантой) благородного происхождения и финансового достатка. В параметре сферы деятельности выявлены три рода занятия: военное дело, крестовый поход и рыцарский придворный турнир. Традиционное социокультурное пространство рыцаря ограничено полем сражения, придворной территорией, церковью и феодалом. Поведение средневекового рыцаря структурировано военными, морально-этическими и светскими императивами. Наконец, с позиции речевых особенностей удалось выявить особенности манеры говорения и специфического «рыцарского» дискурсивного поведения.

Представленный паспорт свидетельствует о модельности языковой личности рыцаря: средневековый кавалер олицетворяет собой воинскую честь, славу, смелость, физическое и моральное превосходство. На материале диахронических корпусов художественного дискурса частично описана лингвокультурная и социоисторическая ситуация в средневековом феодально-аристократическом сословии.

Выявление и изучение вербальных средств конструирования оценки средневекового рыцаря позволяет восстановить ценностно-этическую систему старофранцузского лингвокультурного пространства, а также проследить эволюцию ценностей. В перспективы исследования входит анализ ценностного различия между эталонным рыцарством, представленным в средневековом художественном дискурсе, и критическим восприятием данного ЛКТ в современном научно-историческом дискурсе. Ставятся вопросы о демифологизации нереалистичного, высоко идеологизированного портрета рыцарства, о негативной милитаризованной этике, о концептуальной переоценке рыцарства с точки зрения современного научного восприятия.

Список литературы

1. Дмитриева, О. А. Теория лингвокультурных типажей [Текст] / О. А. Дмитриева, И. А. Мурзинова. – М. : Издательские решения, 2016. – 150 с.
2. Игнатъева, Т. Г. Персонифера диахронического художественного текста [Текст] / Т. Г. Игнатъева // Язык и культура этноса: материалы Междунар. науч-

- но-практ. конф. / отв. ред. А. Д. Васильев. – Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2015. – С. 66–72.
3. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия [Текст] / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.*
 4. Манухина, А. О. Вербализация представлений о сакральном в документах Первого крестового похода [Текст] / А. О. Манухина // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы : материалы XVIII Междунар. конф. Школы семинара им. Л. М. Скрелиной. – М. : МГПУ ; Языки Народов Мира, 2017. – С. 176–181.*
 5. Седых, А. П. О персонификации французской культуры [Текст] / А. П. Седых // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (9). – С. 154–156.*
 6. Словарь лингвокультурологических терминов [Текст] / сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
 7. Barthélemy, D. La théorie féodale à l'épreuve de l'anthropologie (note critique) [Text] / D. Barthélemy // *Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 1997. – № 2. – P. 321–341.*
 8. BFM – La base du français médiéval [Electronic Resource]. – Lyon : Equipe BFM, 2013. – URL : <http://catalog.bfm-corpus.org> (дата обращения : 22.02.2019).
 9. DECT – Dictionnaire Electronique de Chrétien de Troyes [Electronic Resource]. – Ottawa; Nancy : Université d'Ottawa, LFA, ATILF/CNRS et Université de Lorraine, 2014. – URL : <http://www.atilf.fr/dect> (дата обращения : 17.02.2019).
 10. Dictionnaire du Moyen Français [Electronic Resource]: La version 2016 sur la base d'Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française. – URL : <http://www.atilf.fr/> (дата обращения: 19.02.2019).
 11. Duby, G. La société chevaleresque. Homme et structures du Moyen Age [Text] / G. Duby. – Paris : Champs histoire, 2008. – 219 p.
 12. Lancelot. Roman en prose du XIIIe siècle [Electronic Resource]: édité par A. Micha. – Rennes : Université Rennes 2, Centre d'Études des Textes Médiévaux. – URL : <https://www.sites.univ-rennes2.fr/celam/cetm/combarieu/LG-accueil.htm> (дата обращения : 15.02.2019).

References

1. Dmitriyeva, O. A., Murzinova, I. A. (2016). *Teoriya lingvokulturnykh tipazhey* [The theory of linguocultural character types]. Moscow : Izdatelskie Resheniya Press.
2. Ignatyeva, T. G. (2015). Personosfera diakhronicheskogo khudozhestvennogo teksta [Personosfera diachronic art text]. In A. D. Vasilyev (Ed.), *Yazyk i kultura etnosa* [Ethnos language and culture] (pp. 66–72); Krasnoyarsk State Teacher's Training University. Krasnoyarsk.
3. Karasik, V. I., Dmitriyeva, O. A. (2005). Lingvokulturnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [linguocultural character type: the definition of concept]. In V. I. Karasik (ed.), *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnyye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural character types] (pp. 5–25). Volgograd : Paradigma Press.

4. Manukhina, A. O. (2017). Verbalizatsiya predstavleniy o sakralnom v dokumentakh Pervogo krestovogo pokhoda [Verbalization of representations about saral in the documents of the first crusade]. In L. G. Vikoulova (ed.), *Fundamentalnoye i aktualnoye v razvitii yazyka: kategorii, faktory, mekhanizmy* [Fundamental and actual in the language development: categories, factors, mechanisms] (pp. 176–181). Moscow : Moscow City University ; Yazyki Narodov Mira.
5. Sedykh, A. P. (2011). O personofere frantsuzskoy kul'tury [About person sphere of French culture]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2 (9), 154–156.
6. Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2017). *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* [Linguocultural terms dictionary]. Moscow : Gnozis Press.
7. Barthélemy, D. (1997). La théorie féodale à l'épreuve de l'anthropologie (note critique). *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2, 321–341.
8. BFM – La base du français médiéval (2013). Lyon: Equipe BFM. Retrieved February 22, 2019 from <<http://catalog.bfm-corpus.org>>.
9. DECT – Dictionnaire Electronique de Chrétien de Troyes (2014). Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, LFA, ATILF/CNRS et Université de Lorraine. Retrieved February 17, 2019 from <<http://www.atilf.fr/dect>>.
10. Dictionnaire du Moyen Français (2016). Retrieved February 19, 2019 from <<http://www.atilf.fr/>>.
11. Duby, G. (2008). *La société chevaleresque. Homme et structures du Moyen Age*. Paris : Champs histoire.
12. Lancelot. Roman en prose du XIIIe siècle. In A. Micha (ed). *Rennes: Université Rennes 2, Centre d'Études des Textes Médiévaux*. Retrieved February 15, 2019 from <<https://www.sites.univ-rennes2.fr/celam/cetm/combarieu/LG-accueil.htm>>.

УДК 81.42
UDC 81.42

Рянская Эльвира Михайловна, Яковлева Анастасия Михайловна
Нижевартовский государственный университет
г. Нижевартовск, Российская Федерация
Elvira M. Ryanskaya, Anastasia M. Yakovleva
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russian Federation
elohka2210@yandex.ru, amyakovleva@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
THE EXPRESSION OF AUTHOR'S INTENTION
IN HISTORIOGRAPHICAL TEXTS

Аннотация

В предлагаемой статье анализируются особенности авторской самопрезентации в работах историографического содержания. Автор историографического текста исследует научные контексты исторических событий и поэтому выступает одновременно в качестве учёного-историка и учёного-историографа. В ходе анализа были выявлены основные стратегии, отражающие авторские интенции. Основными являются объективность и документальность, отстранённая субъективность, эксплицитное выражение оценки и аргументирующие стратегии. Стратегия диалогичности выступает в качестве периферийной. Было установлено, что историографические тексты демонстрируют такие присущие научным работам доминанты как реализация модели автора «аналитик-исследователь» и репрезентация доказательного этапа – развернутого логического изложения. Анализ языковых средств проявления авторских интенций позволил выявить эксплицитные и имплицитные показатели реализуемых стратегий. К первым были отнесены прилагательные, в том числе в сочетании с наречиями-интенсификаторами; существительные; устойчивые выражения и фразы оценочного характера; апелляция к другому мнению с большим количеством ссылок и цитат. Во вторую группу показателей вошли авторская аргументация, включая авторские комментарии и, к сожалению, реже – аргументация на основе собственного исследования, а так же диалогичность в форме вопросительных или вопросно-ответных конструкций.

Abstract

The article presents the analysis of author's self-presentation means in historiographical texts. The author of a historiographical text studies scientific context of historic events and therefore acts as a historian and historiographer. The current study enabled to discover the major strategies of expressing author's intentions. Those turned out to be objectiveness, appeal to documents, detached subjectivity, explicit evaluation and argumentation strategies. Dialog strategy was in the periphery. It was found that historiographical texts show the dominants common for scientific discourse in general including a pattern of "a research analyst" who uses certain techniques of proving a hypothesis by means of elaborated logical description and reasoning. The analysis of linguistic means of expressing author's intentions enabled to

reveal explicit and implicit indications of those strategies. The explicit ones included adjectives sometimes used with intensifiers; nouns; set expressions and phrases with evaluative meaning; an appeal to other scientists opinion with the abundance of quotations and references. The implicit ones contained argumentation strategies including author's comments with unfortunately rare appeal to the analyst's own research results and dialog strategies with interrogative sentences and question-answer patterns indicating them.

Ключевые слова: авторская интенция, историографический текст, авторские стратегии, доминанта научной коммуникации.

Keywords: author's intention, historiographical text, author's strategies, scientific communication dominant

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_169_183

1. Введение

Исследовательский интерес к научным текстам историографического содержания вызван стремлением расширить представления о специфике реализации авторских интенций в текстовых источниках разных жанров. В публикации В. Е. Чернявской, посвящённой проблеме информативности научных публикаций, рассматривается вопрос о роли культурно-языковых стандартов построения научного текста. Отмечается, что традиционные представления о теоретичности, полноте и доказательности научного изложения, об объёме цитирования и т. д. воспроизводятся в национально-культурном пространстве различными путями, в том числе через научные школы [Чернявская, 2015]. Свои академические традиции имеют и разные науки, что находит отражение в специфике построения научных текстов.

Историографический текст характеризуется тем, что, с одной стороны, содержит историографические факты и описание историографических источников, включающих концепции учёных-историков, с другой – отражает авторскую научную позицию [Рянская, 2016, с. 93].

Целью научной коммуникации является сообщение нового знания и доказательство его достоверности [Адаева, 2014, с. 185]. В научном тексте репрезентируется взаимодействие существующего научного знания и личностного [Морозова, 2015, с. 34]. При этом текстовое изложение концепции, как правило, предполагает ряд этапов, включая проблемную ситуацию, идею, гипотезу, доказательство и выводы [Морозова, 2015, с. 34]. В отдельном тексте, например, в научной статье, может доминировать коммуникативная ситуация, отражающая отдельную ступень исследования. С этой точки зрения историографические тексты демонстрируют доминанту доказательного этапа – развёрнутого логического изложения. Аргументация подкрепляется опорой на историографические факты и данные из других авторских источников.

Авторские интенции и стратегии, выявляемые в том или ином тексте, определяются его жанровой принадлежностью: в художественном произведе-

дении присутствует «образ автора», от лица которого ведётся повествование, в медиатексте личность автора-журналиста активизируется в зависимости от актуальности изложения информации [Пронин, 2014, с. 160]. В научной работе реализуется модель автора, в которой доминируют такие параметры, как «аналитик / исследователь» [Пронин, 2014, с. 161].

Интенция – коммуникативное намерение автора, предполагает направленность его воли, намерений и чувств [Сафонова, 2013, с. 162]. Совокупность интенций выступает как интенциональное содержание высказывания, включающее намерения, цели, коммуникативную направленность [Соскина, 2009, с. 19]. Интенциональность как одна из фундаментальных текстообразующих категорий [Клушина, 2008, с. 33] выражается в языковой реализации целевой установки субъекта речи. В качестве структурно-смыслового признака интенциональной ситуации выступает «субъективированность информации, отражающаяся в особенностях интерпретации предмета речи» [Кулько, 2002]. Следует отметить, что историографический текст достаточно субъективен, поскольку может содержать кроме авторской другие оценки событий.

Отмечается, что интенция чаще всего определяется как цель высказывания. Указывается также такой признак как направленность сознания, в основе которой лежит замысел. Интенция (коммуникативное намерение) проявляется в виде замысла строить высказывание в определённом стиле [Текст..., 2011, с. 18]. Высказывается идея, что интенция в качестве базовой категории текста может реализоваться при помощи любого из методов и принципов построения текста. Основными же способами выявления авторской интенции называются следующие: анализ формы и следования стандарту; анализ композиции; выявление и анализ грамматических способов передачи интенции; анализ стилистических средств; анализ ключевых слов, выявление мотивов, определение ассоциаций, концепта, коннотаций и выявление подтекста (при обращении к художественным и публицистическим текстам) [Текст..., 2011, с. 22–23].

Научное направление определяет выбор стратегий, направленных на реализацию авторизации. Исследуя категорию авторской интенции в биографическом тексте, М. А. Сафонова указывает на ряд оппозиций, выявленных исследователями этого жанра для авторских стратегий: объективность / субъективность, вымысел / исследование, автор-знаток / автор-историк, эстетичность / документальность [Сафонова, 2013, с. 162]. Авторская интенция может проявляться в стратегии изложения материала – демонстрации личного, эмоционального отношения (субъективная интерпретация) либо строгое изложение фактической информации (дистанцирование). В этой связи автор может использовать различные комбинации стратегий, его интенция выражается в эмоциональной вовлечённости или в отстранённости [Сафонова, 2013, с. 162]. При изучении интенциональности как категории летописного текста О. А. Кулько выделяет динамические (сообщение и повествование) и статические (рассуждения и описания) функционально-семантические типы речи [Кулько, 2002].

Целью настоящего исследования было установить, какие стратегии, демонстрирующие авторские интенции, доминируют в историографических текстах и как они отражаются в лингвостилистических параметрах текста.

2. Анализ языковых средств проявления авторских интенций в историографических текстах

Исследуя проблему авторской интенции в историографических текстах, необходимо, на наш взгляд, учитывать тот факт, что автором текста является исследователь-нарративист, изучающий исторический, научный контексты того или иного события, осуществляющий метакритический анализ [Радченко, 2011, с. 82]. Под нарративной стратегией подразумевают «коммуникативную стратегию автора» [Пронин, 2014] или «повествовательную» [Петрухин, 1996], соотносимые с литературоведческими исследованиями. В историографии нарративное направление развивает принципы нового объективизма в описании концепций прошлого [Радченко, 2011, с. 82]. Такие особенности находят отражение в проявлении авторских интенций – автор следует сложившейся традиции или даёт свою интерпретацию.

Научный текст рассматривается как письменно зафиксированное речевое произведение, составленное с учётом жёстких стилистических требований. Авторская интенция в научном тексте включает стремление автора достичь понимания содержания адресатом [Гаврилова, 2009, с. 7–9]. Научный текст не предполагает самопрезентацию автора, однако языковой анализ позволяет обнаружить авторские стратегии, характерные для научного стиля. Так, использование цитат, косвенной речи, фоновых ссылок служит средством аргументации, оценки или иллюстрации излагаемых в тексте положений, выступает способом выражения автором нового знания и одновременно показателем его эрудиции [Адаева, 2014, с. 186]. Изложение собственной позиции или оценки, ход своих рассуждений демонстрируются имплицитно или эксплицитно. Эксплицитное выражение оценки может выражать положительное или отрицательное отношение автора к обсуждаемой проблематике.

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для настоящего исследования послужили научные тексты историографического характера, опубликованные за период 2011–2018 гг. в материалах конференций по истории и историографии, сборниках научных трудов по указанной тематике (места издания – города Санкт-Петербург, Саратов и Челябинск), в соответствующем тематическом разделе журнала «Вестник Томского государственного университета». В материале представлены 10 статей разных отечественных авторов; общий объём проанализированного научного текста составил около 136 страниц.

Используемые нами теоретические основания и принципы анализа изложены в учебном пособии коллектива авторов [Текст..., 2011, с. 22–23].

В качестве методов исследования были применены: анализ следования стандарту при обращении к текстам научного характера; анализ тактик и стратегий, принадлежащих сферам оценочности и аргументации; анализ коннотаций и выявление подтекста.

2.2. Обсуждение результатов

Проведённый анализ указывает, что оценочными средствами служат прилагательные, часто в сочетании с наречиями-интенсификаторами:

*Это направление исследований было **относительно новым** в русской исторической науке; <...> уровень научного анализа в труде Плотинского **не очень высок** <...>; Из трех указанных сочинений это имеет **самый высокий** научный уровень; Отличительной особенностью второго тома «Устройства и управления городов России» по сравнению с первым является **более разнообразная** источниковая база исследования; <...> **основательный** анализ этого проекта привел Дитятина к **интересному** выводу... [Зайцев, 2014, с. 37].*

*Для современных исследователей народной культуры Саратовской губернии в XIX в. она является **важнейшим** источником [Майорова, 2014, с. 54].*

*Выписки ЗРК 1703 г. содержат **уникальный** материал фактически 20 записей из 24 документов [Захаров, 2018, с. 253].*

Реже используются имена существительные:

*<...> это сочинение отличается **лаконичностью** (особенно в разделе о городской общественной жизни в допетровскую эпоху) [Зайцев, 2014, с. 38].*

*Благодаря **добросовестности и компетентности** автора монография А. Н. Минха не утратила своего значения и в наши дни; Отсутствие четко разработанной структуры в обоих изданиях [Майорова, 2014, с. 54].*

В качестве оценочных средств могут выступать устойчивые выражения:

*Их статьи **представляют значительный интерес**, поскольку они написаны на основе архивных материалов; Данный вывод Юровского **имеет большое значение** для рассмотрения вопроса; **Существенный вклад** в изучение этой темы представляет также совместная работа Е. К. Савельевой и Л. В. Пашиковой в альманахе «Памятники Отечества» [Майорова, 2014, с. 52].*

*<...> **в заслугу А. А. Шахматову можно поставить** прежде всего попытку определения летописного источника Длугоша, альтернативного «Повести временных лет» [Карнаухов, 2011, с. 70].*

Средством оценочности может служить целая фраза. Таким способом, например, И. Я. Эльфонд в своей статье выражает критическое отношение к объекту описания:

Подобный подход не только грешил схематизмом, автор нередко «воевал» с источником, подгоняя его под свою концепцию [Эльфонд, 2014, с. 84].

Хотя обращение его с источником было предельно произвольным, следует отметить одну особенность – научный аппарат «Франкогаллии» гораздо более точен и аккуратен, чем у большинства историков того времени [Эльфонд, 2014, с. 85].

<...> автор теряет меру в цитировании<...> [Эльфонд, 2014, с. 90].

Анализ статей историографического содержания позволил установить, что стратегия самопрезентации автора часто реализуется посредством апелляции к другому мнению, что позволяет продемонстрировать эрудированность учёного и его способность к критическому осмыслению «старого» знания» [Адаева, 2014, с. 185]. Так, в следующих примерах наблюдается отстранённость автора от своей личной оценки:

О важном значении архива Делагарди писал в своем труде о Северной войне Е. В. Тарле [Рабинович, 2014, с. 68].

Существенным недостатком первого тома является то, что авторы мало использовали печатные русские источники, а русские архивные материалы остались им совсем неизвестными. Отсюда, как отмечал Г. А. Замятин, происходит односторонность изложения: в центре внимания авторов стоят только действия шведских частей [Рабинович, 2014, с. 84].

Следует отметить, что натяжки при цитировании, а нередко и мало аргументированные приведенными цитатами выводы почти сразу же стали объектом критики противников из другого политического лагеря [Эльфонд, 2014, с. 85].

Впрочем, сам А. А. Шахматов отмечал вводный характер своих «замечаний» [Карнаухов, 2011, с. 81].

Проблема же заключается в значительно меньшем внимании, которое уделяют этим событиям шведские историки по сравнению с российскими. Автор статьи объясняет это тем, что сама тема геноцида гораздо менее актуальна для Швеции, чем для России XX в. [Возгрин, 2012, с. 58].

Заметим, что ссылка на иное мнение не всегда сопровождается указанием на автора приводимой точки зрения. Экспликация может быть выражена адресантной единицей, по своей смысловой наполненности безличной или неопределенно-личной [Свойкин, 2006, с. 180]:

*Именно это издание **считается** наиболее полным и итоговым* [Эльфонд, 2014, с. 91].

*Эта работа фактически оказалась первым в России глубоко научным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Балтийского региона. Как **отмечалось**, в ней отсутствовали проявления любых форм «провинциализма или национализма»* [Барышников, 2012, с. 44].

Сторонняя оценка часто сопровождается соответствующими цитатами:

Однако, как впоследствии было отмечено, книга К. К. Злобина была не лишена недостатков, поскольку, по мнению петрозаводского исследователя И. И. Кяйвярайнена, «автор этого сочинения впадает в упрощенчество, когда бездоказательно возлагает всю ответственность за возникновение войны на одну Швецию» [Барышников, 2012, с. 43].

Период же от утверждения жалованной грамоты городам 1785 г. до середины XIX в. изложен, по довольно туманному признанию самого автора, «не исторически, а догматически» [Зайцев, 2014, с. 38].

Историографическим текстам свойственно высокое содержание цитат и ссылок. О. Б. Адаева подчёркивает, что выражение другого мнения

служит успешной самопрезентации автора только в том случае, если этого требует логика научного изложения и создает контекст для нового знания [Адаева, 2014, с. 186].

Средством непрямого выражения авторских стратегий могут быть композиционные приёмы, например, автор по своему усмотрению волен отбирать факты и располагать их в тексте [Копытов, 2010, с. 11, 14].

К имплицитным показателям авторских стратегий относят способ изложения доказательств и рассуждений, несущих «печать языкового мышления автора» [Сеченова, 2009, с. 10]. Аргументирующие стратегии могут реализоваться различными способами подачи информации: как полное знание, как достоверное, как знание из известного или неопределенного источника, как акцентирование, привлечение внимания, как логическое построение и как экземплификация [Губик, 2016, с. 163]. В работе А. А. Гавриловой выделены следующие разновидности средств оценки достоверности научного факта: средства высокой оценки достоверности, снижения категоричности своего мнения и выражения субъективности высказываемого мнения [Гаврилова, 2009, с. 19]. Е. И. Варгина в своём исследовании функций воздействия в научном тексте выделяет несколько видов аргументации, посредством которых осуществляется убеждение адресата в достоверности мнения: причинная аргументация, аргументация-подтверждение, аргументация-опровержение, аргументация-объяснение [Варгина, 2004, с. 5].

В рассмотренных нами статьях аргументирующие стратегии реализуются в авторских комментариях. Комментарии в научном тексте имеют целью не только сделать информацию доступной для адресата, но и продемонстрировать ход своих размышлений, свою точку зрения [Гаврилова, 2009, с. 15]. Авторское мнение выражено в комментариях, которые содержат рассуждения, сомнения или утверждения, касающиеся рассматриваемого вопроса. Так, М. В. Зайцев, анализируя исследования историка И. И. Дитятин по изучению развития российских городов в имперскую эпоху, высказывает ряд суждений, содержащих косвенную оценку и предположения:

Правда, Дитятин решил ограничиться рассмотрением не всего административного устройства Российского государства, а лишь его городской части [Зайцев, 2014, с. 37].

*Рамки очерка не позволили автору подробно исследовать отдельный крупный и сложный вопрос реформы – экономическую сторону городского хозяйства, как ее видели авторы Городового положения 1870 года. **Возможно**, Дитятин собирался посвятить ему одну из будущих работ, отметив лишь, что вопрос о городском хозяйстве возбуждал «мнения не менее долгие, не менее противоречивые», чем и указанные выше проблемы <...> [Зайцев, 2014, с. 47].*

Судя по всему, Дитятин присоединяется к данной точке зрения <...> [Зайцев, 2014, с. 48].

В следующем случае авторские комментарии также содержат указания на выражение предположений.

Если предположить, что несколько книг были утрачены до момента составления описи, то таким образом до современных историков дошла лишь каждая четвертая рукопись из существовавших ЗРКВД [Захаров, 2018, с. 246].

Ученые и архивисты, имевшие возможность непосредственной работы с подлинным ЗРК, могли недооценивать уникальную информации книг, считая ее слишком частной, избыточной перечнями и записями о личностях «второго плана». Нельзя исключить и другие причины невнимания, труднодоступность и плохую сохранность документов [Захаров, 2018, с. 254].

В статье А. С. Майоровой содержится не только оценка, но и аргументированная критика, касающаяся предмета исследования:

В данном утверждении бросается в глаза то, что вся территория губернии отождествляется с губернским городом, но главное – автор не принимает во внимание смыслового наполнения понятия культура, которое всегда связывается с деятельностью людей. Там, где живут люди, всегда есть культура. Как общий подход к данной проблеме, так и содержание главы «Культура Саратовского края в первой половине XIX в.» первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья» не дает возможности отнести эту главу к обобщающим трудам по данной тематике [Майорова, 2014, с. 59].

Несмотря на то что социальный аспект развития культуры региона в период с конца XVIII до середины XIX вв. пока не получил многостороннего рассмотрения – изучается в основном сословная культура дворянства – все же можно отметить расширение тематики подобных исследований [Майорова, 2014, с. 59].

Авторская аргументация, подкреплённая фактами собственного исследования, в проанализированных текстах встречается редко. Отметим лишь несколько случаев демонстрации личного вклада в решение научных проблем:

Рассмотрение историко-региональных исследований, посвященных культурному процессу в Саратовском Поволжье до 1917 г., показывает устойчивую тенденцию в отношении выбора периода для изучения [Майорова, 2014, с. 64].

Дух академизма, присущий «русской школе» до революции, ещё сохранялся в 1930е гг. Это можно проследить по научно-справочному аппарату различных изданий 30-х гг. [Дементьев, 2012, с. 95].

Чтобы понять, насколько миллеровские выписки ЗРК были актуальны для написания статьи «Московские приказы» для ДРВ, необходимо сопоставить внутритекстовые цитирования с текстами выписок Миллера [Захаров, 2018, с. 249].

Следует признать, что в данных фрагментах наблюдается скрытое авторство. Открытость, эксплицитность авторских стратегий проявляется в диалогичности. Под диалогичностью понимается взаимодействие адресанта и адресата. В научном тексте диалогичность позволяет вовлечь адресата в восприятие авторских идей и определить прагматические стратегии автора.

Средствами проекции на читателя служат личные местоимения первого лица, конструкции с побудительной модальностью, формы повелительного наклонения, способствующие «сомышлению» [Ефремова, 2015, с. 139–140].

В рассмотренных текстах наблюдается использование некоторых средств, служащих установлению диалога с адресатом. Так, в работе Д. В. Карнаухова находим употребление обобщающего «мы»:

Прежде всего, мы имеем в виду те сообщения польского историка, которые не согласуются с общепринятыми трактовками описываемых событий в русских летописях.

О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скупым оговоркам историка [Карнаухов, 2011, с. 72].

Вопросительные или вопросно-ответные конструкции как форма диалогичности чаще всего используются для выведения нового знания, для привлечения внимания к важной для автора информации [Ефремова, 2015, с. 141–142], эксплицитно указывают на тему рассуждений [Гаврилова, 2009, с. 18]. Так, в следующих фрагментах постановка вопросов служит своего рода средством вовлечения читателей в исследовательский процесс:

Итак, что же смог и захотел сообщить читателям официальной французской газеты автор статьи о жизни покойного русского царя? Источники информации, отбор фактов, оценочные суждения представляют историографический интерес [Мезин, 2014, с. 104].

Так кем был Токвиль с точки зрения советских историков – «столпом дворянской идеологии» или «демократом-гуманистом»? Весь ход развития советской историографии не позволяет говорить о том, что в ней закрепился какой-то один образ Токвиля [Дементьев, 2012, с. 100].

3. Заключение

Проведённый анализ научных статей историографического содержания позволяет сделать несколько выводов о специфике подобных текстов. Характерно, что в одних работах содержится анализ научной проблемы, выявление тенденций, подходов в освещении исторических событий или явлений, обобщения и выводы, в других представлена только констатация фактов, описания или ссылки на мнение других авторов.

Авторские интенции проявляются в нескольких стратегиях. В первую очередь, это объективность и документальность, осуществляемые за счёт широкой фактографии и цитирования. Стратегия субъективности, т. е. проявление отношения к рассматриваемой проблеме, имеет свои, характерные для историографического текста, особенности. Поскольку статьи содержат отсылки к работам других историков или историографов, наблюдается тенденция к отстранённости автора от собственной оценки рассматриваемой проблемы и апелляции к другому мнению. В этом проявляется стратегия дистанцирования. Эксплицитное выражение оценки касается в большей степени характеристики источников, изложения материала, полноты исследования, вклада учёных в разработку проблемы или направления и реже относится к сути научной проблемы. Аргументирующие

стратегии реализуются в авторских комментариях, содержащих рассуждения, суждения, сомнения или утверждения. Стратегия диалогичности занимает незначительное место и представлена использованием личных местоимений первого лица и вопросительных предложений.

Список литературы

1. Адаева, О. Б. Стратегия самопрезентации адресанта как компетентного ученого в лингводидактическом дискурсе [Текст] / О. Б. Адаева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 155–188.
2. Варгина, Е. И. Научный текст: функция воздействия [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.04 / Варгина Екатерина Ионовна; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2004. – 31 с.
3. Гаврилова, А. А. Управление пониманием читателя научного текста с помощью метатекстовых средств (на материале научных текстов русского и немецкого языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Гаврилова Алла Александровна; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского – Саратов, 2009. – 23 с.
4. Губик, С. В. Особенности выражения авторской интенции в экономическом медиадискурсе (на материале журнала «The Economist») [Текст] / С. В. Губик, Э. Р. Шакирова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 160–166.
5. Ефремова, Н. В. Диалогичность как один из механизмов текстообразования в процессе дискурсивной деятельности ученого [Текст] / Н. В. Ефремова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 138–145.
6. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.01.10 / Клушина Наталья Андреевна; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 57 с.
7. Копытов, О. Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий [Текст] / О. Н. Копытов // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 334. – С. 11–14.
8. Кулько, О. И. Интенциональность как категория летописного текста (на материале Галицко-Волынской летописи) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Кулько Ольга Игоревна; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2002. – 25 с.
9. Морозова, И. С. Особенности метафоризации в научном тексте (на материале научной статьи М. Блэка «Metaphor» на английском языке) [Текст] / И. С. Морозова, Е. А. Смольянина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 2 (34). – С. 33–44.
10. Петрухин, П. В. Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века [Текст] / П. В. Петрухин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 62–84.

11. Пронин, А. А. Авторская интенция в информационной тележурналистике: опыт практического анализа [Текст] / А. А. Пронин // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – №1 (27). – С. 159–165.
12. Радченко, О. А. Й. Г. Гаман в лингвистическом дискурсе XVIII столетия [Текст] / О. А. Радченко, Л. С. Аликаева // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 82–101.
13. Рянская, Э. М. Особенности историографического текста как объекта лингвистического анализа [Текст] / Э. М. Рянская, А. М. Яковлева // Нижневартовский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 92–94.
14. Сафонова, М. А. Категория авторской интенции в лингвостилистическом анализе биографического текста (на английском материале) [Текст] / М. А. Сафонова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 162–165.
15. Свойкин, К. Б. Способы проявления продуцентного авторства в англоязычном научном тексте [Текст] / К. Б. Свойкин // Интеграция образования. – 2006. – № 1. – С. 178–182.
16. Сеченова, Е. Г. Статистико-вероятностная модель гендерообусловленного авторского «я» в научном дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.21 / Сеченова Екатерина Григорьевна; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2009. – 25 с.
17. Соскина, С. Н. К вопросу о модальности, интенции и интенциональности [Текст] / С. Н. Соскина, Е. С. Хорольская // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 2. – С. 16–20.
18. Текст: Теоретические основания и принципы анализа [Текст]: учебно-научное пособие / под ред. проф. К. А. Роговой. – СПб: Златоуст, 2011. – 456 с.
19. Чернявская, В. Е. Как подать... Успех научной статьи определяет лингвистическая стратегия [Электронный ресурс] / В. Е. Чернявская // Поиск: еженедельная газета научного сообщества. – 2015. – № 4 – URL: <http://poisknews2.runnet.ru/theme/publications/14121/> (дата обращения 16.03.2019).

Источники иллюстративного материала

1. Барышников, В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге/Ленинграде: XIX–XXI вв. [Текст] / В. Н. Барышников // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции, С.-Петербург, декабрь 2011 / отв. ред. Н. П. Евдокимова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. – С. 42–55.
2. Возгрин, В. Е. История Швеции в новейших исследованиях учёных Санкт-Петербургского государственного университета [Текст] / В. Е. Возгрин // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции, С.-Петербург, декабрь 2011 / отв. ред. Н. П. Евдокимова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. – С. 55–65.

3. Дементьев, И. О. «Столп дворянской идеологии» или «демократ-гуманист»: Алексис де Токвиль в советской историографии [Текст] / И. О. Дементьев // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции, С.-Петербург, декабрь 2011 / отв. ред. Н. П. Евдокимова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. – С. 94–103.
4. Зайцев, М. В. История российского города XVIII–XIX вв. в работах И. И. Дитятина [Текст] / М. В. Зайцев // Историографический сборник: межв. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – Вып. 25. – С. 36–49.
5. Захаров, А. В. Записные разрядные книги начала XVIII в.: информативность материала для реконструкции [Текст] / А. В. Захаров // Мир историка и пространство истории: сб. статей к юбилею проф. Н. Н. Алеврас / под ред. Н. В. Гришиной, Т. А. Андреевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 243–258.
6. Карнаухов, Д. В. Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии [Текст] / Д. В. Карнаухов // Вестник Томского государственного университета. – № 346. – 2011. – С. 69–73.
7. Майорова, А. С. Культура Саратовской губернии конца XVIII – середины XIX века в историко-региональных исследованиях [Текст] / А. С. Майорова // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – Вып. 25. – С. 50–65.
8. Мезин, С. А. Биография Петра I во французской газете 1725 года [Текст] / С. А. Мезин // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – Вып. 25. – С. 100–113.
9. Рабинович, Я. Н. Архив графов Делагарди в Тарту: его история и изучение [Текст] / Я. Н. Рабинович // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – Вып. 25. – С. 66–82.
10. Эльфонд, И. Я. Место «Франкогаллии» Ф. Отмана во французской историографии Ренессанса [Текст] / И. Я. Эльфонд // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – Вып. 25. – С. 83–100.

References

1. Adaeva, O. B. (2014). Strategiya samoprezentatsii adresanta kak kompetentnogo uchenogo v lingvodidakticheskom diskurse [The Strategy of Author's Self-presentation as a Competent Researcher of linguo-didactic discourse]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of N. A. Nekrasov Kostroma State University], 2, 155–188.
2. Vargina, E. I. (2004). *Nauchnyy tekst: funktsiya vozdeystviya* [Scientific Text: the Impact Function]. PhD in Philological sci. diss. Saint-Petersburg: St Peterburg State University.
3. Gavrilova, A. A. (2009). *Upravlenie ponimaniem chitatelya nauchnogo teksta s pomoshchyu metatekstovykh sredstv (na materiale nauchnykh tekstov russkogo i nemetskogo yazykov)* [The impact on the reader's comprehension of scientific text

- through the meta-text eans]. PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov State University.
4. Gubik, S. V. Sharikov, E. R. (2016). Osobennosti vyrazheniya avtorskoy intentsii v ekonomicheskom mediadiskurse (na materiale zhurnala «The Economist») [The author's communicative intention in economic media discourse (Based on «The Economist» materials)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2, 160–166.
 5. Efremova, N. V. (2015). Dialogichnost kak odin iz mekhanizmov tekstoobrazovaniya v protsesse diskursivnoy deyatel'nosti uchenogo [Dialogue as one of the mechanisms of text formation in the process of scientist's discursive work]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (97), 138–145.
 6. Klushina, N. I. (2008). *Intencionalnye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)* [The categories of intention of publicist text (Based on the material of Periodicals of 2000–2008)]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.
 7. Kopytov, O. N. (2010). *Obraz avtora i avtorskoe nachalo: razgranichenie i oblasti primeneniya ponyatiy* [The image of the author and the author's element: Differentiation and scopes of concepts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 334, 11–14.
 8. Kulko, O. I. (2002). *Intencionalnost kak kategoriya letopisnogo teksta (na materiale Galitsko-Volynskoy letopisi)* [The intentionality as a category of chonical text (Based on the material of Galitch and Volyn' chronicles)]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University.
 9. Morozova, I. S., Smolyanina, E. A. (2015). Osobennosti metaforizatsii v nauchnom tekste (na materiale nauchnoy statyi M. Bleka «Metaphor» na angliyskom yazyke) [Specificity of metaphORIZATION in scientific text (On the data of the English scientific article "Metaphor" by M. Black)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2 (34), 33–44.
 10. Petruhin, P. V. (1996). *Narrativnaya strategiya i upotreblenie glagolnykh vremen v russkoy letopisi XVII veka* [Narrative strategy and the verbal tenses use in Russian Chronicle of the 17th century]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 4, 62–84.
 11. Pronin, A. A. (2014). *Avtorskaya intentsiya v informatsionnoy telezhurnalistike: opyt prakticheskogo analiza* [Author's intention in information television journalism: the experience of practical analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 1 (27), 159–165.
 12. Radchenko, O. A., Alikaeva, L. S. (2011). *J. G. Gaman v lingvisticheskom diskurse XVIII stoletiya* [J. G. Hamann in Linguistic Discourse of the 18th century]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1, 82–101.
 13. Ryanskaya, E. M., Yakovleva, A. M. (2016). Osobennosti istoriograficheskogo teksta kak obyekt lingvisticheskogo analiza [The specifics of historiographical text as an object of linguistic analysis]. *Nizhnevartovskiy filologicheskiiy vestnik* [Philology Bulletin of Nizhnvartovsk], 1, 92–94.

14. Safonova, M. A. (2013). Kategoriya avtorskoy intentsii v lingvostilisticheskom analize biograficheskogo teksta (na angliyskom materiale) [The category of author's intention in linguo-stylistical analysis of a biography]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Lingvistika* [Bulletin of N. A. Nekrasov Kostroma State University. Linguistics], 3, 162–165.
15. Svoynkin, K. B. (2006). Sposoby proyavleniya producentnogo avtorstva v angloyazy`chnom nauchnom tekste [The Means of Producent's authorship in English academic text]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 1, 178–182.
16. Sechenova, E. G. (2009). *Statistiko-veroyatnostnaya model gendero-obuslovlennogo avtorskogo «ya» v nauchnom diskurse* [Statistical-frequency model of a gender-determined author's personality in scientific discourse]. PhD in Philological sci. diss. Tyumen : Tyumen State University.
17. Soskina, S. N., Khorolskaya, E. S. (2009). K voprosu o modalnosti, intentsii i intentsionalnosti [The issues of modality, intention and intentionality]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, pedagogy, and psychology], 2, 16–20.
18. Rogova, K. A. (ed.). (2011). *Tekst: Teoreticheskie osnovaniya i printsipy analiza* [Theoretical Grounds and Principles for Analysis]. Saint-Petersburg : Zlatoust Press.
19. Chernyavskaya, V. E. Kak podat'... Uspekh nauchnoy statyi opredelyaet lingvisticheskaya strategiya [The way you put it... Success of a scientific paper is determined by linguistic strategy]. *Poisk* [Search]: A weekly newspaper. Retrieved March 16, 2019 from <<http://www.poisknews.ru/theme/publications/14121/>>.

Illustration material sources

1. Baryshnikov, V. N. (2012). Izuchenie istorii Finlyandii v Sankt-Peterburge/Leningrade: XIX-XXI vv. [Study of the History of Finland in St. Petersburg/Leningrad: XIX-XXI Centuries]. In N. P. Evdokimova (ed.), *Aktualnye problemy istorii i istoriografii stran Zapadnoy Evropy i Ameriki v Novoe i Noveyshee vremya: pamyati nashikh uchiteley – sozdateley leningradskoy-peterburgskoy shkoly istorikov* [Current Issues of History and Historiography of Western Europe and America in the New and Modern Times: To the Memory of our Teachers – the Creators of the Leningrad-St. Petersburg School of Historians]. Proc. of the Scientific Conference, St. Petersburg, December, 2011. (pp. 42–55). Ishim : Ishim State Pedagogical University Press.
2. Vozgrin, V. E. (2012) Istoriya Shvetsii v noveysikh issledovaniyakh uchyonykh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [The history of Sweden in the Latest Research of Scientists of St. Petersburg State University]. In N. P. Evdokimova (ed.), *Aktualnye problemy istorii i istoriografii stran Zapadnoy Evropy i Ameriki v Novoe i Noveyshee vremya: pamyati nashikh uchiteley – sozdateley leningradskoy-peterburgskoy shkoly istorikov* [Current Issues of History and Historiography of Western Europe and America in the New and Modern Times: To the Memory of our Teachers – the Creators of the Leningrad-St. Petersburg School of Historians]. Proc. of the Scientific Conference, St. Petersburg, December, 2011. (pp. 55–65). Ishim : Ishim State Pedagogical University.

3. Dementev, I. O. (2012). «Stolp dvoryanskoy ideologii» ili «demokrat-gumanist»: Aleksis de Tokvil v sovetskoy istoriografii [«The pillar of Noble Ideology» or «Democrat-humanist»: Alexis de Tocqueville in Soviet Historiography]. In N. P. Evdokimova (ed.), *Aktualnye problemy istorii i istoriografii stran Zapadnoy Evropy i Ameriki v Novoe i Noveyshee vremya: pamyati nashikh uchiteley – sozdateley leningradskoy-peterburgskoy shkoly istorikov* [Current Issues of History and Historiography of Western Europe and America in the New and Modern Times: To the Memory of our Teachers – the Creators of the Leningrad-St. Petersburg School of Historians]. Proc. of the Scientific Conference, St. Petersburg, December, 2011. (pp. 94–103). Ishim: Ishim State Pedagogical University.
4. Zaytsev, M. V. (2014). Istoriya rossiyskogo goroda XVIII–XIX vv. v rabotax I. I. Dityatina [The history of the Russian city of XVIII–XIX centuries in the works of I. I. Dityatin]. *Istoriograficheskiy sbornik* [Historiographical Collection]. Inter-University Collection of Scientific Works (Vol. 25, pp. 36–49). Saratov : Saratov State University press.
5. Zakharov, A. V. (2018). Zapisnye razryadnye knigi nachala XVIII v.: informativnost materiala dlya rekonstruktsii [Record books of orders of the early 18th century: Informative Material for Reconstruction]. *Mir istorika i prostranstvo istorii: sbornik statey k yubileyu professora N. N. Alebras* [World of Historian and Space of History: Collection of Articles for the Anniversary of Professor N. N. Alebras] (pp. 243–258). Chelyabinsk : Entsiklopediya Press.
6. Karnaukhov, D. V. (2011). Problema russkix letopisny`x istochnikov Yana Dlugosha i Macheya Stry`jkovskogo v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [The problem of Jan Dlugoszs and Maciej Strykowski's Russian annalistic sources in domestic and foreign historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 346, 69–73.
7. Mayorova, A. S. (2014). Kultura Saratovskoy gubernii kontsya XVIII – serediny XIX veka v istoriko-regionalnykh issledovaniyakh [Culture of the Saratov Province of the late XVIII – mid XIX century in historical and regional studies]. *Istoriograficheskiy sbornik* [Historiographical Collection]. Inter-University Collection of Scientific Works (Vol. 25, pp. 50–65). Saratov : Saratov State University Press.
8. Mezin, S. A. (2014). Biografiya Petra I vo frantsuzskoy gazete 1725 goda [Biography of Peter I in the French newspaper of 1725]. *Istoriograficheskiy sbornik* [Historiographical Collection]. Inter-University Collection of Scientific Works (Vol. 25, pp. 100–113). Saratov : Saratov State University Press.
9. Rabinovich, Ya. N. (2014). Arkhiv grafov Delagardi v Tartu: ego istoriya i izuchenie [Archive of Earls Delagardi in Tartu: Its History and Study]. *Istoriograficheskiy sbornik* [Historiographical Collection]. Inter-University Collection of Scientific Works (Vol. 25, pp. 66–82). Saratov : Saratov State University Press.
10. Elfond, I. Ya. (2014). Mesto «Frankogallii» F. Otmana vo frantsuzskoy istoriografii Rennansa [«Francophilie» F. Othman in the French Historiography of the Renaissance]. *Istoriograficheskiy sbornik* [Historiographical Collection]. Inter-University Collection of Scientific Works (Vol. 25, pp. 83–100). Saratov : Saratov State University Press.

УДК 81'37, 81'42
UDC 81'37, 81'42

Сергеева Елена Владимировна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena V. Sergeeva
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russian Federation
elena.v.sergeeva@gmail.com

БИБЛЕИЗМЫ В ПОЭМАХ С. ЕСЕНИНА
РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
THE BIBLE WORDS IN YESENIN'S POEMS
OF THE REVOLUTIONARY PERIOD

Аннотация

Библеизмы в последнее время стали предметом пристального внимания лингвистов. Они рассматриваются как особая группа в системе номинативных, экспрессивных и образных средств русского языка и как специфическая разновидность поэтизма. Настоящая статья посвящена описанию эволюции роли библеизмов в поэзии С. Есенина от религиозного гуманизма до выражения революционного протеста. Исследуются особенности употребления и приёмы десакрализации библеизмов. Анализ текстов С. Есенина позволяет утверждать, что поэт использует библеизмы с целью продемонстрировать возможность пересечения божественного пространства с пространством земным, несакральным. Тема религиозного гуманизма развивается на основе десакрализации библеизмов, в которых актуализируется семантика революционной жертвенности. В творчестве поэта появляются богоборческие мотивы, характерные для литературы начала 20 века. Переосмысление библеизмов в контексте литературных произведений свидетельствует об их высокой значимости для поэтического текста, а изучение их функционирования в различных типах дискурса на материале разных языков может составить перспективу не одного исследования.

Abstract

Bible words have recently become the focus of linguists' attention. They are viewed as separate vocabulary group in the system of nominative, expressive and metaphorical means of the Russian language. This paper examines the evolution of Bible words functioning in S. Yesenin's poems from religious humanitarianism to expressing revolutionary protest. Functioning patterns and techniques of desacralization are studied. The results of Yesenin's poems analysis demonstrate that the poet used Bible words to convey the message that secular and sacred worlds can overlap. The topic of religious humanitarianism is developed on the basis of desacralization of Bible words that further actualize the meaning of sacrificing for the sake of Revolution. Against-God motives that were characteristic for the literary works of the early 20th century appear in Yesenin's poetry. Reinterpretation of Bible words in various contexts in literary works definitely indicates their importance for poetic texts, and studying their functioning patterns in different type of discourse could be the focus for a number of further research works.

Ключевые слова: поэтический библеизм, десакрализация, ресемантизация, лексическая экспликация революционного протеста, языковое выражение богоборческих мотивов.

Keywords: poetic Bible word, desacralization, resemantization, lexical explication of revolutionary protest, linguistic expression of against-God motives.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_184_196

1. Введение

Исследование употребления поэтических библеизмов в произведениях русской литературы позволяет рассмотреть не только некоторые особенности идиостиля автора, но и глубинные основы семантики культурем в художественном тексте.

Не возражая против определения, приведённого (со ссылкой на многочисленных исследователей) Н. В. Климович [Климович, 2011, с. 3]), автор настоящей статьи считает, что поэтический библеизм нуждается в отдельной дефиниции. Под поэтическим библеизмом (далее – ПБ) в статье понимается смысловая единица (будь то лексема, сверхсловная номинация, синтаксическая конструкция или текстовый фрагмент), которая является именем или дословной / трансформированной цитатой из Библии и становится в поэтическом тексте экспрессемой, ассоциативно (на основе тематических, образных, культурных или идейных связей) соотносящей этот текст со Священным Писанием. Ср.: «...библеизмы, то есть отдельные слова современного русского литературного языка, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии или образовавшиеся позднее на основе библейских текстов...» [Романова, 2003, с. 3].

В последние два десятилетия библеизмы стали предметом пристального внимания лингвистов, о чём в своё время было упомянуто автором статьи: «В последнее десятилетие в филологии происходит активное теоретическое осмысление термина «библеизм» и рассмотрение семантики и особенностей функционирования конкретных библеизмов как в национальном языке, так и в художественном тексте. Объясняется это, с одной стороны, некой «модностью» обращения к церковно-религиозной тематике, а с другой – действительно только недавно появившейся возможностью исследования понятий, связанных с языком Писания и религиозным дискурсом вообще» [Сергеева, 2013, с. 233]. Весьма интересным представляется употребление библеизмов в художественном, особенно поэтическом, тексте, где к номинативной, сюжетообразующей и культурно-этической функции этих единиц добавляется эстетическая.

При рассмотрении поэтических текстов авторов 20 в. (от В. Иванова и М. Волошина до А. Ахматовой и А. Тарковского) можно сделать вывод, что ПБ употребляется как прямая номинация (*Ирод, Галилея, Иезекииль, Кана, Голгофа, Авель, Арарат, Девора, настырь*), идеологема (*Господь,*

*Дух Святой, Дьявол, Змий, Христос, Мария, Агнец, Благий, архангел, ангел), культурема (Вифлеемская звезда, Бегство в Египет, ангел, часы Голгоф, Неопалимая Купина, Армагеддон, Конь Бледный), знак свёрнутого сюжета (И в кровь вино не претворилось; Иосиф, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать; Простоволосая Агарь – сижу; Другим – кончат Голгофой; Всех младенцев перебили по указу Ирода; видение Иезекииля) и специфический элемент тропа (лилия Галилеи; Солнце Эммауса; как крылья серафимов; придет, как Моисей). В последней четверти 20 века эту традицию развивает и видоизменяет И. Бродский, в поэзии которого библеизм, с одной стороны, выполняет традиционные функции, а с другой – употребляется как «обытовленная», «прозаизированная» единица, причём часто в сниженном контексте: *от рая до парашу; Дернуть отсюда по морю новым Христом; Гибрид архангелов с золотой ротой; В овчий вертеп прячет Христа – хер тебе, Ирод* [Бродский, 2005].*

Можно предположить, что И. Бродский отчасти воплощает и трансформирует традицию тех поэтов первой четверти 20 века, и прежде всего В. Маяковского и С. Есенина, в творчестве которых библеизм может коренным образом переосмысливаться или становиться средством воплощения революционного протеста.

2. Эволюция библеизмов в поэзии Сергея Есенина

В поэтических текстах С. Есенина библеизмы часто употребляются для создания образа революции, образа мира, принципиально изменяющегося не только в социальном, но и в мировоззренческом, идеологическом и нравственном отношении. Однако к подобному использованию этих единиц поэт приходит не сразу. Так, в предреволюционной поэме «Микола» [Есенин, 1915] лексемы и словосочетания *Бог¹, Господь, купина, рай, райский сад, райский терем, иорданские псалмы* употребляются, с одной стороны, традиционно (это прежде всего номинации определённых частотных понятий, идологем и локусов, упоминаемых в Писании, связанные с лирическим сюжетом, и – условно – с «характеристикой» лирического персонажа). С другой стороны, эти библеизмы становятся средствами сближения двух реальностей: здешнего, «скорбного», «нищего» деревенского «русского края» и мира горнего, с которым «гуторит» Микола:

"Всем есть место, всем есть логов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний богов –
В божий терем правлю путь".

Вопрос о написании прописной или строчной буквы в словах бог и господь, носит дискуссионный характер. С одной стороны, в прижизненных (и вообще всех советских) изданиях Есенина, конечно, была строчная буква. С другой стороны, современный узус и многие специалисты по орфографии начала 21 в. рекомендуют прописную букву. Интернет даёт оба варианта. Поэтому автор настоящей статьи счёл необходимым в приведённых отрывках из поэм сохранить начальную строчную букву, а в тексте абзацев дать написание с прописной, поскольку употребление этих слов как имён собственных в тексте псалма и дореволюционной поэзии Есенина делает логичным аналогичное написание и в тексте статьи.

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
"Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас".

По-видимому, весьма важно в этом контексте словосочетание «иорданские псалмы», поскольку оно отсылает к определённой системе смыслов, выходящих за пределы текста и связанных с упоминанием Иордана в Псалтири, то есть с псаломом 113. Следует упомянуть, что интернет-системы как результат поиска по слову «Иордан» дают, прежде всего в «Библии он-лайн» и «Православной энциклопедии “Азбука веры”», именно этот псалом, в котором упоминается Иордан. Псалом 113 – один из важнейших текстов Псалтири, в котором прославляется всемогущество Господа, подчёркивается возможность уповать на него не только Израилю, но и всем «боящимся Господа» и звучит общеизвестное и почти прецедентное: «не нам, не нам, ... но имени Твоему». Приведём фрагменты в русском переводе [Библия онлайн, 2003–2019].

Когда вышел Израиль из Египта...
Море увидело это и отступилось,
река Иордан обратилась вспять...
Что с тобой, море, что ты отступило
и с тобой, Иордан, что ты обратился вспять?...
Трепещи, земля, перед Владыкой,
перед Богом Иакова, ...
Не нам, не нам, Господи,
а имени Твоему да будет слава...
Наш Бог на небесах
и делает все, что Ему угодно.
Израиль, уповай на Господа!...
Боящиеся Господа, уповайте на Господа!
Он – их помощь и щит.
Господь нас помнит и благословит:
...мы прославим Господа
отныне и вовеки.

В поэме С. Есенина Микола поёт псалмы, и поэт, косвенно отсылающий нас к 113 псалму, в котором предельно ярко представлено сугубо религиозное мировоззрение, напоминает читателю о могуществе и славе божией. Следовательно, ни революционные, ни богоборческие мотивы в поэме «Микола» ещё не проявляются, и здесь библеизмы употребляются фактически традиционно.

Весьма известные и часто воспроизводимые в культуре и искусстве сюжетные элементы, связанные с именами собственными Ирод, Саломея и Содом, включаются в поэму «Певущий зов» [Есенин, 1917 а]: С. Есенин не просто частично воспроизводит сюжеты Библии, но интерпретирует все три так, что они вступают в отношения своеобразной интерференции, актуализирующие доминантную сему «расплата» (*Не погасить ее Ироду Кровью младенцев..., близок твой час расплаты, грозят Содому*).

Новый Назарет
Перед вами...
Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...
"Пляши, Саломея, пляши!"
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, –
Но близок твой час расплаты!
Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,
Снова грозят
Содому:
"Опомнитесь!"

Однако этой идейно-художественной лексической доминанте противопоставлена другая, эксплицированная глаголом «любить» и существительными «братья», «тепло» и «свет» [Есенин, 1917 а]. Таким образом, «революционная» тема, воплощающаяся в библеизмах, в дореволюционном творчестве поэта трансформируется в тему религиозного гуманизма.

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых – сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

Тем не менее уже в поэме «Товарищ» [Есенин, 1917 б] неоднократно повторяющееся имя Иисуса становится воплощением отнюдь не религиозных смыслов. Христос – преобразователь системы ценностей мира – не случайно становится воплощением революционной борьбы и жертвенности: Иисус – товарищ Мартына, сына убитого рабочего, но Иисус – и просто «товарищ», то есть сторонник революции. Представляется, что это следует отметить особо: для С. Есенина в этой поэме характерно «снятие» сакральной семантики библеизма, причём специально утверждаемое.

И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.
Слушайте:
Больше нет воскресенья!

Даже если десакрализация в произведениях С. Есенина не эксплицирована непосредственно, она проявляется в особенностях лексической структуры и образной системы, например, в поэмах «Преображение» и «Инония» библеизмы-существительные не случайно употребляются с определением «новый», то есть «появившийся вместо прежнего... заменивший собой прежний...» [МАС]: *новый Содом, новый Лот, новый сеятель, новый Спас, новый Назарет*. В поэме «Отчарь» [Есенин, 1917 в] поэт употребляет окказиональную метафору, созданную на основе библеизма.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждыный
Свет ангельских юрт.

Эта метафора демонстрирует стремление поэта вывести библейскую тему за пределы традиционно-поэтического воплощения и восприятия исключительно в рамках европейской культуры, с одной стороны, и попытку прозаизации сюжетов Священного Писания – с другой.

В поэме «Октоих» [Есенин, 1917 г] соотнесение текстового континуума Библии и полуфольклорного русского пространства-времени становятся средством сближения и взаимопроникновения мира Писания и близкой поэту Руси. Даже цитата «Осанна в вышних!» употребляется С. Есениным прежде всего с этой целью. Рай и мир библейских патриархов присутствуют в тексте С. Есенина здесь и сейчас, в России, в «отчем краю».

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Вспомним евангельский текст [Библия онлайн, 2003–2019].

1. «...народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!» (Мф. 21:9).

2. «И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!» (Мк. 11:9–10).

3. «На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идёт в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» (Ин. 12:12–13).

Это означает, что где-то в виртуальном пространстве поэмы на уровне подтекста возникает эффект присутствия самого Иисуса Христа, а дубрава Мамре растёт одновременно в библейской древней Иудее и в современной поэту России, там, где сидит его дед Авраам, патриарх русского крестьянского рода [Есенин, 1917 г].

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

Следует обратить внимание, что «рыжий дед» одновременно находится в посюстороннем, здешнем мире и в мире божественных вселенских пространств, превращаясь в созвездие – уже как герой античного мифа. Мифологическое в широком смысле (мифически-библейское) пространство сливается с реальным. Аналогичная ситуация взаимопроникновения сакрального и земного предполагается в поэме «Пришествие» [Есенин, 1917 д].

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

Родина поэта может стать частью рая не только потому, что для него она обладает абсолютной ценностью (ср. «не надо рая, дайте родину мою»), но и потому, что между миром божественным, небесным и земным для автора чёткой границы нет.

В поэме «Иорданская голубица» [Есенин, 1918 а] «небесный сад» вновь оказывается рядом с «отчим раем», Иордан течёт по родным поэту лугам, а апостол Андрей и Авраам присутствуют в русских «холмах» и «нивах».

Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань...
Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланных коней.

С дудкой пастушеской в ивах
 Бродит апостол Андрей...
 Древняя тень Маврикии
 Родственна нашим холмам,
 Дождиком в нивы золотые
 Нас посетил Авраам.

Таким образом, С. Есенин использует библеизмы для того, чтобы прямо заявить, что небесное, божественное пространство может пересекаться с пространством здешним, земным, несакральным.

По мере разворачивания своеобразного цикла поэм, связанных с библейской тематикой, десакрализация и ресемантизация библейских образов доходит до предела. Эти процессы в целом были характерны для литературы, особенно модернистской, начала 20 в. [Тимофеева, 2017, с. 15]. Однако С. Есенин не ограничивается просто отступлениями от пространственно-временных и сюжетных «реалий» Святого Писания, которые неоднократно встречаются в уже упомянутой поэме «Пришествие» [Есенин, 1917 д].

...
 Снова мне, о боже мой,
 Предстает твой сын.

...
 Но пред тайной острова
 Безначальных слов
 Нет за ним апостолов,
 Нет учеников.

...
 Возри же на нивы,
 На сжатый овес, –
 Под снежною ивой
 Упал твой Христос!

В отличие от Евангелия, рядом с Христом нет апостолов, а сам он находится не в пространстве иудейской пустыни, а среди среднерусских нив, а гибнет не на Голгофе, а среди северных снегов.

Подобные отступления превращаются в трансформацию смыслов, связанных с самими библеизмами и традиционными контекстами их употребления, доходя почти до святотатства в восклицании «Господи, отелись!» в поэме «Преображение» [Есенин, 1917 е], что может быть в какой-то мере мотивировано образом телицы-Руси.

Перед воротами в рай
 Я стучусь:
 Звездами спеленай
 Телицу-Русь.

Однако в поэме «Инония» [Есенин, 1918 б] представлена не просто десакрализация, а фактически святотатственная интерпретация библейских образов. С одной стороны, С. Есенин, следуя хорошо известной сюжетной линии русской поэзии 19 в. (прежде всего, Пушкина и Лермонтова), вполне традиционно называет себя пророком, упоминая при этом Библию.

Не утрашуся гибели,
Ни копий, не стрел дождей, -
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Отчасти парадоксально при этом, что поэма посвящена великому трагическому обличителю пророку Иеремии и в то же время полна демонстративного отрицания религиозных таинств и ценностей [Есенин, 1918 б].

Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.
Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест...

С одной стороны, лирический герой решительно протестует против церковных ритуалов и таинств, в том числе причастия, а с другой – повтор местоимения «иной» (иное учение, иное пришествие) в этом контексте весьма показателен, демонстрируя, что какие-то другие сакральные ценности для него существуют. И уже не пророком, а восьмикрылым ангелоподобным существом (а не шестикрылым серфимом) представляет себя лирический герой [Есенин, 1918 б].

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

Тем не менее употребление библеизмов в совершенно нехарактерном для них контексте приводит к тому, что богоборчески-безбожнические мотивы звучат в тексте поэмы совершенно явно [Есенин, 1918 б].

Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
...Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны...
...Вспух незримой коровой бог.

Сходный контекст употребления имени Господь видим в поэме «Пантократор» [Есенин, 1919], последней по времени в этом своеобразном цикле, демонстрирующем движение от незначительных изменений в употреблении библеизмов к глобальной трансформации традиционных принципов этого употребления.

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

Глагол *лаяться* (браниться, ругаться – [МАС]), в отличие от глагола *молиться* обладает явно выраженным отрицательным оценочным значением, и то, что господь научил лирического героя браниться, воспринимается как парадокс, снижающий сам образ Бога. Следовательно, вновь происходит десакрализация библеизма.

3. Заключение

Проведённое исследование показало, что поэтические библеизмы многофункциональны: они употребляются традиционно (в качестве прямых номинаций, идеологием, культурем, знаков свёрнутого сюжета и элементов тропа) и нетрадиционно – в качестве лексических репрезентантов революционного протеста. Подобное употребление прослеживается и в поэзии Сергея Есенина. На раннем этапе творчества поэта библеизмы становятся средствами сближения двух реальностей: скорбного здешнего мира и небесного – светлого и прекрасного. Дореволюционное творчество поэта представляет революционную тему, воплощённую в библеизмах, в форме религиозного гуманизма. Эта тема развивается на основе неявной десакрализации и прозаизации библеизмов, в которых затем актуализируется семантика революционной борьбы и жертвенности. В творчестве поэта появляются богоборческие мотивы, характерные для литературы начала 20 века.

Итак, можно утверждать, что в целом в поэмах С. Есенина революционного периода библеизмы становятся средством

- подчеркнуть сходство, даже родственность современности поэта и библейских времён;
- указать на сходство православного, деревенского мира с раем и миром библейских патриархов;
- обозначить перелом эпох и обновление мира;
- показать современность и революционность образа Христа;
- представить второе пришествие как современную трагедию;
- воплотить в библейских персонажах преобразование современной поэту России.

По-видимому, можно с полным основанием утверждать, что переосмысление библеизмов в произведениях С. А. Есенина, во многом связанное с неоднозначностью употребления этих лексических единиц, свидетельствует прежде всего о неизменно высокой значимости библейской лексики в творчестве поэта.

Список литературы

1. Библия Онлайн [Электронный ресурс]. – 2003–2019. – URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/nrt/> (дата обращения – 24.02.2019).
2. Бродский, И. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / И. Бродский. – 2005. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=8483> (дата обращения 08.02.2019).
3. Есенин, С. А. Микола [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1915. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
4. Есенин, С. А. Певущий зов [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 а. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
5. Есенин, С. А. Товарищ [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 б. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
6. Есенин, С. А. Отчарь [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 в. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
7. Есенин, С. А. Октоих [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 г. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
8. Есенин, С. А. Пришествие [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 д. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
9. Есенин, С. А. Преображение [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1917 е. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
10. Есенин, С. А. Иорданская голубица [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1918 а. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
11. Есенин, С. А. Инония [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1918 б. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
12. Есенин, С. А. Пантократор [Электронный ресурс] / С. А. Есенин // Собрание сочинений (1912–1925). Lib.Ru/Классика. – 1919. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/ (дата обращения – 22.02.2019).
13. Климович, Н. В. Библизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты [Текст]: автореф. дисс. ... канд филол. наук 10.02.19 / Климович Наталья Викторовна; Сибирский федеральный ун-т. – Иркутск, 2011. – 16 с.
14. Романова, Г. В. Использование библизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой [Текст]: автореф. дисс. ... канд филол. наук 10.02.01 / Романова Галина Викторовна; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2003. – 20 с.

15. Сергеева, Е. В. Особенности употребления библеизмов в русской поэзии XX века [Текст] / Е. В. Сергеева // Избранное. Сборник статей. – М. : Директ-Медиа, 2013. – С. 233–245.
16. Словарь русского языка в четырёх томах. Т. 2. К-О [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 736 с. (МАС).
17. Тимофеева О.Е. Художественная проза журнала «Весы» в контексте идейно-эстетической позиции издания [Текст]: автореф. дисс. ... канд филол. наук 10.02.01 / Тимофеева Ольга Евгеньевна; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2017. – 20 с.

References

1. Bibliya Onlayn (2003–2019). [Bible online]. Retrieved February 24, 2019 from <<https://www.bibleonline.ru/bible/nrt/>>.
1. Brodskiy, I. (2005). *Sobraniye sochineniy* [Collection of works]. Retrieved February 8, 2019 from <<https://www.e-reading.club/book.php?book=8483>>.
2. Yesenin, S. A. (1915). Mikola [Nikolai]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
3. Yesenin, S. A. (1917 a). Pevushchiy zov [Pevuschy call]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
4. Yesenin, S. A. (1917 b). Tovarishch [Friend]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
5. Yesenin, S. A. (1917 c). Otchar' [Otchar]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
6. Yesenin, S. A. (1917 d). Oktoikh [Oktoih]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
7. Yesenin, S. A. (1917 e). Prishestvie [Advent]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
8. Yesenin, S. A. (1917 f). Preobrazhenie [Transformation]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
9. Yesenin, S. A. (1918 a). Iordanskaya golubitsa [Dove of Jordan]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
10. Yesenin, S. A. (1918 b). Inoniya. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.
11. Yesenin, S. A. (1919). Pantokrator [Pantocrator]. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works] (1912–1925). Lib.Ru/Klassika. Retrieved February 22, 2019 from <http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/>.

12. Klimovich, N. V. (2010). *Bibleizmy v khudozhestvennom tekste: Tipologicheskiy, funktsional'nyy i perevodcheskiy aspekty* [Bible words in fiction: Aspects of typology, function and translation]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Siberian Federal University. Irkutsk.
14. Romanova, G. V. (2003). *Ispol'zovaniye bibleizmov v poezii Mariny Ivanovny Tsvetaevoy* [The use of Bible words in Marina Ivanovna Tsvetaeva's poetry]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Voronezh State University . Voronezh.
15. Sergeeva, E. V. Osobennosti upotrebleniya bibleizmov v russkoy poezii XX veka [The use of Bible words in Russian poetry of the 20th century]. *Izbrannoye. Sbornik statey* [Selected articles] (pp. 233–245). Moscow : Direkt-Media Press.
16. Yevgenyeva, A. P. (ed.) (1986). *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Vol. 2. 3d edition. Moscow : Russkiy yazyk Press. (MAK).
17. Timofeyeva, O. E. (2017). *Khudozhestvennaya proza zhurnala «Vesy» v kontekste ideyno-esteticheskoy pozitsii izdaniya* [The fiction of the Journal “Libra” in the context of its ideological and aesthetic position]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; The Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint-Petersburg.

УДК 81'42, 81'44
UDC 81'42, 81'44

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л. А. НЕФЕДОВОЙ,
Э. Ш. НИКИФОРОВОЙ, Н. С. ОЛИЗЬКО «КОГНИОТИП
СУДЕБНОГО ДИСКУРСА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ»**
**REVIEW OF THE MONOGRAPH OF L. A. NEFEDOVA,
E. SH. NIKIFOROVA, N. S. OLIZ'KO «COURTROOM DISCOURSE
COGNITIVE TYPE: A COMPARATIVE STUDY»**

Аннотация

Рецензируемая монография представляет результаты сопоставительного лингвистического анализа российской, казахской и американской когнитивных моделей судебного дискурса. В качестве общих дифференциальных признаков данного типа дискурса выделены институциональность, конвенциональность и театральность. Анализ транскриптов заседаний суда показал, что, независимо от языка, этот дискурс характеризуется триединством локуции, иллокуции и перлокуции. Первая призвана информировать о личности подсудимого, вторая осуществляется участниками судебного процесса (прокурором, адвокатом, защитником, свидетелем) с определённой интенцией, а её результаты отражены в третьей. Была также отмечена интертекстуальность, выраженная широким спектром внутри- и межтекстовых отношений. Речевое поведение участников судебного процесса обнаруживает ряд общих стратегий в зависимости от выполняемой роли. Авторы показали, что стратегия обвинения характеризуется набором универсальных тактик, включающих создание отрицательного образа подсудимого, предоставление фактов, доказывающих его вину, дискредитацию показаний свидетелей защиты, обвиняемого и выводов адвоката, демонстрацию самых шокирующих деталей преступления, использование многочисленных цитат. Стратегия защиты характеризуется симметричным речевым поведением, использующим противоположные тактики для конфронтации с позицией обвинителя. Кроме этого, в трёх языках отмечена эмоциональная составляющая, которая была выделена в отдельную стратегию. В зависимости от языка, были выделены особенности реализации указанных тактик. Участники американских процессов в большей степени использовали прямую конфронтацию, фактическую подачу материала, высокую степень детализации и постоянную демонстрацию улик. Российские участники сочетали конфронтацию с компромиссом, были склонны к меньшей детализации и большему обобщению, редко демонстрировали улики, прибегая в основном к описанию. Казахские участники всегда стремились достигнуть компромисса. Очевидно, что данные особенности являются результатом социально-культурных и языковых различий трёх народов и выработанных на их основе стереотипов.

Abstract

The book reviewed presents the results of comparative linguistic study of Russian, Kazakh and American cognitive models of courtroom discourse. The discourse common relevant features are institutionality, conventionality and theatricism. During the analysis of courtroom session transcripts, the unity of locution, illocution and perlocution was found to characterize the discourse type independent of the language. The first one is meant to inform about the defendant, the second one is performed by a courtroom subject (prosecutor, lawyer, defendant, witness) with a certain intention and results in the third one. Also, intertextuality was observed to be expressed in various inner-text and inter-text relations. Speech behavior of the subjects was found to follow common strategies depending on the roles performed. It was shown that accusation strategy is characterized by a number of tactics that include creating the negative image of the defendant, giving facts that prove the defendant's guilt, discrediting the evidence in favor of the defendant, defendant's words and the lawyer's reasons, demonstrating the most shocking details of the crime, providing abundant quotations. Symmetrical speech behavior of the defense strategy used a number of opposite tactics to confront the prosecutor's position. Besides, in all the three languages, emotional appeal was found and interpreted as a separate strategy. Language-specific differences were observed in terms of tactics manifestation. American participants tactics were mostly geared toward direct confrontation, more factual presentation with bigger detail and demonstration the evidence. Russian participants tactics combined confrontation with compromise, was less detailed and more generalizing, rarely demonstrative and mostly descriptive. Kazakh participants tended to be most compromising. These are obviously the results of differences among the three nations following their social-cultural and linguistic stereotypes.

Ключевые слова: стратегии и тактики в судебном дискурсе, общие дифференциальные признаки, обусловленные разницей языков черты, более или менее детализированное языковое представление фактов, языковые средства конфронтации и компромисса, социокультурные и языковые стереотипы.

Keywords: courtroom language strategies and tactics, common relative features, language-dependent differences, more or less detailed linguistic presentation of facts, language means of confrontation and compromise, social-cultural and linguistic stereotypes.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_197_205

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания направляет интерес исследователей в сторону изучения когнитивных процессов в лингвокреативной деятельности языковой личности. Одним из таких аспектов является институциональная деятельность, проявляющаяся во многих сферах: педагогической, религиозной, научной, политической, медицинской, юридической и так далее. Каждая из них характеризуется своим типом дискурса (см. об этом [Карасик, 2002]). Особого внимания заслуживают исследования, посвящённые изучению юридического дискурса, отдельных лингвистических аспектов языка права и юриспруденции на ма-

териале различных языков. Число таких исследований в последнее время растёт: анализируется судебный дискурс как феномен в русской и некоторых англоязычных культурах [Дубровская, 2014]; изучаются институциональные характеристики судебного дискурса, его типичные черты (см., напр., [Булахтина, 2018] и др.); рассматриваются классификации жанров судебного дискурса и особенности его нарративного моделирования [Палашевская, 2012]; исследуется речевое поведение сторон судебного процесса, например, судьи и защитника (см. подробнее [Дубровская, 2010] и др.) и прочие аспекты. Среди них коллективная монография «Когнитивный тип судебного дискурса: сопоставительный аспект» занимает достойное место.

По формальным признакам рецензируемая монография полностью соответствует данному виду научных работ. Её объём составляет 172 страницы. Монография имеет традиционную структуру: введение, три главы, заключение и библиография, которая включает 126 научных и учебных работ (из них 19 на иностранных языках – английском и французском), 14 словарей и 39 источников экспериментального материала (речи, протоколы, стенограммы).

Итак, рецензируемая монография представляет собой оригинальную трактовку судебного дискурса как сложной ментально-лингвистической модели представления типической жанровой ситуации «судебный процесс», которому присущи такие черты, как институциональность, конвенциональность, театральность.

В рамках данной работы когнитивный тип трактуется как ментально-лингвистическая модель представления типической жанровой ситуации. Данная модель принадлежит к конкретной предметной области, отличается тематической цельностью и завершенностью, характеризуется прототипической архитектурой, реализуется набором языковых выражений, соотнесенных в подсознании субъекта общения с данной предметной областью, и представляет собой ментально-лингвистическую модель декларативно-процедурных знаний. Выявление лингвистических и социокультурных особенностей когнитивного типа осуществляется на основе анализа набора текстов соответствующей предметной области. Данное исследование опирается на анализ текстов-транскриптов судебных заседаний по уголовным делам, проходившим в России, Казахстане и США.

Когнитивный тип судебного дискурса, по мнению авторов, характеризуется жесткой структурированностью и представляет собой единство трех актов: локуции, иллюкуции, перлокуции. Первым структурным компонентом судебного разбирательства является локутивный акт – акт установления личности подсудимого. Локутивный акт выполняет роль объективного информирования слушающих. Иллюкутивный акт осуществляется субъектом речи (адвокат, прокурор, обвиняемый, свидетели) с определенной интенцией, результаты которой отражены в перлокутивном акте. Другими словами, судебный дискурс как когнитивный тип является сложной структурой, состоящей из объективных элементов, которые представляют типичный алгоритм, касающийся судебного процесса.

Отличительной особенностью когнитивного типа «судебный дискурс» является способность текстов, формирующих данный дискурс, ссылаться друг на друга посредством заимствования содержательных и формальных элементов, принадлежащих другим текстам. В данной работе типология интертекстуальности строится в двух плоскостях – на горизонтальном уровне, устанавливающем синтагматические (метонимические, индексальные) отношения между частями отдельного текста, и вертикальном уровне, определяющем парадигматические (метафорические, иконические) связи текста с прецедентными феноменами. Каждый из указанных уровней характеризуется наличием внутренних и внешних связей. Соответственно, в монографии показывается, как интертекстуальные связи в судебном дискурсе реализуются посредством гипертекстуальных, метатекстуальных, архитектстуальных и интекстуальных отношений. Гипертекстуальность трактуется как межтекстовые отношения в рамках определенного вида институционального дискурса. Данные тексты характеризуются общностью содержания, структуры и функциональных особенностей. Под архитектстуальностью понимается установление в тексте набора характеристик, типично ассоциируемых с определенным прецедентным жанром. Одним из прецедентных жанров судебного дискурса выступает, например, жанр закона, основными характеристиками которого являются компактность, повествовательность, использование номинативных предложений с перечислением, прямой порядок слов, употребление сложноподчиненных предложений и так далее. Метатекстуальные отношения характеризуются как отношения, реализуемые посредством авторского комментария (толкования, интерпретации) в отношении содержания того или иного текста. Например, связь между текстами законов и комментариями к ним устанавливается посредством использования однотипной юридической лексики, общего порядка слов, рамочных конструкций, подобных видов предложений и так далее. Интекстуальность представляется авторами как текстовые включения, вносящие в данный текст информацию о различных прецедентных феноменах посредством использования цитат и ссылок. Прецедентные феномены при этом «хранятся» в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости актуализированы посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или через какую-то деталь, атрибут или символ. Когнитивные структуры, описывающие прецедентные феномены как знание, которое человек приобретает в предшествующем культурном опыте, выступают средством актуализации так называемых «вечных образов», стимулирующих возникновение определенных устойчивых ассоциаций при восприятии. Процесс понимания «устойчивых образов» – это применение неких когнитивных операций по восстановлению или реконструкции тех полных структур знаний, сокращенными аналогами которых они являются. Речь, очевидно, идет о структурах, представляющих собой высокоинтегрированные образцы языкового употребления, которые активизируются и отображаются на воспринимаемый текст в соответствии с конкретной речевой

стратегией. В самом общем виде стратегия определяется авторами как характеристика когнитивного плана высказывания, контролирующего оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о ситуации общения и ее участниках. В случае установления интертекстуальных отношений основу когнитивного плана высказывания составляют, по мнению авторов, соответствующие принципы реализации устойчивых ассоциаций, актуализирующих межтекстовые связи двух и более текстов посредством обращения к тем или иным прецедентным феноменам.

В ходе исследования авторами было установлено, что представление об определённой жанровой ситуации состоит из знания коллективного и знания индивидуального. По этой причине в монографии помимо социокультурного когниотипа выделяется индивидуальный когниотип, существующий в сознании отдельного субъекта общения, обусловленный его собственными коммуникативно-познавательными потребностями и эволюционирующий в процессе приобретения социального и текстового опыта. Полнота индивидуального когниотипа ставится в зависимость от уровня образования языковой личности вообще и компетентности языковой личности в данной предметной области. В связи с этим в работе осуществляется рассмотрение социального когниотипа «судебный дискурс» в целом и отдельных когниотипов участников судебного процесса в виде основных обобщённых моделей, таких как «судебный юрист» и «подсудимый» внутри общего когниотипа «судебный дискурс».

Судебный дискурс понимается как общепринятый тип речевого поведения участников судебного процесса, детерминированный утвердившимися стереотипами, возникшими в судебном процессе и ограниченный конкретными обстоятельствами разбираемого дела в ходе судебного заседания, который является вербально-знаковым выражением процесса коммуникации в ходе судебного процесса. При этом конечной целью самого судебного процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации.

Совокупность элементов речевого события, включающая его участников, отношения между ними и обстоятельства, в которых происходит общение, называется в монографии речевой ситуацией. Институциональное общение, к разряду которого относится общение в рамках судопроизводства, имеет статусно-ролевую, конвенциональную природу, ядром которого является профессиональное общение. Конвенции выполняют функцию ограничения, сдерживания возможной агрессии, они ориентированы на социокультурные нормы, модели и стандарты речевого поведения. Подчеркивается жёсткая конвенциональность судебного общения, причём нормы поведения в суде чётко прописаны законом и подлежат строгому соблюдению.

Дается характеристика действий субъектов в судебном дискурсе, которые подчинены строгой процессуальной процедуре, состоящей из следующих стадий: дискурс как дискуссия сторон; дискурс как столкновение

различных интерпретаций; дискурс формулирования и принятия судебного решения. Содержание судебного дискурса составляет характеристики правовой информации, то есть судебных речей, произносимых участниками процесса, и норм права, выраженных в нормативно-правовых актах и воспроизводимых в процессе судебного разбирательства. Описывая судебный дискурс, помимо специфических форм речевого и письменного взаимодействия, авторы монографии обращают внимание на так называемые стереотипы речевого поведения, а именно на типичные, образцовые формы речевого общения. Обращается внимание на то, что судебный документ представляет особую терминологическую систему. Юридические термины, широко используемые в судебных документах, обладают следующими характеристиками – определенностью, однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста и пр.

В ходе проведенного авторами исследования установлено, что средой, внутри которой реализуется коммуникативное воздействие являются аргументативно-суггестивные или воздейственные тексты, основной прагматической целью которых является оказание на реципиентов воздействия в виде убеждения, внушения и побуждения. В соответствии со статусно-ролевыми характеристиками и целями профессиональных участников судебного дискурса к базовым стратегиям коммуникативного воздействия относятся стратегии обвинения, защиты и эмоционального воздействия.

Стратегия обвинения определяет принцип построения коммуникативного поведения прокурора. Речевое поведение адвоката, представляющего интересы подсудимого, реализуется через использование коммуникативной стратегии защиты. Коммуникативная стратегия эмоционального воздействия, направленная на привлечение судей и присяжных на свою сторону, используется всеми участниками дискурса. Выявляется определённый набор коммуникативных тактик, через которые реализуются все рассмотренные стратегии.

К базовым коммуникативным тактикам стратегии обвинения авторы относят следующие тактики: а) отрицательная характеристика подсудимого (имплицитная и эксплицитная); б) констатация фактов, доказывающих виновность подсудимого; в) дискредитация показаний свидетелей защиты, подсудимого и доводов адвоката; г) преувеличение тяжести совершенного преступления, нанесённого ущерба; д) описание наиболее шокирующих деталей преступления; е) тактика цитирования. Отмечается способность данных тактик выстраиваться в определённых комбинациях в зависимости от характера рассматриваемого дела, личностных и этнокультурных характеристик участников судебного процесса.

В монографии дается также детальный анализ стратегии защиты, реализуемой адвокатами и актуализируемый посредством следующих коммуникативных тактик: тактика положительной характеристики подсудимого; тактика полного или частичного отрицания вины, или апелляция к искреннему раскаянию подсудимого; тактика дискредитации выводов следствия,

показаний свидетелей обвинения, доводов прокурора; тактика преуменьшения тяжести совершённого преступления, нанесённого ущерба, отрицательной характеристики потерпевшего; тактика цитирования. Анализируемый материал позволяет авторам утверждать, что набор базовых тактик стратегий обвинения и защиты симметричен, т. е. каждой тактике стратегии обвинения соответствует тактика стратегии защиты, что объясняется постоянной конфронтацией сторон, а, следовательно, необходимостью адекватной реакции на применённую противной стороной тактику.

Опираясь на тот факт, что как адвокаты, так и прокуроры пытаются оказывать эмоциональное воздействие в ходе реализации стратегий защиты и обвинения, авторы монографии отдельно выделяют стратегию эмоционального воздействия, которая применяется всеми участниками судебного процесса и имеет сходную реализацию, независимую от статуса участников процесса. В работе дается детальная характеристика номенклатуры коммуникативных тактик, посредством которых реализуется стратегия эмоционального воздействия: тактики самопрезентации, комплимента, имитированного диалога, создания «круга своих», создания «круга чужих», апелляции к жизненному опыту и здравому смыслу судьи и/или присяжных, аналогии, конвенциональной вежливости.

Важно отметить, что в ходе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа выявлены особенности реализации указанных тактик через текстовые категории аргументативности и суггестивности. Авторы приходят к выводу о том, что аргументативное воздействие текстов судебной риторики усиливается за счет привлечения суггестивного ресурса. При этом отмечается влияние культурных традиций отдельных стран. Например, риторические вопросы, являясь неотъемлемым компонентом всех рассмотренных речей, значительно чаще встречаются в речах американских прокуроров и адвокатов, что, наряду с ярко выраженными модальностью, персональностью и преобладанием прямого обращения, способствует привлечению внимания и установлению контакта с аудиторией. Русскоязычные и казахоязычные юристы более сдержаны в выражении собственного мнения, стараются придерживаться официального протокола, что согласуется с существующей традицией и особенностями организации судебного процесса в этих странах. При этом общественная оценка действий подсудимого, акцент на нарушении негласных норм морали характерны для менталитета как русскоязычных, так и казахоязычных представителей, в то время как англоязычные прокуроры, характеризуя подсудимого, стараются не прибегать к прямому указанию на какие-либо личностные качества и на первый план выдвигается характеристика совершённых действий. Когда речь идет об адвокатах, то американские адвокаты предпочитают прямую конфронтацию, российские юристы сочетают элементы конфронтации и компромисса, а казахстанские адвокаты всегда стремятся найти компромисс, в общем и целом согласиться с выводами прокурора и следствия. Эта ситуация обусловлена особенностями мента-

литета (традиционное на востоке уважение к власти, к старшим) и особенностями статусно-ролевой структуры судебного дискурса в разных странах. Констатируя факты, представители всех рассмотренных лингвокультур придерживаются одних и тех же принципов: объективности, логичности, полноты, имперсональности. Никаких особых отличий авторами не замечено, кроме степени детализации описания: американские прокуроры, как правило, описывают все мельчайшие детали совершения преступления, при необходимости прибегая к демонстрации улик, чтобы сделать речь более убедительной, наглядной. В российских, и особенно в казахстанских, судах информация подаётся в более сжатом виде, с меньшей детализацией, юристы редко прибегают к наглядной демонстрации улик, обычно зачитывая заранее подготовленные материалы, поскольку основная работа над материалом осуществляется на досудебном этапе.

В результате дискурсивного анализа установлено наличие устойчивой части в судебном дискурсе: этапы судебного заседания, фиксированные роли, сходные целевые установки участников. Меняются только участники со своими индивидуальными представлениями, убеждениями, интенциями, которые, при этом действуют в рамках заданной, строго детерминированной речевой ситуации. Отмечается, что когнитивные типы «судебный юрист» и «подсудимый» представителей русской, казахской и американской лингвокультур имеют много сходных черт, что объясняется в монографии особенностями конвенций судебной коммуникации. Выявленные различия объясняются особенностями менталитета, наличием определённых устойчивых стереотипных ментальных моделей.

В целом, данная монография представляет собой солидный новаторский труд по теории дискурса и может претендовать на настольную книгу по юридической лингвистике.

Список литературы

1. Булахтина, Н. А. Институциональные характеристики судебного дискурса (на материале английского языка) [Текст] / Н. А. Булахтина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 32–34.
2. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) [Текст] / Т. В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
3. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) [Текст] / Т. В. Дубровская // Вопросы языкознания – 2014. – № 2. – С. 76–88.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Нефедова, Л. А., Никифорова, Э. Ш., Олизько, Н. С. Когнитивный тип судебного дискурса: сопоставительный аспект. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – 172 с. – ISBN 978-5-91274-308-5.

6. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 389 с.

References

1. Bulahtina, N. A. (2018). Institutsionalnye kharakteristiki sudebnogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka) [Institutional features of judicial discourse (on the material of English language)]. Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 7, 1 (22), 32–34.
2. Dubrovskaja, T. V. (2010). Sudebnyy diskurs (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Courtroom discourse: Speech behavior of a judge (Based on Russian and English)]. Moscow : Akademiya MNEPU Press.
3. Dubrovskaja, T. V. (2014). Sudebnyy diskurs kak kul'turnyy fenomen: natsionalno-kulturnye osobennosti rechi sudey (na materiale russkikh, angliyskikh i avstrliyskikh sudebnykh zasedaniy) [The discourse of court as a cultural phenomenon: National cultural features in the speech of judges (case studies of court sessions in Russia, England, and Australia)]. Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language], 2, 76–88.
4. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language cycle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
5. Nefedova, L. A., Nikiforova, E. Sh., Oliz'ko, N. S. (2016). Kogniotip sudebnogo diskursa: sopostavitel'nyy aspekt [Courtroom discourse cognitive type: A comparative study]. Chelyabinsk : Entsiklopediya Press. ISBN 978-5-91274-308-5.
6. Palashevskaya, I. V. (2012). Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost' [Courtroom discourse: Functions, structure, narrativity]. Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Антропова Людмила Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация

Ерофеева Тамара Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: erofkaf@rambler.ru

Ефремова Дарья Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация, email: EfremovaDarya@yandex.ru

Залавина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация, email: tania_mgn@rambler.ru

Кулакова Ксения Вадимовна, аспирант Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Российская Федерация, email: xenia.kulakova@mail.ru

Ма Татьяна Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru

Макарова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной подготовки Российского государственного университета туризма и сервиса, Московская область, Российская Федерация, email: alexia90@rambler.ru

Макарова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: makarova_yn@mail.ru

Меграбова Эмма Грайровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация, email: megrabova.yeg@dvfu.ru

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Мухин Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация, email: s.muhin@inno.mgimo.ru

Неверова Евгения Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского и второго иностранного языков Новороссийского филиала Пятигорского государственного университета, г. Новороссийск, Российская Федерация, email: yarusova@gmail.com

Печенкина Виктория Сергеевна, студент Новороссийского филиала Пятигорского государственного университета, г. Новороссийск, Российская Федерация, email: vika.polina.1998@mail.ru

Пинчукова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: pinnat12@mail.ru

Плешков Евгений Сергеевич, аспирант кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация, email: evgeny-pl@mail.ru

Полякова Лилия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация

Попова Елена Павловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия, г. Москва, Российская Федерация, email: elenaravmail@gmail.com

Раздубев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск, Российская Федерация, email: arazduev@bk.ru

Райскина Валерия Александровна, аспирант, ассистент кафедры Романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: rayskinav@mail.ru

Рянская Эльвира Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартковск, Российская Федерация, email: elohka2210@yandex.ru

Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: elena.v.sergeeva@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филологическим наукам Российского Профессорского собрания, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация, email: ev-kharchenko@yandex.ru

Хлопова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация

Черноусова Анастасия Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: nastya-chernous@mail.ru

Южакова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация

Яковлева Анастасия Михайловна, кандидат исторических наук, аспирант кафедры лингвистики и перевода Нижневартговского государственного университета, г. Нижневартговск, Российская Федерация, email: amyakovleva@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Ludmila I. Antropova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Tamara I. Erofeeva, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, email: erofkaf@rambler.ru

Darya A. Efremova, PhD in Philology, teacher, Department of English Language No 1, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, email: EfremovaDarya@yandex.ru

Tatyana Yu. Zalavina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages in Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, email: tania_mgn@rambler.ru

Ksenia V. Kulakova, PhD student, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, email: xenia.kulakova@mail.ru

Tatyana Yu. Ma, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: tdovnar@mail.ru

Aleksandra I. Makarova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Fundamental Studies, Russian State University of Tourism and Service, Moscow Region, Russian Federation, email: alexia90@rambler.ru

Elena N. Makarova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of Business Foreign Language Department, Ural State University of Economics, email: makarovayn@mail.ru

Emma G. Megrabova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: megrabova.yeg@dvfu.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Sergey V. Mukhin, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language No 1, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, email: s.muhin@inno.mgimo.ru

Evgeniya A. Neverova, PhD in Philology, senior instructor, Department of English and Second Foreign Languages, Novorossiysk branch of Pyatigorsk State University, Novorossiysk, Russian Federation, email: yarusova@gmail.com

Victoria S. Pechyonkina, student, Department of English and Second Foreign Languages, Novorossiysk branch of Pyatigorsk State University, Novorossiysk, Russian Federation, email: vika.polina.1998@mail.ru

Natalya V. Pinchukova, senior teacher, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: pinnat12@mail.ru

Yevgenii S. Pleshkov, PhD student, Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: evgeny-pl@mail.ru

Liliya S. Polyakova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages in Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Elena P. Popova, PhD in Philology, senior teacher, Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, email: elenapavmail@gmail.com

Aleksey V. Razduyev, PhD in Philology, Associate Professor, Department of West-European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation, email: arazdujev@bk.ru

Valeriya A. Rayskina, PhD student, teaching assistant, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: rayskinav@mail.ru

Elvira M. Ryanskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, email: elohka2210@yandex.ru

Elena V. Sergeeva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, email: elena.v.sergeeva@gmail.com

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: ev-kharchenko@yandex.ru

Tatyana V. Khlopova, senior teacher, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

Anastasija S. Chernousova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, email: nastya-chernous@mail.ru

Yulia V. Yuzhakova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages in Engineering, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Anastasia M. Yakovleva, PhD in Historical Sciences, PhD student, Department of Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, email: amyakovleva@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Ерофеева Т. И., Черноусова А. С.</i>	Процесс запоминания слова: лингвистическая интерпретация (анализ двух экспериментов)	5
<i>Залавина Т. Ю., Антропова Л. И., Полякова Л. С., Южакова Ю. В.</i>	Соматические фразеологизмы с общей отрицательной коннотацией в национальных языках (на материале французского языка)	18
<i>Кулакова К. В.</i>	Выражения современного языка немецкой молодёжи в переводе	28
<i>Ма Т. Ю., Хлопова Т. В.</i>	Прецедентное имя библейского истока «DAVID» в материалах электронной версии журнала «TIME»	41
<i>Макарова А. И.</i>	Влияние отрицания на выбор наклонения в придаточных дополнительных предложениях в испанском языке	58
<i>Макарова Е. Н.</i>	Коммуникативный статус обстоятельств места в неблизкородственных языках	73
<i>Меграбова Э. Г., Пинчукова Н. В.</i>	Роль заголовков в формировании образа Европы в массмедийном дискурсе США и Великобритании	84
<i>Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А.</i>	Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон)	100
<i>Мухин С. В., Ефремова Д. А.</i>	Лингвостилистические средства контекстно-вариативного членения текста древнеанглийской поэмы «Морестранник»	115
<i>Неверова Е. А., Печенкина В. С., Раздубев А. В.</i>	Лексико-семантические особенности перевода наименования косметических средств (на примере сайта французской косметики Yves Rocher)	128
<i>Плешков Е. С., Харченко Е. В.</i>	Англоязычные названия песен: протест или призыв к действию	139
<i>Попова Е. П.</i>	Семантические переносы как источник формирования юридической терминологии	150
<i>Райскина В. А.</i>	Персоносфера средневековья через призму лингвокуртулогического типажа <i>chevalier médiéval</i> : моделирование паспорта	160
<i>Рянская Э. М., Яковлева А. М.</i>	Выражение авторской интенции в историографических текстах	169
<i>Сергеева Е. В.</i>	Библеизмы в поэмах С. Есенина революционного периода	184

Рецензии

<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Рецензия на монографию Л. А. Нефедовой, Э. Ш. Никифоровой, Н. С. Олизько «Когниотип судебного дискурса: сопоставительный аспект»	197
--------------------------	--	-----

<i>Информация об авторах</i>		206
------------------------------	--	-----

CONTENTS

Original Papers

<i>Erofeeva T. I., Chernousova A. S.</i>	Word memorization process: Linguistic interpretation (Analysis of two experiments)	5
<i>Zalavina T. Yu., Antropova L. I., Polyakova L. S., Yuzhakova Yu. V.</i>	Somatic phraseological units with a common negative connotation in national languages (Based on French)	18
<i>Kulakova K. V.</i>	Expressions of the modern language of German youth in translation	28
<i>Ma T. Yu., Khloпова T. V.</i>	The biblical proper name «David» in the materials of the electronic journal «Time»	41
<i>Makarova A. I.</i>	The effect of negation on mood choice in Spanish object clauses	58
<i>Makarova E. N.</i>	Adverbial modifiers of place and their communicative status in languages that are not closely-related	73
<i>Megrabova E. G., Pinchukova N. V.</i>	The importance of headlines in image-building of Europe in mass media discourse of the USA and Great Britain	84
<i>Morozova O. N., Androsova S. V., Protsukovich E. A.</i>	The prosody of imperative sentences in Evenki and Orochon (Pitch)	100
<i>Mukhin S. V., Efremova D. A.</i>	Linguostylistic means of contextual segmentation of the old English poem “The Seafarer”	115
<i>Neverova E. A., Pechyonkina V. S., Razduev A. V.</i>	Lexical-semantic peculiarities of translation of cosmetic product nominations (Based on Yves Rocher French cosmetics site analysis)	128
<i>Pleshkov Ye. S. Kharchenko E. V.</i>	English song names: Protest or call for action?	139
<i>Popova E. P.</i>	Semantic shift as a source of legal terminology development (Based on English)	150

<i>Rayskina V. A.</i>	Medieval person sphere through the prism of the linguocultural character type <i>chevalier médiéval</i> : The 160 modelling of passport	
<i>Ryanskaya E. M., Yakovleva A. M.</i>	The expression of author's intention in historiographical texts	169
<i>Sergeeva E. V.</i>	The Bible words in Yesenin's poems of the revolutionary period	184
Reviews		
<i>Fedulenkova T. N.</i>	Review of the monograph of I. A. Nefedova, E. Sh. Niki-forova, N. S. Oliz'ko «Courtroom discourse cognitive type: a 197 comparative study»	
<i>Our authors</i>		206

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 5, No 2, 2019.

Сдано в набор 30.05.2019. Подписано к печати 27.05.19. Дата выхода в свет 14.06.2019.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 24,64. Тираж 1000. Заказ 115. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.